

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Vet. DK4. S276. 085

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА,

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ

И

СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИИ,

ИЗДАВЛЕННІИ

Николаемъ Гречемъ

И

Фаддеемъ Булгаринимъ.

ЧАСТЬ ЦТО ДЕСЯТАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

**ВЪ ТИПОГРАФІИ ИМПЕРАТОРСКАГО ВОСПИТАТЕЛЬ-
НАГО ДОМА, 1826**

Печатать позволяется,

съ шѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ типографіи, представлены были въ Цензурный Комитетъ семь экземпляровъ сей книги, для препровожденія куда слѣдуетъ, на основаніи узаконеній. Санктпетербургъ, 2 Іюня, 1826 года.

*Цензоръ Коллежскій Ассессоръ и Кагалеръ
Константинъ Сербиковъ.*

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

1826. № XXI и XXII.

I.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПРЕСТУПНИКЪ.

(Происшествіе XVIII столѣтія).

П О В Ъ С Т Ъ .

Било двѣнадцать часовъ на вѣсѣхъ Парижскихъ башняхъ; мракъ и тишина полуночи водворились на улицахъ, и только изъ большихъ палащъ слышались отголоски жизни, между шѣмъ какъ сладкій, крѣпкій сонъ покрывалъ уже мирнымъ крыломъ своимъ всѣхъ бѣдныхъ, упомленныхъ и несчастливыхъ... Въ это время шелъ скорымъ шагами къ родительскому дому Графъ Фердинандъ Сеймуръ, юноша, одаренный крѣпкою силой и любезною разума, а что еще болѣе, незараженный модною испорченностью нравовъ. Онъ жилъ въ Парижѣ съ матерью, младшимъ братомъ и сестрою

отецъ же его, по размолвкѣ въ супружествѣ, еще за двѣнадцать лѣтъ, удалился въ деревню, и скрываясь тамъ отъ причудъ и дурачествъ слабонервной супруги своей, проводилъ дни, какъ ученый и философъ. Это не мѣшало ему, однако, принимать живое участіе въ дѣлахъ, а особливо въ любимцѣ его Фердинандѣ, пошому что близость разстоянія деревни отъ Парижа дѣлала весьма удобнымъ сообщеніе съ ними. Графъ Фердинандъ былъ настоящее подобіе отца своего: добродушенъ, благороденъ, опкровененъ, пылокъ, часто неразумишеленъ, но чуждъ нескромности. Веселое благовидное лице отражало, какъ въ зеркалѣ, его душу. Ростомъ былъ онъ не высокъ, но слоенъ; всему, что ни дѣлалъ, умѣлъ придавать особенную вѣрность; но захотѣвъ значило у него то же, что исполнишь. Онъ танцевалъ, пѣлъ, сочинялъ стихи, игралъ на разныхъ инструментахъ, съ отличною ловкостью; съ оружіемъ знакомъ былъ, какъ лучший воинъ, въ верховой ѣздѣ не уступалъ Франкони, плавалъ не хуже бобра. Къ этимъ качествамъ присовокуплялись другія, какія не всегда найдемъ въ молодомъ человѣкѣ, ему подобномъ: къ спаросни оказывалъ онъ уваженіе, матерей задобривалъ услужливостью, всемъ нравился учтиво-

шью и, не бывъ нечувствительнымъ къ
 тонкости и красоте, умѣлъ оплачь и
 истинное достоинство отъ ложнаго блеска.
 Среди обольщеній развратной столицы,
 его поведеніе было безъ упрека: за по здо-
 ровье блистало изъ большихъ черныхъ
 глазъ его, и цвѣло на румяныхъ ще-
 кахъ. Опець по справедливости гордил-
 ся такимъ сыномъ, но мать, увлекаемая
 превратностями свѣта, предпочитала ему
 младшаго сына, котораго все достоинство
 состояло въ томъ, что онъ имѣлъ Грече-
 скій носъ и Греческое имя—впрочемъ же
 во всемъ былъ сущая противоположность
 Фердинанда, котораго, какъ и молоденькая
 сестра ихъ Викторина, долженъ былъ мно-
 гое переносить отъ него, но терпѣлъ снис-
 ходительно.

Въ эту полночь, съ которой начался
 нашъ рассказъ, шель Фердинандъ изъ Одеона,
 и, размышляя о видѣнныхъ новыхъ пьесахъ
 Пикара, на скоромъ ходу не замѣчалъ,
 что уже минулы съ двѣ нѣжная ручка
 останавливала его за шинель и съ каж-
 дыми двумя, прѣмя шагами, слабый, умо-
 ляющій голосъ твердилъ: „Государь мой!—
 Ахъ, милосердивый государь мой!“

Пошелъ дождь, и ночь сдѣлалась еще
 мрачнѣе. Фердинандъ хотѣлъ вынуть пла-

шокъ изъ кармана и — схватила маленькую ручку, думая; что поймала ворюшка, она сжимаецъ ее крѣпко, оборачиваеця и ловишь молоденьку дѣвочку, кошорая съ нѣжнымъ, пропятымъ восклицаніемъ, падаетъ безъ чувствъ къ нему на руки. Фердинандъ испугался; понесъ легкую ношу, подарокъ случая, къ слабогорящему фонарю, и увидѣлъ прелеснѣйшее померщвѣвшее личико, омоченное слезами. Онъ вынулъ платокъ, чтобы опереть ихъ; шуть опкрылись милые глазки, и лице приняло совершенно ангельскій видъ. Дѣшская довѣрчивость, дѣвственнѣйшій стыдъ и глубокая печаль давали взорамъ дѣвочки такую выразительность, что невольно вызывали улыбку умиленія. У Графа забилося сердце; дѣвушка вырвалась, закрыла лице руками и хохотала бѣжаща; Фердинандъ удержалъ ее.

„Ради Бога!“ вскричалъ онъ: „скажете, онъ чего слезы ваши? какимъ образомъ вы одиѣ въ такое время на улицѣ? Будьте опкровенны, прошу васъ.“

Дѣвушка опшполкнула его руку, упала на колѣна, скрестила на груди руки и, съ умильною улыбкою, сквозь слезы глубочайшей горести, лепетала: „государь мой! ахъ, милосливый государь!“

Фердинандъ, пррвнушый до глубины души, свршилъ поднашь ее и спрашивалъ въ изумленіи: „чего желаете вы? неужели— нвншь!— невозможно— недоспашокъ, не можешъ бышь, причиною слезъ вашихъ.“

— „Ахъ, да!— мать моя— завпра ее не будешъ— если я— если сегодня же не пособашъ ей!“ шакъ, рыдая, говорила дврвшка, и бросилась опяшь на колна.

Соспрадашельный юноша оцврнвлъ; но пылкй, какъ и всегда, поднимаетъ онъ опяшь несчастную, схвашываетъ ее подъ руку, шакъ, что она задрожала, и бвршилъ прямо по улицъ.

„Государь мой— государь мой!“ говоришь она чупшь слышно: „не сюда!“ И Фердинандъ шакже спремишельно поворачиваетъ назадъ, пробормошавъ шолько: „Ну, ввдъ я не могу же знашь!“

— „Ахъ, если вы не будете скромны! лепешала дврвшка.

„Не буду скромень? я? Сохрани Богъ, Если бъ вы знали, какъ мнъ васъ жалъ! Госповъ жизнью за васъ жершвовашъ! Пойдемъ-ше, поспншимъ-ше къ вашей маперѣ.“

Такъ говорилъ онъ, и малюшка ободрилась, схватила его руку, прижимала ее къ челу своему, къ ушнамъ своимъ, и бвржала быспрве Апаланшы. Вдругъ обеща-

невилась она въ темной аддеѣ, передъ полу-
распвореннымъ входомъ, принадлежащимъ
къ высокому, узкому, мрачному, старин-
ному, смрадному дому—вошла туда и,
ощупью, шагъ за шагомъ, среди Египеш-
ской пымы, повела его вверхъ по крушой,
улицевой лѣсенницѣ, какъ бы нарочно
успроенной, чтобы кому нибудь свернуть
щю. Наконецъ опворила она дверь, и Графъ
очутился въ чистенькой горенкѣ, гдѣ, при
одичной опряжности, во всемъ замѣненъ
былъ большой недоснашокъ. Понухающая
лампа бросала на все слабый, померкающій
свѣтъ. Столъ, при стула и пальцы сосна-
вляли всю унварь, а у задней стѣны малень-
кій альковъ прикрытъ былъ бѣлымъ занавѣ-
сомъ, на аршинъ недоснающимъ до полу.

Фердинандъ окинулъ все бѣлымъ взгля-
домъ, и сердце его стало опъ соспрада-
нiя; дѣвушка скрылась за занавѣсъ.

Долго прислушивался онъ, но не слыша
ни малѣйшаго движенiя, опдернулъ занавѣсъ,
и ему представилось скербное ложе больной,
недвижимой женщины.

Дѣвушка положила палець на губы и
прошептала, умоляя: „эпо мать моя; ради
Бога, пище, она спить!“ Фердинандъ за-
гладнулъ въ померщѣе лице, и содрогнулся;

положилъ руку на льдинохолодное чело, и ошисшунилъ въ ужасѣ.

„Что вы!“ спросила дѣвушка.

— „Ничего“ — ошвѣчалъ онъ: „ничего, милое дитя! да, машунка ваша покомшя; не будемъ ей мѣшать.“

Говоря это, вывелъ онъ малюшку и задернулъ занавѣсъ, чшобъ скрышь онъ нее спрашный образъ смерти. Еще однажды вспрепенулся огонь лампы, и померкъ совершенно. Смутное предчувствіе объяло, вдругъ сиропу; она закричала жалобно, зашашалась, искала оперешься, и безъ чувствъ поверглась ему на руки.

Положеніе Графа было спрашно и зашпрудишельно. Одинъ, въ чужемъ домѣ, окруженъ мракомъ, предъ нимъ шрупъ, на рукахъ его умирающая, и ве-ошкуда ошдашь пособія. Не смѣя двинушься съ мѣста, самъ почти безъ силъ и безъ мыслей ошъ ужаса, споялъ онъ, и прижималъ бездыханную къ своему сѣльнобіющемуся сердцу, какъ бы спрашась, чшо смерть и ее у него пошипшь. Вдругъ на улицѣ поднялся шумъ, а пошомъ послышался и на дѣспнищѣ. Это, привело Фердинанда въ память. Нѣскольго голосовъ на перебивъ кричали и спорили; между ними явспвенно слышалъ онъ: „имемъ Короля! держище! держище!“ Цѣлая

толпа народа, съ попаньемъ, взбиралась на лѣспницу; рванулись въ дверь, вышибли изъ пещей и повалили ее; множеству зажженныхъ свѣчей и факеловъ освѣтили комнапу. Прежде всѣхъ вбѣжалъ человекъ съ распроспешными руками и съ громкимъ крикомъ: Агаша! Агаша! Она очнулась, воскликнула: „башюшка! башюшка! она умерла!“ вырвалась, и повалилась къ ногамъ его.

Оцѣпенѣвъ отъ ужаса, сподѣлъ неизвѣстный. Полицейскій приславъ, съ полдюжины алебардисновъ, сержантъ и шри солдата появились въ дверяхъ; всѣ въ голосъ кричали: „именемъ Короля!“ тогда какъ доброму Королю вѣрно и не мечталось, что подъ кровлею древнѣйшаго дома въ столицѣ будущъ пугать имъ, какъ бы какимъ чудовищемъ; иначе конечно бы самъ онъ сжалился надъ опчанннмъ, ужаснымъ положеніемъ супруга и дочери, въ виду кошорыхъ не оспылъ еще шрупъ любезной имъ женщины. Но исполнивъ Королевской власпи, взвѣсивая важность своего порученія, не думавъ о милосердіи Монарха, а запасся желзненнымъ сердцемъ, кошорое конечно было у него всегда наготовѣ. Никакія бѣдспвіа въ свѣтѣ не въ сошпаніи были пронумъ его; онъ повѣсилъ

бы весь человѣческій родъ, если бы могъ начать эту операцію именемъ Короля, и если бы хорошо ему за то заплашили.

„Держи! держи!“ заревѣвъ онъ шеперь изъ за солдатскихъ ружей: „если жъ будущъ прощадиться, по спрѣвай — мнѣ все равно, хоть по мершвымъ.“ Тушъ Графъ запылавъ опъ бѣшенства, видя, какъ во зло употребляютъ имя Монарха.

„Государь мой!“ сказалъ онъ неизвѣстному: „вы ошець этой молодой особы, вы несчастливы; судьба, вамъ угрожающая, можешь лишишь васъ и дочери! Дайте мнѣ волю дѣйствовать, или послѣдуйте моему примѣру; послѣ дальнѣйшее объясненіе!“

И не перя болѣе словъ, схватываешь онъ новаленную дверь, взмахиваешь ею, какъ Геркулесъ палицею или Самсонъ ослиною челюстью; первому досталось сержаншу; онъ обратился вспяць, за нимъ и всѣ, кромѣ самого присава, кошорый все еще не переспавалъ ревѣшь: именемъ Короля, и кошорому наконецъ досталась бышь Chesъ выкинушымъ за дверь собственноручнымъ шолчкомъ Графа.

Очистивъ поле битвы, Графъ обратился къ неизвѣстному, и воскликнулъ: „шеперь, государь мой, дорога вамъ ошкрыша; спасайтесь, пока не возвращающъ эти

жертвы еще въ большемъ числѣ. И, не дожидаясь отвѣта, схватываетъ онъ Агашу свободно и безбоязненно, какъ будто бы она была его собственностью, и хочетъ нести ее вонъ. Тогда неизвѣстный, спояв- шій дошолъ въ оцѣпеннѣи и ни въ чемъ непринимавшій участія, береть его за руку и указываетъ на умершую.

„Понимаю!“ восклицаетъ Фердинандъ: „Завтра же скорую я эти, драгоценные вамъ останки, самымъ приличнымъ обра- зомъ, и доставлю вамъ случай въпайнѣ помолиться на могилѣ. Обѣщаю вамъ именъ этого бездушнаго шрупа!“

Тутъ крѣпче обхватилъ онъ Агашу, которая жалась къ его сердцу; изумленіе блеснуло въ мрачныхъ взорахъ неизвѣстнаго; говорить онъ не могъ, сердце его было слишкомъ полно; онъ началъ глухо рыдать, заключилъ юношу въ свои объятія, повлекъ его съ Агашой въ смертному одру, соединилъ тушь руку ея съ холодною рукою мапери, прижалъ объ къ груди своей, и наконецъ омочилъ ихъ испочникомъ горчайшихъ слезъ.

„Юноша!“ воскликнулъ онъ попомъ отвѣтственнымъ пономъ опчаяннѣ: „Богъ — мое несчастіе — непреодолима судьба спдаюшь въ свои руки все, что мнѣ

дорого! — Вошь, кто помогать мнѣ сносишь
ненавистное существованіе. Не знаю
тебя, но оставляю тебѣ шкуру маперы,
довѣряю тебѣ честь дочери. Заклинаю
тебя Богомъ, предъ несповѣдимою волею
консорого повергаюсь въ прахъ — Имъ за-
клинаю тебя: не будь безжалостнѣе къ
моему положенію; никогда не будь я пре-
спушникомъ! Сжался — ахъ, сжался надъ
моею дочерью!»

Тутъ прервался его голосъ.... Ферди-
нандъ чувствовалъ себя вдохновеннымъ; въ
это мгновеніе никакая человѣческая сила
не была бы въ состояніи вырвать у него
Агашу; онъ щипалъ себя ея опцемъ, за-
спушникомъ, покровишелемъ. Въ ней одной
существовалъ для него міръ, къ консорому
онъ былъ прикованъ. Но эта Агаша,
непомогающая, умирающая, почти безъ
чувствъ лежала на рукахъ его; ея спасе-
ность привела его въ память. Онъ спѣ-
шилъ удалитъ ее изъ видѣнъ несчастнаго
обиталища смерти; съ опцемъ и съ дочерью
пустился онъ внизъ по лѣстницѣ; но при вы-
ходѣ изъ дому нашлась преграда; соединен-
нымъ наружную дверь, двѣснились, шумѣли,
кричали, зашумѣлось, сами не зная чѣмъ.
Неизвѣстный боялся выйти; но мужествен-
ный Фердинандъ сдалъ ему на руки дочь

его, и закинула за собою следованіе. Послѣ нѣсколькихъ дюжинъ полчковъ вѣво и вправо, разсѣялись все преняшсшвія. На такую учинивую просьбу все успунили дорогу, и такимъ образомъ Фердинандъ вывелъ своихъ на улицу. Тушь оснатовились онъ мимовзжій порошній сѣябрь, опхлопнулъ дверцы, посадила шуда опца съ дочерью, сама вскрыгнула вельдъ за ними.

„Куда жъ вхашь?“ спросилъ кучерь, испуганный сподившимся народомъ, крикомъ его, и быспрошею распоряженій молодого господина.

— „Куда хочешь!“ отвѣчала Графъ.

Кучеру послышилось гдѣ Boucherat, вмѣсто сказаннаго; ой tu voudras, и онъ поспикалъ во весь одоръ. Между шимъ незнакомецъ сидѣлъ задумчиво, съ мрачнымъ видомъ; голова дочери лежала на груди его. Глаза ея были закрыты; все показывало въ ней совершенное изнеможеніе; съ полуотверстыми ртомъ едва испускала она слабое дыханіе; и какъ будно она. Фердинандъ не претѣлъ моль замѣнить такое положеніе. Аганы, какъ свѣтъ фонаря бласнулъ въ карену; онъ схватилъ ея руку и почувствовалъ въ ней необыкновенный жаръ. „Боже мой! я боюсь за нее!“ вскричалъ онъ съ впрещомъ.

— „И я тоже“ ошвѣчала невнакомецъ:
„она шакъ много спрадала, и ахъ! — со
вчерашняго дня ничего не вѣла!“

„Ничего не вѣла!“ вскричалъ Фердинадъ,
какъ бы громомъ пораженный. Онъ высунулся
изъ карешы, смонгрѣлъ во всехъ домахъ,
не увидишь ли гдѣ огня — напрасно! Среди
полумилліона людей, созданныхъ по образу
и по подобію Божію, изъ копорыхъ многіе
получающъ по сотни тысячъ дохода, можно
умереть ошъ того шолько, чпо не полу-
чишь спакаана воды для ушоленія жажды!
Такъ думалъ онъ, и наконецъ увидѣлъ скром-
ную вывѣску небольшого кофейнаго дома.

„Сшой!“ сказалъ онъ кучеру, и какъ
сей не вдругъ услышалъ, Фердинадъ вы-
шибъ окно и шакъ дернулъ его за шинель,
чпо ворошникъ оснался въ рукахъ его.
Кучеръ спалъ бравишья и проклиналъ
сумасшедшаго, но не смѣлъ ослушанья, и
осшановился у подъзда, копорый былъ
ему показанъ. Между нѣмъ Графъ уже
выскочилъ изъ карешы, и опучалъ изъ всей
силы въ дверь, руками и ногами. Никшо
не ошвѣчалъ, никшо не поворачивался. Въ
досадѣ берешъ Графъ опорванный верош-
никъ кучерской шинели свершываешъ его
шуго въ комкъ и бродаетъ въ окно. Тушъ
взбударажился народъ въ домъ, кричанья:

огня! кричатъ: воры! Человѣкъ въ рубашкѣ и въ колпакѣ появляется у окна съ ружьемъ, и прицѣливается въ Графа. Нужно было скорое объясненіе: Фердинандъ умоляетъ о сосраданіи героя въ колпакѣ, но сей, объявляя полицейскій законъ, что съ 11 часовъ шракширъ не можешь бышь ошкрытъ ни для кого, оспаешся глухъ къ всѣмъ, самымъ прогашельнымъ увѣщаніямъ, до шѣхъ поръ, пока наконецъ Графъ, доведенный до испущенія, общаешъ по снгу лундоровъ за каждый спаканъ воды для бздной, умирающей дѣвушки.

Золото и здѣсь подѣйствовало пуце всѣхъ увѣщаній: грубый колпакъ дѣлается вѣжливъ, створчивъ, сосирадешель. Дверь ошпирающъ; хозяйинъ и хозяйка, въ самоти не брежномъ нарядѣ, вѣбвгающъ вспрѣчашъ съ факелами. Агашу выносятъ изъ карелны и кладутъ на диванъ. Гомовяштъ горячую воду, чай, пушъ, кофе, оржадъ! Мужъ и жена бвгающъ; суешшися, спѣлкавшяшся; браняшся, и десятъ разъ нащоная, всемаде усѣвшающъ сѣвшащъ. Наконецъ огонь развѣли, вода рекинѣла, и Агашъ подающъ чашку чаю.

Какая прелесшная дѣвушка! Тенерь жомько вглядываешся въ нее Фердинандъ, и въ какшъ восторгомъ! Длиннѣе кашшано-

уже волосы развѣвающимся по плечамъ ея. Она еще молчишь, но глаза ея выражаются языкомъ чувства. Сидя между ошцемъ и Графомъ, она глядишь на того и другого, и оба ловяшь взгляды ея, чшобы предупредишь желаніе.

Хозяйка видишь, чшо Агаша, кофрой грудь шеперь только облегчилась испочникомъ слезъ, не можешь ни пишь, ни ѡспъ, и она предлагаешь ей особую комнату, въ надеждѣ, чшо господа осшануща шушь ночевашь. Графъ соглашаешся на шо охотно, и шушь объявляешь о себѣ шракширицицѣ.

„Эшотъ господишь“ — говоришь онъ въ смущеніи, показывая на незнакомца: — „онъ — мой пріятель; эша дѣвица — дочь его, я ея родственникъ, ея хорошій знакомый, старшій сынъ Графа Сеймура, въ домъ котораго живу; и я во всемъ за нихъ ошвѣчаю.“

Съ шѣмъ вмѣшвъ сунуль онъ въ руку шракширицицы при аудора, и въ минушу ошводящася для всѣхъ порядочныа комнатамъ съ чисшенъкими постелями.

Между шѣмъ кучерь соскучился ждашь, и все еще бранясь за ошорванный воронникъ, входишь онъ въ шракширь и спра-

пиваетъ, здѣсь ли заплакать ему, или въ тие Boucherat?

„Здѣсь!“ отвѣчалъ Фердинандъ и, по его требованію, далъ ему поспѣшь шесть франковъ, и сполько же за пошерю ворошника. Ого! думалъ удивленный кучеръ: вшопъ баринъ даетъ также легко по двѣнадцати франковъ, какъ другіе по двѣнадцати су! Долженъ бытъ знашной породы, и вѣрно увезъ молоденькую двушку — еще, можешь бытъ, монашенку. — Съ такими мыслями, кошорыхъ послѣдствія узнаемъ мы скоро, повѣхалъ онъ прочъ на своемъ фіакрѣ.

Между тѣмъ все было пригошовлено къ успокоенію Агашы, кошорая въ помѣ очень нуждалась, и надобно было разспашься. Тутъ незнакомецъ подошелъ къ Фердинанду, и шихо сказалъ ему: „жена моя!“ Графъ пожалъ ему руку и тѣмъ успокоилъ его. Агаша вспала, чшобъ проспашься, но едва могла держашься на ногахъ. Взявъ ея руку, Графъ хопѣлъ напечатлѣвъ на ней прощальный поцѣлуй, но въ умиленіи осшановился, и долго бы смощрѣлъ на прелестную, если бѣ опецъ не увелъ ее. Тутъ послѣвнилъ Графъ къ себѣ домой.

Въ шо время, какъ звѣзда любви восшодила на Фердинандовомъ горизонтѣ, ему

угрожало немаловажное несчастье, какого никогда не могъ бы онъ предсавить себѣ.

Братецъ его Таксилій, кромѣ Греческаго имени, имѣлъ еще Спаршанскую уловку, съ помощію поддѣльнаго ключа, дославленнаго ему плушомъ-слугою, опшпиралъ маменькинъ письменный столъ и шаскалъ опшпуда деньги, себѣ на игру и на разныя безпутства. Незадолго предъ шѣмъ маменька стала замѣчать воровство, и нимало не подозрѣвая своего любимаго сына, она подумала на Фердинанда, шѣмъ больше, что опшп не ночевалъ на сей разъ дома. Въ полной увѣренности, что шакимъ образомъ и прежде шаскалъ и промашывалъ онъ деньги, рѣшилась она вхашъ въ деревню къ своему супругу, съ самой размовки ихъ ее невздавшему — чшобъ шолько досшавишь ему злѣйшее огорченіе извѣшнемъ опшомъ гнусномъ просшупкѣ его сына, и вмѣстѣ похвасшашся проницашельностію, кошпоя засшавляла ее предвидѣшь въ немъ негодяя. Она совершенно досшигла своей цѣли: изумленіе Графа при шакомъ спранномъ посвщеніи перешло въ величайшій ужасъ, и добросовѣшншій опецъ, убвдясь ея доказашельствами, просилъ ее возвратишься, умолчашъ о своей повздкѣ и ждашь, пока онъ успѣешъ сдѣлашь недосшойному

ему примѣрное наказаніе, но шайное, чего требовала честь всей ихъ фамиліи.

Успокоенная такимъ опшывомъ, Графиня опшправилась назадъ въ Парижъ и, къ величайшему удивленію Таксилія, уже не говорила ни слова о воровствѣ, кошорого опскрышіе причинило ей сначала жесточайшіе спазмы.

Било уже чепыре часа ушра, когда Фердинандъ воропшился домой послѣ своихъ приключеній; свѣжій воздухъ нѣсколько охладилъ кровь его, и онъ спалъ помышляя о погребеніи, о кошоромъ позабоишьяся взялъ на себя. Не зная, какъ приишьяся за это дѣло, вздумалъ онъ обратишья къ духовнику шого прихода, гдѣ жила машь Агаши.

Въ эпошь духовникъ нашель Фердинандъ челошья опшличнаго, кошорый, любя своего ближняго, снисходишелень къ его слабоспямъ, и не имѣлъ привычки шѣмъ хвалишьяся. Какъ скоро Фердинандъ объявилъ ему свою просьбу, Священникъ не предспавилъ никакаго зашрудненія похоронишья жену челошья, преслѣдуемаго Полиціею. Слажено било такъ, чшобы похороны сдѣлашья не великолѣпныя, но и не проспые. До шесшидесяши факеловъ, швейцаръ въ костюмъ, чепыре наемныя плакальщицы, двѣ шраур-

имя кареты. При этомъ исчисленіи не забылъ Графъ и бѣдныхъ въ приходѣ, общая жъ всѣ деньги принесши сполна къ десятому часу.

„Все это хорошо;“ сказала Священникъ: „но еще я не знаю имени умершей, а это не послѣднее дѣло.“

Графъ пораженъ былъ такимъ вопросомъ; ему и на мысль не приходило узнать ошъ незнакомца объ его имени. Дочь называли Агашой, вошъ все, чшо было ему извѣстно. Священникъ удивлялся, чшо человекъ, принимающій споль живое участие въ горешномъ семействѣ, не умѣлъ даже назвать его; но большая опытность не допустила его и шущъ до отказа или затрудненій; напрошивъ, онъ подалъ хорошей совѣщъ, кошорый сосшоялъ въ слѣдующемъ: или распросишь въ шомъ домѣ, гдѣ лежишь умершая, или навѣдашься въ шомъ кварталѣ у полицейскаго присшава, у кошораго въ рееспрѣ жилищамъ можно до всего дорышъся. Фердинандъ избралъ послѣднее средство, и хопя самого присшава не нашель дома, но писарь, кошорому сунуль онъ въ руку шалеръ, согласился во всемъ удовлетворить его. Онъ раскрылъ рееспрѣ, ошмыскаль улицу, номеръ дома, шпашъ, по-

дожилъ палець на найденное мѣсто и
читалъ:

„Яковъ Дюруръ, музыкантъ, пятидесяти двухъ лѣтъ, родомъ изъ Кольмара, прѣвхалъ въ Парижъ съ г-жею Адрианою Жильбертъ, его женою, тридцати двухъ лѣтъ, и дѣвицею Агашою, ея дочерью, шестнадцати лѣтъ шестии мѣсяцовъ.“

Графъ выписалъ себѣ имена.

„Ага!“ сказалъ писарь; „вопъ внизу еще приписка. Слушайте!“

Фердинандъ слушалъ со вниманіемъ.

„Яковъ Дюруръ — имя вымышленное; настоящее же Баронъ Шшеймъ, преждебывшій Посланникъ Прусскаго Двора, обвиняемый въ измѣнѣ своему Государю, преслѣдуемый, какъ шпіонъ, ошъ Дворовъ Австрійскаго, Неаполитанскаго, Баварскаго, Французскаго, Испанскаго и другихъ.

— „Боже мой!“ вскричалъ Фердинандъ: „мнѣ кажется, его преслѣдуетъ вся Европа.“

„Слушайте дадѣ!“ продолжалъ писарь: „Сказанный Баронъ Шшеймъ путешествуешь подъ различными именами, съ поддѣльными паспортами, избѣгая вездѣ полицейской бдишельности. Дворъ, заславляющій его преслѣдовашь, открылъ его въ Флоренціи подъ именемъ Рыцаря Гашшо, въ Бернѣ подъ именемъ Графа Вальдена, въ Амъ

спердамъ подь именемъ Венеціанскаго купца Спадаино, въ Лондонъ подь именемъ Оспъ-Индскаго мореходца Адиная, въ Мадридъ подь именемъ Голландскаго Жида Измаила, и наконецъ въ Парижъ, подь именемъ музыканша Якова Дюрура.“

„То-шо повздилъ эшошь человекъ по свѣшу!“ разсуждалъ Графъ, уходя: „но какимъ образомъ удалось ему вооружить прошивъ себя всѣхъ Монарховъ! Мнѣ, правда, нѣчего горевашь о томъ, что онъ изъ дворянъ; но осужденъ, какъ измѣнникъ Короля — преслѣдуемъ какъ шпионъ! Эшо худо! очень худо! — Что мнѣ шеперь намашь! — Боже мой! осшавили Агашу! мою крошкую, предешнюю, милую Агашу, кошорая съ шакою шрогашельною довѣрчивосшью ошдалась въ мои руки? — Никогда! Что у ней общаго съ прешупленіями ошца? — И — развѣ не говорилъ мнѣ и онъ, при смершномъ одрѣ супруги своей, что онъ невинень? — Но мой ошець, моя машь, моя фамилія? — Ну, вѣдь Агаша изъ шакой же дворянской фамиліи, какъ и я; да еще намъ и далеко до шого. — Безразсудно въ эшомъ случаѣ прешпирашъ взоръ свой въ будущее; кто сказалъ бы мнѣ, что случится со мною въ эшу ночь и въ эше ушро? Прежде всего надобно похоронить машь

Агаша; подь какимъ же именемъ? — Обь
всѣмъ спрошу Священника; шеперь только
промыслишь денегъ.“

Уже было семь часовъ; Фердинандъ, въ
крайности, принужденъ былъ прибѣгнушь
съ просьбою о деньгахъ къ Таксилію, у
котораго иногда водились онъ въ избытокъ;
но сей опослалъ его къ росшовщику жиду,
который на вексель во сто лундоровъ со-
глашался дать только двадцать пять. Какъ
ни досадовалъ молодой Графъ на шакое гра-
бительство, но въ надеждѣ никогда не имѣть
подобной нужды, согласился на условіе.
Взявъ деньги и упѣшая себя, что въ пер-
вый и послѣдній разъ имѣлъ дѣло съ шакимъ
благороднымъ человекомъ, онъ поспѣшилъ къ
Священнику. Сей устроилъ все, какъ нель-
зя лучше: шѣло Агашиной машери погре-
бено было приличнымъ, но не пышнымъ
образомъ, въ уединенномъ, шѣннскомъ мѣ-
стѣ кладбища. На могилѣ положили про-
шой камень, на которомъ Фердинандъ ве-
далъ вырѣзать надпись:

„Здѣсь плачуть мужъ, дочь и другъ.“

Въ девять часовъ юноша возвратился
съ погребенія, довольный собою, что со-
вершилъ долгъ свой, но съ невольнымъ уны-
ніемъ въ груди, послѣдствиемъ печальнаго

обряда. Трупъ поспѣшилъ онъ къ своей возлюбленной.

Уже его ожидали съ нешерпѣніемъ; Агашу насилу могла уговорить г-жа Бернаръ, хозяйка дома, чшобъ она оспалась въ постель; въ ней все еще продолжалась лихорадка. Отецъ сидѣлъ подлѣ нея и шрепешалъ при каждомъ ея вздохѣ, или вмѣстѣ съ нею заливался слезами. Лишь только вышелъ Графъ, Агаша радостно вскрикнула и, казалось, хотѣла броситься ему на встрѣчу. Фердинандъ дружески съ нимъ раскланялся, и обратясь къ ошцу, ошдалъ ошчешъ въ погребеніи супруги его.

Баронъ былъ шакъ распроганъ, чшо едва не бросился къ ногамъ своего молодого благодѣшеля. Агаша, со взоромъ, исполненнымъ любви, прижала руку его къ своему сердцу. Хотя Фердинандъ провелъ шущъ часа два, сшасливѣйшихъ въ своей жизни, но не рвшился начашъ говорить о сдѣланныхъ имъ ошкрышяхъ; да и нѣжное чувштво скромности не допустило его. Условились на другой день рано пошпру посѣшшить вмѣстѣ могилу усопшей. Графъ прѣхалъ въ назначенное время, и взялъ въ свою карешу ошца и дочь. Погода была шихая, но небо сумрачно. Безмолвіе гробовой обштели нарушалось шолько легкимъ колыханіемъ

въ свисшихъ деревь. Фердинандъ шель впереди; молча, слѣдовалъ за нимъ горешный супругъ и вель съ собою шихо рыдающую дочь. Приблизясь къ надгробному камню, Фердинандъ показаль его своимъ спутникомъ; они съ благоговѣйнымъ плачемъ преклонили колѣна, и съ умиленіемъ спали молишься. Когда ихъ духъ укрѣпился молишвою и сердца успокоились поклонеіемъ любезному праху, Графъ думаль, что наконецъ насшала минуша, въ кошорую услышишь онъ загадочную испорію Барона. Однако сей ограничилъ себя изьявленіями искренней благодарности, и шолько присовокупилъ къ концу:

„Недолго уже мнѣ и на словахъ вырашашь вамъ, сколько я чувствую все ваши одолженія; я долженъ бѣжашь.... Иначе жизнь моя каждую минушу въ опасности; и шакъ уже довольно долго удавалось мнѣ уклоняшься отъ арешта — а можешь бышь и безмершной казни.“

Фердинандъ поблѣднѣль. Агаша бросилась въ объшпія ошца своего.

„Дочь моя!“ продолжалъ онъ: „неужели несчасшіе еще не пріучило шебя къ мужесшву?... Ахъ, шебъ оно очень нужно! Не хочу, шшобы судьба разлучила меня съ вами, Графъ, прежде, нежели вы

хорошенько меня узнаете; тогда вы оспались бы съ ложнымъ обо мнѣ заключеніемъ и пожалѣли бы, можешь бышь, что человекъ недоспойный воспользовался вашимъ благороднымъ поступкомъ. Нышь! пусть лучшее воспоминаніе обо мнѣ для васъ сохранишь.“

И послѣ такоаго вспугненія расказаль онъ Графу длинную, удивительную, запутанную исторію, кошорой содержание главнѣйше соспоало въ шомъ, что его считали учаспникомъ въ сбширномъ заговорѣ, взволновавшемъ тогда всю Европу, и что его обвиняли въ пособіи замыслу на цареубійство, о кошоромъ будпо бы онъ зналъ и не ошкрылъ во время. Осужденный своимъ Монархомъ, лишился онъ всего имѣнія, былъ изгнанъ изъ ошечества, преслѣдуемъ и даже приговоренъ къ смерти. Только побѣгъ съ мѣсца на мѣсцо спасаль его до шого времени.

Съ полнымъ убѣжденіемъ въ его невинности изъ всѣхъ приведенныхъ имъ доказательствъ, и съ удивеніемъ въ душѣ ошъ шолькихъ бѣдшвій, обнялъ юноша несчастнаго Барона, кошорый съ чувствами вѣжнѣйшаго ошца, прижалъ его, вмѣстѣ съ Агашею, къ груди своей.

Съ шѣхъ поръ хладный могильный камень былъ ежедневнымъ свидѣтелемъ ихъ сердечныхъ изліяній — благоговѣйныхъ къ скрытому подъ нимъ праху, дружескихъ между Барономъ и Графомъ, еще болѣе ивъжныхъ между симъ послѣднимъ и Агашою. Она каждый день украшала могилу свѣжими цвѣтами, приносимыми ей Фердинандомъ, и служившими какъ бы эмблемою безпре-спанно возрастающей любви его къ ней. Жилище несчастныхъ оспавалося но же, у гостепріимной г-жи Бернаръ, весьма до-вольной щедростію молодого Графа, копо-рый, вопреки своему закланію, загля-нулъ оянь къ росповцику Жиду, и на втошь разъ считалъ себя даже счастли-вымъ, пошому, что большую часть вновь заняныхъ денегъ удалось ему, подъ при-личнымъ предлогомъ, навязашъ Барону, имѣв-шему въ нихъ необходимость.

Такимъ образомъ прошла недѣля, без-мятежная и счастливая какъ нельзя боль-ше для молодыхъ людей, почти неразлуч-ныхъ. Между шѣмъ оказалось, какъ смы-сленъ былъ кучеръ, копорый первый до-спавилъ ихъ къ жилищу г-жи Бернаръ. Эшошь честный Фашонъ объявилъ Поли-ціи, что въ шакой-то улицѣ, проѣзжалъ мимо, засшалъ онъ драку за двушку, копорую

какой-то молодой господинъ, вѣроятно по-
женился ея, посадилъ къ нему въ карету,
силою ошановивъ лошадей; что эпошь же
господинъ ошорвалъ ему ворошникъ ошь
шинели, перебилъ окна въ шракширѣ, далъ
ему двѣнадцать франковъ, и ошался съ дѣ-
вушкою и другимъ пожилымъ господиномъ
въ домъ г-жи Бернарѣ.

По такимъ показаніямъ легко догада-
лись, что эшо долженъ бытъ Яковъ Дю-
рурѣ, котораго искали. Стали его карау-
лишь, и однажды, когда онъ вышелъ про-
гуляшья въ Тюльери, схватили его и по-
садили въ шюрму.

Фердинандъ пришелъ и въ эпошь день,
по обшкновенію, въ шракширѣ г-жи Бер-
нарѣ, и какъ ни пріятно для него было
заспашъ Агашу одну, но радость обраши-
лась скоро въ шоску, пошому, что сколько
ни ждали, не могли дождашья Барона. На-
конецъ заболшлivosть Агашы дошла до
крайности; Графъ ошавилъ ее и побѣжалъ
въ Пале-рояль, гдѣ надѣялся найши ошца
ея въ какой нибудь библіошекѣ для чшенія.
Съ обшчною пылкостью вбѣгалъ онъ въ ком-
наты, наступалъ на ноги чшпающимъ,
опрокидывалъ чернилицы, свѣшилъ въ глаза
шѣмъ, кошорые дремали въ какомъ нибудь
углу, и когда поднимался крикъ, брань и

шумъ, онъ ускальзывалъ въ дверь. На улицѣ не щадилъ и не боялся полчковъ; съ опасностію попался подъ колесо, пропѣснился въ теашпръ; но нигдѣ не было Барона Шшейма. „Онъ вѣрно шеперь уже дома, подумалъ Фердинандъ и ворошился въ прапширъ; но шупъ нашель опянь Агашу одну, ушопашую въ слезахъ; и когда она увидѣла его безъ своего опца, по едва не упала въ обморокъ, не смошря навсѣ нѣжнѣйшія ушѣшенія любезнаго ей молодаго человекка. Топчасъ опсправилса онъ снова на поискъ, обѣталъ всѣ Парижъ, распрашивалъ всѣхъ проходящихъ, кошорые должны были счишашъ его сумашедшимъ, всѣхъ полусонныхъ маркеровъ и всѣхъ часовыхъ. Все было напрасно. Безушѣшенъ самъ, явился онъ на другой день къ Агашѣ; клялся не оспашляшъ ея, бышъ ей брашомъ, опцемъ, другомъ, и гошовъ былъ шопъ же часъ обѣнчашся съ нею, если бъ нашлась какая нибудь къ шому возможность.

Прошло нѣсколько дней безъ всякаго извѣспія; наконецъ какой-по незнакомецъ, робкой нашурой, принесъ къ Агашѣ письмо въ шо самое время, когда Фердинандъ былъ у ней. Она запрешпала, узнавъ руку опца, и не могла чишашъ. Графъ прочелъ савдующее.

Любезная дочь!

Бѣдствія мои достигаютъ своего предѣла. Богъ даетъ мнѣ испить послѣднюю горькую чашу. Агаша, милая дочь! умоляй Всевышняго, но безъ ропота. Я арестованъ, сижу въ полицейской префектурѣ, и меня содержатъ въ шайнѣ. — Я ожидалъ, что это будешь со мною, но зналъ, что и въ цѣломъ свѣтѣ нѣтъ для меня надежнаго пристанища. Сего дня поуспру водили меня къ допросу; но пусть я долженъ былъ только объявить свое имя, лѣта и званіе; въ Берлинѣ уже будешь меня судить, и туда скоро пошлешь меня. На колѣнахъ выпросилъ позволеніе написать къ тебѣ это письмо; въ просьбѣ же, увидѣвшись еще разъ съ моимъ другомъ, мнѣ отказали. И шакъ прощай, моя милая, возлюбленная дочь! По вѣдніямъ Неба я ославляю тебя. О, несчастное дитя мое! что будешь съ шобою? Такъ молода и безъ малѣйшей опоры! Будешь ли всегда око Божіе надъ шобою бодрствовать? Молюсь за тебя, Агаша! Повергнись и ты въ прахъ предъ Господомъ! Изъ глубины шемницы прошпираю къ тебѣ съ благословеніемъ свои обѣщанія; будь всегда цѣломудренна и непорочна; можешь быть, Небо умилосердишься надъ шобою! —

Тутъ голосъ Фердинанда пресѣкъся. Агата спояла на колѣнахъ, сложивъ руки на чело своемъ, и съ громкимъ рыданіемъ преклоняясь имъ въ прахъ, какъ бы желая принять родительское благословеніе. Глубоко распроганный Графъ нашель на другой страницѣ письма слѣдующее къ себѣ.

Графу Фердинанду Сеймургу.

Я теперь въ столь великомъ затрудненіи, что совершенно теряюсь. Черезъ нѣсколько часовъ, буду сошными считаешь мнѣ, опдающія меня опъ дочери, а пошомъ спѣны шемницы оплучашъ меня опъ нее и опъ всего свѣша. Дочь моя сдѣлалась сиропшою, прежде, нежели взяшь я могилую, кошорая унесла машъ ея. Ничего не предвижу для нее, кромѣ опчаянія, бѣдспвій и нищезы. Чшо долженъ я сдѣлать къ ея спасенію? — Тоска смерти въ груди моей — я ничего не въ состояніи сдѣлать! — У меня нѣшь никого, въ чьи руки могъ бы я ввѣришь свое драгоцѣннѣйшее сокровище. Одни вы подали мнѣ руку помощи, вы оказали намъ соспрананіе, удалили опъ насъ бѣдспвенный недоспашокъ — на васъ велишь мнѣ Богъ полагаешь все свое упованіе. . . . Пусшь осуждающъ меня, какъ хощаешь, спрогіе и холодные нравоучищеди —

но могу ли я иначе? Тебѣ, благородный юноша! шебѣ, привлекшему ее опы смерпнаго одра машери къ своему сердцу, ошдаю свою Агашу!

„Чистота души швоей почишь въ невинности моего дѣшища прахъ умершей и бѣдшвіе живущаго. Тебѣ повѣрю безъ робости предешнюю, невинную, любящую дѣвушку. Пустьъ будешь она швоею подругою, швоею сесшрою, пока, удосшоясь любви швоей, въ шой же непорочности, какъ сполла у гроба машери, предешанешь съ шобою предъ алшаремъ Божиимъ, и сдѣлаешься швоею супругою. Жена, подобная Агашѣ, всегда испинный даръ небесъ; но если удаснся мнѣ досшигнушь предъ лице моего справедливаго Монарха, и доказашь ему и свѣшу свою невинность, шогда судьба ея превзойдетъ швое ожиданіе, и всѣ шебѣ позавидуюшь. — Оспавляя дшша свое подъ защшпою человѣка добродѣшельнаго, я чувешвую себя спокойнѣе — моя судьба въ рудѣ Божией. Ты же, дочь моя, исполни послѣднюю мою волю, пребудь вѣрна невинности и добродѣтели; женихъ швой будешь шебя уважашь, и ты будешь счастлива, оказавъ мнѣ въ шомъ послушаніе.

„Такъ, любезныя мои дѣши! это послѣднее слово пустьъ руководешвуешь васъ и охра-

мнешь на крупной пропѣ чести, долга и добродѣтели; пусть опзывается оно въ сердцахъ вашихъ, когда сладкорѣчивый голосъ спросити будешь угрожаешь имъ. Еще разъ даю вамъ свое благословеніе, и говорю последнее просити!“ —

Нѣсколько разъ, возбужденная чувствительность Фердинанда прерывала его чтеніе; наконецъ онъ просперъ объяснїя свои къ Агапѣ, возвелъ къ небу омоченные слезами глаза, и бросился къ письменному столу; швердою рукою написалъ онъ:

„Принимаю, Баронъ, супругу, кошорую вы мнѣ даете; клянусь, что буду имѣшь о ней попеченіе, какъ нѣжнѣйшїй отецъ. Съ гроба ея машери поведу ея въ объяснїя своихъ родителей и къ вѣнчальному алтарю. Да подасшь вамъ Богъ, блисшательное оправданіе, любезный бапюшка, и да возвращитъ васъ скорѣе къ намъ въ объяснїя!“

Агапа спояла позади него, когда онъ писалъ; она взяла перо, чшобъ написашъ ош себя; но шрепешъ сердца ошановилъ слабую руку, и слезы покапились на бумагу. Съ шакими священными признаками скорби, взялъ Графъ письмо и швернувъ его, опдалъ давно уже съ нешерпнїемъ ожидавшему посланному.

Тупъ взяла Агаша Фердинанда за руку, и повлекла его съ собою: она льстила себя надеждою еще увидѣшь отца своего предъ его опъвздомъ; но при входѣ въ дворъ ужаснаго жилища, имъ удалось только слышать спукъ опъвзжающаго въ другую сторону экипажа. Почти не имѣя чувства для самой печали, возвратилась Агаша къ г-жѣ Бернаръ, на попеченіе кофрой долженъ былъ оставить ее Графъ, слыша къ роднымъ своимъ.

Лишь только явился онъ домой, его чрезвычайно удивили извѣстіемъ, что уже два дня отецъ его въ Парижѣ, хотя и не живетъ въ своемъ домѣ. Тупъ родилась въ немъ мысль поспѣть же часъ опъскавъ родишеля и опъкрышь ему всю исторію любви своей; но къ тому его не допустили: опъ мажери получилъ онъ спржайшій приказъ куда не оплучашься, а попомъ принужденъ былъ сопровождать ее на балъ, бывшій въ поспѣть вечеръ въ соствдствѣ. И здѣсь замѣнилъ Фердинандъ шакой за собою присмотръ, что ему совершенно невозможно было найти мгновение, въ которое могъ бы онъ ускользнуть къ Агашѣ или къ отцу своему. Наконецъ удалось ему выйти украдкою; опъ сильной заботливости о положеніи оставленной

*

Агашы ныло его сердце, и къ ней кошълъ онъ дешъшь на крыльяхъ любви, но лишь подько сдълалъ шагъ на улицу, какъ чешыре челоуька окружили его, схвашили и, прежде, нежели могъ онъ опомнишься и подушъ о сопрошивленіи, посадили въ закрышую повозку, кошорая въ шу же минушу помчалась во всю прышь.

Причиною было шо, чшо самъ огорченый опецъ исходашайшвовалъ у Миниспра приказаніе възшь его подь арешть и, невиного, продержашъ два года въ крѣпосши, за прешупленіе, сдъланное недоспойнымъ его брешомъ.

Все еще възъ себя опъ изумленія, спросилъ наконецъ Графъ своего спущника, чшо намъревающся съ нимъ дѣлать. И какъ снова былъ онъ пораженъ, когда получилъ въ ошвъшь, чшо его везушь по приказанію Миниспра! Онъ не могъ произнесши ни слова; думалъ, чшо его счишаюшь въ связи съ Барономъ, по его запуцанному дѣлу. Могло ли чшо другое войши ему въ голову? Но болѣе, нежели собшвенною судьбою, занимался онъ несчастною Агашою, для кошорой его опсущсшвіе долженшвовало бышь гибелью.

Прошло два часа времени; повозка, давно уже миновавшая засшавы Париза, ка-

шила съ глухимъ громомъ по мосту, кошорый шопчасъ по провздѣ ея бмалъ под-
няшъ. Высадивъ Графа, провели его черезъ
два двора, и вошли съ нимъ наконецъ въ
спарое мрачное спроеиe, гдѣ спун-
никъ назвалъ его по имени, передалъ на
руки смопришеля, кошорый ошвелъ его
въ особую комнашу, едва освѣщенную
пущкою лампадою, и шамъ подалъ ему
савдующее письмо:

„Графъ! Никогда не назову болѣе съ-
номъ шого, кшо шакъ обезчестилъ мое
имя. Какъ извѣспенъ мнѣ швой просшупокъ,
можешъ судишъ по наказанію. Сердце мое
во всю жизнь будешъ обливашся кровью.
Не могу безъ ужаса предшавишъ себѣ по-
савдшвій споль посшдыднаго, гнуснаго, низ-
каго порока, какимъ шакъ скоро увлекся
шм! Кайся въ своемъ пресшупленіи! Воз-
врашишъ на пущъ чесши и добродѣтели: въ
два года заключенія въ вшой крѣпосши шм
будешъ имѣшъ время раскаяшся и испра-
вишъ себя.“

Графъ вскочилъ, какъ испущленный.
„Два года! два года!“ кричалъ онъ. „О
Агаша! Агаша!“ Онъ бѣгалъ по комнашѣ,
какъ сумасшедшій, бросался на сшѣну,
опрокидывалъ столы, спущья, а съ ними
полешья и лампа. Наконецъ схватилъ

смошришеля за горло и закричалъ шажь , что опозвалось во всѣхъ углахъ : „Ошвори мнѣ дверь ! ошвори мнѣ дверь !“

Смошришель въ испугѣ не могъ не счешь его за бѣшенаго ; будучи не въ состояніи кричать , онъ схватилъ звоночный снурокъ и спалъ дергашъ изо всей силы . Колоколь ударилъ шревогу ; гарнизонъ бросился къ ружью , раздался барабанный бой , пушечная пальба — все рвалось и бѣжало , не зная куда . Фердинандъ опомнился и выпустилъ смошришеля , который благодарилъ Бога , что могъ спашись побѣгомъ , и думалъ ворошиться не иначе , какъ со всѣмъ гарнизономъ . Между шѣмъ Графъ пробирался ощупью по шѣнѣ , нашель дверь , корридоръ , наконецъ комнашу самого смошришеля , въ кошорой никого не было , а изъ нее вошелъ въ маленькую каморку , гдѣ ощупалъ кровашъ и на ней спящую кудрявую голову . Опважась на все , будишь онъ спящаго : эшо былъ сынъ смошришеля ; въ корошкихъ словахъ объясняешся съ нимъ , сбрасываешъ съ себя плашь , кидаетъ его подъ кровашъ , вскакиваешъ въ нее самъ ; угрожая смершю молодому парню , если онъ измѣнишь ему . Сей , просподошнный и испуганный малый , общаетъ все ; онъ ложнтся оплпъ подлѣ незваннаго госля ,

закрываетъ его и себя широкимъ одеяломъ, и при первомъ шумѣ вошедшаго опца, начинаеть храпѣть шакже непринужденно, какъ и прежде. Смотришель, явись на поискъ бѣглеца, не забыль и каморки, посвѣщиль въ глаза спящему сыну, осмотрѣль все вокругъ и ушель, изрыгая громкія проклятія.

Тогда Фердинандъ гошовъ былъ расцѣловашъ своего благодѣтеля, надѣлалъ ему тысячу обѣщаній, и просиль, къ довершенію услугъ, освободиль его изъ крѣпости. Молодой парень не ошказался, и сдержалъ слово. Дня два умѣль онъ шакъ искусно скрывать Графа, чшо смотришель не зналь, какъ объ эшомъ подумаешь, и положиль навѣрное, чшо эшопъ заключенный или сдѣлался невидимкою, или взялъ самимъ дьяволомъ.

Наконецъ молодой пріишель Фердинанда успѣль промыслишь для него полный солдатскій нарядъ, и въ шо время, когда распредѣляли часовыхъ, Графъ шакъ удачно присналь къ рядамъ пѣхъ, кошорые назначены были для виѣшней спражи, чшо вышелъ изъ крѣпости, не бывъ никѣмъ замѣченъ. Лишь шолько выбрался онъ на свободу, какъ мундиръ, киверь и оружіе, все бросиль въ кусты, а самъ побѣжалъ со всѣхъ ногъ въ Парижъ чрезъ другую за-

спаву. Здѣсь прежде всего зашелъ онъ, разумѣясь, къ поршному, переодѣлся съ головы до ногъ, что, какъ извѣстно, въ Парижѣ очень легко сдѣлать, а попомъ пустился къ Агашѣ.

Сильно шрепешало въ немъ сердце ошъ ожиданій и восшорга. Но, ахъ! г-жа Бернаръ съ воплемъ встрѣшила его и сказала, что Агаша, пошерявъ надежду съ нимъ увидѣться, совсѣмъ осшавила домъ ихъ; во все время его ошсущствія была она безушѣшна, а наконецъ вздумала навѣдаться въ домъ Графа Сеймуръ, и шущъ поразило ее извѣстше, что молодой Графъ Фердинандъ уѣхалъ на два года. Фердинандъ былъ внѣ себя ошъ огорченія, пока въ комнашъ Агашы не нашли письма, въ кошоромъ писала она, что единшвенное прибѣжище ея, когда ужъ и онъ ее осшавляетъ, гробъ мащери: шамъ рѣшилась она ожидать конца безопрадной своей жизни.

Искра надежды одушевила горесшнаго; онъ полетѣлъ на кладбище, и дѣйствительнo нашелъ шамъ Агашу, на гробъ ея мащери, въ мрачномъ ошчаднш. Взглядъ на него, расказъ случившагося, увѣренія въ вѣчной, неколебимой вѣрности, возвращили ее снова къ жизни, кошорую молодость,

любя и бывъ любима, не шакъ-то охотно оставяешь. Восхищенный Графъ предалъ опять свою любезную на руки г-жѣ Бернаръ, кошорая снова начала ее покоишь и лелѣяшь, въ чемъ конечно Агаша имѣла большую надобность, проведя цѣлыя сущки на кладбищѣ.

Оставивъ ее на попеченіи доброй г-жи Бернаръ, Фердинандъ спалъ разсуждашь о своемъ положеніи. Ясно видѣлъ онъ, что нельзя явиться ему къ отцу безъ того, чтобы опять не имѣшь въ виду крѣпости; не понимая причины споль чрезмѣрнаго гнѣва его, онъ все шаки разсуждалъ за благо предоспавишь лучше времени свое съ нимъ примиреніе. Прежде всего хотѣлось ему получить законное право на обладаніе возлюбленною, и пошому рѣшился онъ посѣишь опять добраго Священника, и просишь его упрочишь за нимъ руку шой, кошорой мать была имъ погребена. Однако Священникъ вразумилъ его, что вѣнчаніе дѣлается не шакъ легко, какъ погребеніе; что ни въ Франціи, ни же въ какомъ либо другомъ мѣстѣ, невозможно при шомъ обойтись безъ позволенія родныхъ и разныхъ церемоній — иначе же подвергается опасности самъ служитель Церкви. При эшой вѣсти Фердинандъ сдѣлался безупѣшенъ, и шакъ

разжалобилъ добраго Пашера, что наконецъ онъ подалъ ему хорошій совѣтъ — вхашъ въ Англiю, говоря, что шамъ, въ одномъ приходѣ, можно обвинчашься безъ всякихъ околичностей. Въ Парижѣ и безъ того нельзя было оставашься молодому Графу; онъ пошнась рѣшился, поблагодарилъ Пашера и возвратился къ Агашѣ, кошорая на его предложенiе пошчасъ опвѣчала, что гошова слѣдовашъ за нимъ на край свѣша. Къ шакому пушешесствiю шребовались деньги, и Фердинандъ въ шрешiй разъ долженъ былъ явись къ ростовщику-Жиду и вспунишь съ нимъ снова въ шакое обязашельство, онъ кошорого прежде волосы его спшановились дыбомъ. Снабдивъ себя шакимъ образомъ деньгами, и доспавъ паспортшы на чужiя имена, поспѣшилъ онъ съ Агашою, кошорую выдавалъ за свою сешпру, сѣсть въ дилижансъ и опшравись въ Кале.

Къ счастью, шоварищество въ дилижансъ сосшавилось изъ самыхъ порядочныхъ людей, между кошорыми одинъ маленькiй, свдой шаричекъ смонрѣлъ особенно проницашельнымъ взглядомъ болѣе, нежели на родшвенную нѣжность молодой чешы; но за всѣмъ шѣмъ умѣлъ ее привязашъ къ себѣ просподушною искренношiю и услугами.

При въздѣ въ Кале, до котораго счастье добрался дилижансъ, встрѣнилось новое затрудненіе. По случаю войны съ Англіею, никому не давали паспортовъ на провздъ шуда, и даже въ поршвые города Франціи, почему и взяшые Фердинандомъ паспорты были дѣйствительны только до Кале. Графъ съ полнымъ чистосердечіемъ открылъ свое горе сшаричку, которій былъ гражданиномъ этого города, и нашелъ въ немъ человека, расположеннаго ко всякому пособію.

По совѣшу сшаричка, Графъ долженъ былъ войти въ городъ пѣшкомъ въ видѣ гуляющаго; Агашу же взялся провезши услужливый ихъ пріятель, какъ бы свою племянницу. Назвавшись роднею и оспаваясь одинъ съ молодою дѣвушкою, онъ не упустилъ воспользоваться случаемъ съ нею сблизиться; не трудно было вывѣдать ея шайны: невинность не имѣетъ ничего сокровеннаго. Агаша показала ему письмо отца своего, которое носила всегда на своемъ сердцѣ, и всякій день перечишывала. Тогда пронухій сшарикъ спалъ утверждать ея въ чистыхъ ея намѣреніяхъ. Пріѣхавъ, далъ онъ ей особую комнату въ своемъ домѣ; нашлась шакая же и для Графа, и знакомецъ снабдилъ ихъ всѣмъ, что было

нужно, забоясь, какъ нѣжившій отецъ, объ ихъ учаспи.

Цѣлую недѣлю удержалъ онъ ихъ у себя, и вскорѣ увѣрился, что не даромъ распочаешь свою благосклонность; но какъ ни сильно возраспала признанность къ нему молодыхъ людей, Фердинандъ все спремился въ Англію, гдѣ надѣялся соединиться на вѣкъ съ своею возлюбленною. Великодушный спарикъ далъ ему денегъ, рекомендащельныя письма, и какъ перевздъ въ Дувръ могъ совершиться только впайнѣ, то самъ опхвезъ ихъ ночью на берегъ въ рыбащью хижину. Агаша запрепала, когда предспавилось ей неизмѣримое водное проспранство; когда, среди ночнаго мрака, услышала она кипѣніе клубящихся валовъ и шумъ разбивающихся о берегъ. Ей надлежало ввѣриться легкому челну, кошорый долженъ былъ перевезти ихъ къ Англійскому кораблю, несмѣвшему приблизиться къ берегамъ Французскимъ. Капитанъ корабля былъ уже предупрежденъ на счетъ ихъ прибытія. Коренастый мащросъ перенесъ Агашу на плечахъ своихъ въ челнъ, гдѣ Фердинандъ принялъ шрепещущую въ свои объштія. Счастливо выѣхали они въ опкрытое море. Тупъ облака разсѣялись, просідали звѣзды, и распроспранившійся свѣтъ за-

спавлялъ опасашься, чшобы съ берега не замьшили пловцевъ: одинъ пушечный выспрвъ повергнулъ бы ихъ въ пучину; спшали гресши сильнѣе, и вскорѣ увидѣли Англійскій корабль, съ кошораго пошчасъ поданъ былъ сигналъ. По благополучномъ прибышии, госши приняшы были Капишаномъ ласково и получили покойное на корабль прибъжище.

Также благополучно прѣхали они въ Дувръ. Тамъ, по письмамъ, привезеннымъ изъ Кале ошъ почшеннаго спаричка, всѣ принимали ихъ, не какъ враговъ своей нации, но совершенно по-дружески. Точно шакже и въ Лондонъ, гдѣ недолго они промедлили, спѣша въ шу деревеньку, въ кошорой шакъ уже много любящихся нашли благословеніе Неба и Церкви. Священникъ не предспавилъ никакого запрудненія къ ихъ соединенію, и шакимъ образомъ доспигли они цѣли своихъ желаній. Осчаспливленные союзомъ, увѣнчавшимъ ихъ поспояншво и непорочность, они возвратились въ Лондонъ, гдѣ друзья благодѣшеля ихъ наперерывъ спарались доспавишь имъ всѣ нужныя пособія. Но добродѣшельная чеша, въ своей благородной гордосши, ошвергла ихъ предложеніе: нанявъ себѣ маленькую кварширку, Фердинандъ

и Агаша спали собственными шудами доставашь себя прописаніе: онъ училъ музыкъ, она рисованью, и такимъ образомъ покойно ждали они счастливейшей учасши.

Между шьмъ въ крѣпости не могли надвишься, куда скрылся Фердинандъ, пока не нашли въ колодезѣ плащя его, по весьма естественной причинѣ, что сынъ смолришеля не придумалъ ничего лучшаго съ нимъ сдѣлать, какъ бросить шуда. Хопи самого Графа не нашли въ колодезѣ, но все заключили, что онъ долженъ былъ шамъ погибнуть, даже можешь быть съдѣнъ змѣями. Извѣстіе о томъ достигло чрезъ Министра до семейства Графа Сеймура, и особенно огорчило самого опца, шьмъ болѣе, что онъ, прѣхавъ однажды нечаянно въ Парижскій домъ свой, заспалъ меньшаго сына, Таксилія, въ шомъ благородномъ упражненіи, кошорое напомнило ему всю его несправедливостъ прошиву Фердинанда, шшоль имъ любимаго. Но при эшомъ случаѣ и машь, прежде довольно равнодушная къ учасши старшаго сына, немогла избѣгнуть нервическаго припадка, кошорымъ спрадала очень долго. Удрученный горестію опецъ укрылся опяшь въ своемъ загородномъ домѣ; ничто не занимало его болѣе, кромѣ потери сына. Такимъ образомъ молодой го-

сподчикъ съ Греческимъ именемъ, оставшійся единственнѣмъ наследникомъ фамиліи Сеймуръ, избѣгъ заслуженнаго наказанія. Опець презиралъ его, не хотѣлъ даже слышать о немъ, а опъ мащери ошдѣлался онъ полученіемъ нѣсколькихъ выговоровъ и увѣщаній, кощорья не могли его исправить.

При такихъ общоящельспвахъ нищю не былъ несчастнѣе предешной Викщорины, кощорая, лищась въ благородномъ Фердинандѣ надежнѣйшей опоры своей, предешавлена была совершенно Таксилію, нащавшему снова игращъ ролю господина въ домѣ, по слабости мащери, допускавшей его влащивовашъ надъ всѣми, даже и надъ собою. Погрязнувъ въ распущевѣ и разорящъ игрою, вздумалъ онъ поправиль свое положеніе щоргомъ особаго рода. Съ Майна пріщхалъ въ Парижъ одинъ Баронъ, защарльмй холосщякъ, прожившій вѣкъ свой въ провинціи, и вздумавшій наконецъ, съ помощію большаго своего богатщства, найщиль себѣ жену, кощорая бы вывела его въ люди. За сто щыщячь франковъ, общцанныхъ Таксилію въ день свадьбы, согласился послѣдній пожертвовашъ своею сещетрою, кощорая не щолько не могла найщиль въ Баронѣ ничего для себя привлекащельнаго, но

хранила уже въ сердцѣ совсѣмъ другую склонность. Однако ни предспавленія, ни мольбы ея не помогали, Таксилію нужны были деньги, а припомъ и впередъ могъ ему быть полезенъ шакой подашливый зяпъ. Согласіе мащери ничего не сполло ему выпросить; ошець, ко всему равнодушный, далъ свое, и казалось, уже ничшо не могло спасти бѣдную Викшорину.

Въ бѣдѣ часто Провидѣніе печешся о спраждующихъ въ самую минушу крайности. Жена шого Ношаріуса, копорый долженъ былъ заключить спранный конпрактъ съ условіемъ уплаты Таксилію обшцанной суммы, вздумала пособить несчастной дѣвушкѣ хипроспю. Она знала Викшорину, знала и объ ея склонности; въ день свадьбы, копорый уже насупилъ, на нее возложены были всѣ распоряженія въ домѣ Графа Сеймура. Самого спараго Графа, копорый ни о чемъ не хощѣлъ знать и очень неохотно разспавался съ своимъ загороднымъ жилищемъ, упросила она однако, шайнымъ образомъ прѣвхашъ въ эпошъ день въ Парижъ, и ожидашъ ея въ одной изъ лучшихъ геспинницъ, гдѣ обшчала она ему опкрышъ важную причину своихъ въ помѣ настояніи. Молодаго человека, возлюбленнаго Викшорины, научила она явиться заранѣе къ

Графу, и бывъ его спутникомъ до Париза. Такъ дѣйствительно и случилось, и о счастливомъ прибытіи ихъ въ столицу Г-жа Дюпланъ уведомлена была въ самую ту минуту, какъ надлежало вести невѣсту къ вѣнцу. Хищрая женщина умѣла шакъ распорядиться, что невѣста съ машерью взяли ее въ свою карету, а женихъ съ Таксидіемъ отправились напередъ. Кучерамъ и слугамъ разданы были приказанія, сообразныя видамъ Г-жи Дюпланъ. Карета жениха отдѣлилась отъ прочихъ, и поѣхала своею дорогою, между тѣмъ какъ воѣ отправились въ ту гостиницу, гдѣ старый Графъ уже съ нетерпѣніемъ ждалъ, чѣмъ кончится странное призваніе его въ столицу. Здѣсь-то надѣялась Г-жа Дюпланъ, представивъ родителѣмъ всю гнусность поступка меньшаго ихъ сына съ яснымъ доказательствомъ въ книгѣ ея мужа, и всю небрежность ихъ на счетъ несчастной, погибающей дочери, открыты имъ глаза и склонили ихъ, къ спасенію собственной чести, на союзъ Викторины съ любимымъ ею молодымъ человекомъ.

Но все расположилось иначе, и еще удачливѣе. Уже вышла изъ кареты печальная невѣста, ничего непомнящая кромѣ своего горя; уже удивленная мать ея спала спра-

живанъ, почему, вмѣсто церкви, очутились онъ въ эпомъ домъ; уже Г-жа Дюпланъ изыскивала средствъ чѣмъ нибудь ее успокоить—какъ вдругъ самъ Графъ Сеймуръ спремился мимо ихъ съ радостными криками: „сынъ мой! милый Фердинандъ! Тебя я вижу!“ И дѣйствительно въ то же мгновеніе повергающа въ объятія внезапно явившагося сына. Графиня, невѣста, сама Г-жа Дюпланъ, которая по же не предполагала самаго счастливаго оборота своихъ заглавй, составляющъ шумную, радостную группу. Со всѣхъ успъ раздающа крики: „сынъ мой! братъ!“ и Фердинандъ переходить изъ однихъ объятий въ другія.

Между тѣмъ и во всемъ домъ поднялась большая суматоха: предъ окнами гостиницы слышались звуки почтовыхъ рожковъ и хлопанье бичей; хозяинъ, слуги, всѣ сбѣжали къ дверямъ, спрашивающъ: кто прѣхалъ?

„Его Превосходительство Баронъ Шпеймъ съ своимъ семействомъ!“ было отвѣтомъ.

Нѣсколько слугъ съ почтительною уклонкою окружали карету. Прежде всего появился изъ нее маленькій свдой шаричекъ пріятнаго вида; онъ подавъ руку молодой дамѣ, лѣтъ семнадцати; потомъ вы-

ицель высокій, худощавый мужчина, благородной и важной наружности, на груди котораго изъ подъ шинели блистало нѣсколько орденовъ.

Такъ, это былъ онъ, Баронъ Шпейхъ! Справедливый Монархъ, Фридрихъ Великій, незадолго передъ тѣмъ воцарившійся, выслушавъ его, нашелъ невиннымъ, освободилъ изъ заключенія и возвратилъ ему все иманіе, всѣ прежнія почести, и все, что ему принадлежало. — Между тѣмъ добрый шаричекъ въ Калѣ не упустилъ изъ виду дѣшей Барона; по своимъ обширнымъ связямъ въ разныхъ краяхъ свѣша, узналъ онъ о перемѣнѣ его участи, и не замедлилъ извѣстивъ оица объ его добродѣтельныхъ дѣяніяхъ. Тогда Баронъ, не теряя времени, свѣшавъ изъ Берлина въ Калѣ, беретъ съ собою шаричка, котораго считаетъ уже принадлежащимъ къ своему семейству, и отправляется въ Англію. Здѣсь омыскиваете онъ дѣшей своихъ, и самымъ неожиданнымъ для нихъ образомъ застаешь ихъ въ укромномъ убѣжищѣ, среди счастливой дѣшельности, довольныхъ взаимною любовію и безмѣрно обрадованныхъ его прибытіемъ.

Съ жной минуны оицеъ, дочь, зянь и благодѣтельный другъ были уже неразлучны. Всѣ вмѣстѣ повѣхали въ Парижъ, и по-

бы Фердинанда, праводушіемъ котораго гордился Баронъ, примиришь съ опцемъ его. И здѣсь-шо очутились онм внезапно другъ передъ другомъ, не понимая, какимъ образомъ это сдѣлалось. Но расказъ увеличиваетъ восшорги. Съ радоснію обнимаешь Сеймуръ, ошець, предесшнюю дочь, кошорую Фердинандъ приводишь въ его объашія; и сама Графиня не осшаеься равнодушною, какъ скоро узнаешь о знашной породѣ и богашествѣ своей невѣшки.

Наконецъ зашла рѣчь и о судьбѣ Викшорины; рѣшились шупъ же предосшавишь ей опдашь руку свою по желанію сердца, а прежнему жениху, кошорый въ то время прогуливался въ каретѣ съ Таксиліемъ, возвращишь его шшо пшмьсячъ франковъ; Таксилію же купишь мѣсто Прапоршника на кошорабль Ошпъ-Индской Компаніи, а пошомъ наслаждашья вполне радоснію ешоль мношгшъ, осшашавленныхъ въ корошкое время.

Съ Нѣмецк.

ЗАПИСКИ ОБЪ АНГЛІИ.

Вестминстерское Аббатство.

Le dernier acte est toujours sanglant, quelque belle que soit la comédie en tout le reste. On jette enfin de la terre sur la tête, et en voilà pour jamais.

Pascal.

Мнѣ вздумалось посѣпить, съ друзьями моими, главнѣйшіе памятники Религіи въ Лондонѣ, и особенно Аббатство Вестминстерское.

Число церквей въ Лондонѣ простирается до полупораспа, и каждая напоминает о какомъ нибудь важномъ событіи или примѣчательномъ анекдотѣ.

Прежде всего пошли мы въ церковь Св. Павла, которая основана еще въ десятомъ вѣкѣ Христіанской эры. Въ наружности этой церкви есть что-то поразительное. Нельзя не изумиться, когда подойдя отъ *Лудгата*, увидишь портикъ, фронтонъ, двѣ башни и огромный куполь, возвышающійся сзади. Но какъ ни живо, по наружному великолѣпію, возбуждается

желаніе посмотришь внутренность, она исчезаетъ, какъ скоро взглянешь шуда. Аркады сверху украшены щипами, фесфонами, но по дурному вкусу эшихъ украшеній, не пожалѣешь, что и на нихъ были скупы.

Церковь Св. Стефана Валбрутскаго производишь совсѣмъ прошивное дѣйствіе. Внутри ея нельзя налюбоваться правильнымъ соотношеніемъ всѣхъ частей; нельзя нахвалиться прелестью архитектуры. Глазъ легко можешь обнять все вдругъ, и наблюдаешь, насыщая красотою цѣлаго, можешь разсмапривать подробности, не боясь, чтобы его удивленіе чрезъ то уменьшилось. Оспасаешься въ недоумѣніи, отдашь ли преимущество, по внутренности сей церкви, изяществу вкуса Архитектора Рена, или, по наружной красотѣ Св. Павла, его обширному генію.

Мы зашли въ церковь Chelsea, въ которой примѣчательны только нѣкоторыя эпиграфы. Между прочимъ, въ одной Латинской надписи, говорится о женщинѣ героискаго духа, сестрѣ Доктора Шамберлена, умершей 30 Іюня 1790 года. Она сражалась въ печеніе шести часовъ, въ мужскомъ платьѣ, съ Французами, на брандербургскомъ командованіи.

Недалеко отсюда въ церкви *Batavia* мы видѣли монументъ, изваянный Французскимъ Художникомъ Рубильякомъ. Монументъ поставленъ въ честь славнаго Виконта Бойнбрука (*Boynbrooke*) и второй жены его, которая была идемяница Г-жи Меншенонъ. Тамъ же замѣчашеленъ памятникъ Эдуарда Виншера. Изъ надписи на немъ видно, что на сего офицера, служившаго въ Индiи, напалъ однажды въ лѣсу левъ. Лишь только спалъ онъ его преслѣдовавъ, Виншеръ бросился на берегъ озера, гдѣ и дожидаясь своего ужаснаго непріятеля. Когда же шовъ подбѣжалъ къ нему, онъ обхватилъ его руками и кинувшись въ воду, увлекъ съ собою. Тутъ удалившомъ своимъ искусно выбился онъ изъ подъ врага, успѣвъ вскочить ему на спину, и такимъ образомъ ушопилъ его. Въ той же эпизодѣ восхваляющаго подвигъ Виншера, достойный времянь баснословныхъ: одинъ и пѣшій, сражался онъ противъ шестидесяти Азіятскихъ всадниковъ, изъ которыхъ многихъ ранилъ, а прочихъ обратилъ въ бѣгство.

Мы не хотѣли пройти мимо *Saint-Gilles-Cripple-gate*, не поклонясь праху одного изъ величайшихъ Поэшовъ новѣйшаго времени. Мильшонъ, преслѣдуемый Сшуартами, долженъ былъ искать безопасности

своей жизни въ образъ даже самой смерши. Подложное погребеніе послужило ему средствомъ избавишься ошъ мспишельности Двора и ошъ бшшенспва враговъ его. Безъ этой выдумки, несчастный Поэшь никогда не написалъ бы того масперскаго шворенія, кошорое Англичане спавяли выше всѣхъ вшческихъ сочиненій. Но самый вшопъ Мильшонъ, по смерши своей, едва нашель для себя могилу. Напрасно хваляшся памятникомъ, воздвигнутымъ ему въ Веспминстеръ: онъ недосшопишь сего великаго человека. Домъ, въ кошоромъ прекрашлась жизнь его, уже лшь придицашь не существуетъ, и не было сдѣлано ни малѣйшаго усилія, чшобы сохранишь его!...

Вышедь изъ Saint-Gilles, мы опправились въ Веспминстерское Аббатство, и скоро пришли шуда. Нашъ зданія въ Лондонѣ, кошорое бы могло возбудишь болѣе учасшія и любопытства. Готическая архитектура сей церкви примѣчательна легкостію своего пирамидальнаго сѣшава, смѣлостію и спранныстію своей постройки.

Не безъ шуда опыскали мы звонокъ надсморщика. Онъ выбѣжалъ къ намъ съ веселымъ видомъ. Пошомъ сей шюремщикъ смерши, вооружась огромною связкою кля-

чей, оплеть намъ церковь. Чувство благоговѣнія объяло насъ при видѣ смѣхъ обширныхъ сводовъ, назначенныхъ къ соединенію праха Царей и особъ знаменитыхъ, къ чествованію одинакою почестью могущества и генія; мысль наша призывала къ жизни всѣхъ умершихъ, кошорыми населенъ былъ сей храмъ—шѣхъ счастливыхъ Монарховъ, кошорые управляли Англією, шѣхъ славныхъ воиновъ, кошорые защищали ее, шѣхъ знаменитыхъ Поэшовъ, кошорые ее прославляли. Мы сподпили ихъ, знакъ сказашъ, вокругъ себя; внутреннее движеніе было въ насъ шакъ сильно, благоговѣніе шполь глубоко, что мы не смѣли снупишь шага, боясь попрашь какой нибудь знаменитый прахъ; съ почтеніемъ приблизились мы къ пирамидѣ, на кошорой вырвано имя Николая Багеля; оно было для меня ново. Я поспѣшилъ прочешъ эпитафію великаго человека, мнѣ неизвѣснаго. Мы узнали, что онъ умеръ двухъ мѣсяцевъ, *задушенный своею кормилицею*. Невольно вырвалось у насъ восклицаніе изумленія, и мы ешали шолковать о причинѣ шакого опличія для двухмѣсячнаго ребенка, удостоившагося почешнаго погребенія между Королями, какъ вдругъ взоридали, шакже невольню, ошадовидмсь на

гробницѣ, сдѣланной съ ошличною просне-
 шюю и вкусомъ, на кошорой золошными
 буквами написано: Мери Гопъ. Я не могъ
 припомнишь себѣ знаменитости этого
 имени, кошорое не встрѣчается ни въ ка-
 кой Англійской лѣшониси. По надгробной
 узналъ я, что Мери Гопъ родилась въ Бро-
 каллѣ, въ Графствѣ Норпгамптонскомъ, и
 что она умерла двадцати пяти лѣтъ,
 оставивъ въ больномъ сокрушеніи мужа сво-
 его, Лондонскаго купца, съ кошорымъ
 было у нее прижино шрое сыновей: Карлъ,
 Джонъ и Вилльямсъ. Эша плодовишность по-
 казалась мнѣ спраннымъ правомъ на шо,
 чшобы покоишься между смершными остан-
 ками Шекспира, Томсона и Пишпа. Изу-
 мленіе наше усугубилось, когда надсмотр-
 щикъ, указавъ намъ пальцемъ гробницу
 Дирекшора Монешнаго Двора Генриха Пур-
 селя, Конюшнаго Джона Кондукша и мно-
 жество другихъ памятникоевъ, прикрывав-
 шихъ своею пышностію прахъ людей са-
 мыхъ незначительныхъ, объявилъ намъ въ
 шо же время, что за десяти или двѣнад-
 цать гиней всякъ имевшъ право бышь
 погребеннымъ въ Вестминстерѣ; что эша
 честь драгоценна не по сосѣдству знаме-
 нитыхъ покойниковъ, а по дороговизнѣ
 погребенія, кошорое въ ашомъ Королев-

скомъ Аббачспвѣ спбимъ вдвое проптивъ другихъ плебейскихъ церквей въ Лондонѣ. „Теперь“ — сказала мнѣ одинъ изъ поварихей: „все величїе, вся возвышенность предметовъ, кошорыми я былъ окруженъ, для меня исчезла: я вижу шолько смаринный пришворъ, украшенный мраморными гробницами очень посредственной работы. Веспминсперь, въ глазахъ моихъ, заслуживаешь не болѣе виженїя, какъ и Saint-Pierre-aux-Boeufs, или Saint Jacques-du Haut-Pas въ Парижѣ, и я сержусь на Вольшера, кошорый прежде всѣхъ, очень декспашп, вздумалъ прославлять Англичанъ за шполь благородное и возвышенное чувствво къ памяни ихъ великихъ людей!“

Мы осмашривали церковь съ нѣмъ же любопытспвомъ, но съ меньшею почтпшельностью. Однако видъ Шекспировой гробницы возвратилъ намъ часпъ прежняго благоговѣнїя. Фигура въ ростъ сего великаго челоувѣка исполнена жизни; онъ предспашленъ въ минушу вдохновенїя, и какъ будща мечпная о монологъ Гамлета: To be, or not to be; это одно изъ лучшихъ произведенїй Шумакера (Schoemakers), кошорый сдѣлалъ его по рисунку Кенша. Смпъ памятникомъ Попе и Лордъ Вурлингтонъ запландили долгъ, лежавшїй на ихъ сошпече-

оживенникахъ. Въ Англїи Правительство почти никогда не участвуетъ въ подобныхъ дѣлахъ національной признательности. Гробницы большей части знаменитыхъ людей, погребенныхъ въ Веспминстеръ, сооружены усердіемъ ихъ друзей.

Надсмотрщикъ попросилъ у насъ полшиллинга (шесть пенсовъ) за то, чтобы расшолоковать все, нами видѣнное; онъ далъ намъ время высмеяться, а потомъ надобно было еще сколько же, чтобы выслушать его. Порода такихъ тигероне вездѣ одинакова; она распложается въ Англїи. Нынѣ снраны въ міръ, гдѣ каждый умѣлъ бы лучше пользоваться шѣмъ, что соспавляетъ его общспвенность; національное шарлапанство извлекаетъ значительный доходъ изъ дождностей, самыхъ маловажныхъ.

Нѣсколько посѣщителей, привлеченныхъ, какъ и мы, любопытствомъ, общупили спараго надсмотрщика, кошорый высказывалъ намъ всю Англійскую некрологию бойко и рѣшительно, въ чемъ помогалъ ему сороколѣшнїй навѣкъ.

Королевскія гробницы отдѣлены отъ гробницъ великихъ людей: эти занимаютъ средину храма, а шѣ заключающа въ особыхъ предѣлахъ вокругъ верхней части

церкви. Каждый придѣлъ огороженъ рѣшешкою, что подаешь поводъ смолришешю брашь при каждой изъ нихъ особую подашь еъ любоньшешива приходящихъ.

Въ сихъ придѣлахъ, вмѣстѣ съ воспежаніями самыми доспославными, попадающся конспраспы, какимъ Англійскіе паміашники часшо предшавляющъ примѣры. Высокое сбиваешся на смѣшное, и возлѣ оспроумнаго слова находишь много неаъпосшей.

Въ придѣлъ Генриха V, гробница сего Государа украшена мечемъ и шлемомъ, которые имѣлъ онъ при себѣ въ Азинкурскомъ сраженіи. Взоры моего пріащеля устремилась какъ бы съ ужасомъ на сей мечъ, ешоль гибельный для Французовъ; но пушь надсмошрщикъ, исполняя въ шочности обязанность чичероне, опвлекъ насъ опъ равнинъ Азинкурскихъ и опъ пятнадцатаго спшольшія, чтобъ показашъ намъ нѣкошорыя примѣчашельныя вещи.

Англичане большіе охонники до восковыхъ фигуръ; они считающъ ихъ самымъ вѣрнымъ средшвомъ сохранишь и увѣковѣчиль чершы лица знаменишой особы. Веспминешерская церковь наполнена рѣдкостями сего рода, и онъ хранящся въ большихъ рѣшешчашыхъ кавшкахъ, куда

ныя и концы проникающъ со всѣхъ сторонъ: такимъ образомъ лица и плащъ Королевы Елисаветы и Анны, Короля Вильгельма, представляюща не слишкомъ въ красивомъ видѣ. Въ томъ же числѣ замѣчательнѣе Лордъ Чашамъ въ одеждѣ Парламентскаго Члена, въ большомъ пудреномъ парикѣ. Изъ много великаго Министра, такимъ костюмомъ, сдѣлали каррикашуру. Также смѣшна фигура Генерала Монка. Но всякое описаніе превосходитъ подобная фигура какой-нио Герцогини Ричмондъ, Шпашъ-Дамы Королевы Анны. Не довольно много, что она велѣла себя представишь въ парадномъ парчевомъ плащѣ, на указательномъ пальцѣ лѣвой руки ея помѣстили чучелу попугая, котора былъ предметомъ ея особенной вѣжності.

Великолѣпный придѣлъ Генриха VII, котора Англичане считающъ однимъ изъ чудесъ свѣта, находяща по лѣвую сторону кляроса; это удивительный памятникъ готическаго архитектурнаго ваятельнаго искусства на сводѣ сдѣлана съ такою утонченностію и разнообразіемъ рисунка, что нѣтъ достойной ея похвалы: кажется, будто видишь тончайшее кружево. Двадцать мраморныхъ ступенекъ ведутъ въ часовню, которая входъ загражденъ бога-

лѣйшею рѣшеткою; гробница Генриха и Елисаветы, его супруги, возвышается посреди зданія. Памятникъ окруженъ мѣдною балюстрадаю, кошорой чеканная работа также возбуждаетъ удивленіе своею оплѣдкою. Къ сѣверу, стоятъ сѣдмь Елисаветы и несчастной Маріи Спурарнъ. Смерть соединила сихъ двухъ Королевъ, враждовавшихъ изъ ревности во время ихъ жизни. Въ недалекомъ разстояніи хранятся и прахъ Королевы Маріи. Яковъ I, Карль II, Вильгельмъ III, Королева Анна, Георгій II, покоятся также въ этомъ придѣлѣ. Генераль Монкъ похороненъ шупъ же. Съ обѣихъ сторонъ часовни сдѣланы желѣзныя скамьи, надъ коими возвышаются знамена и оружіе кавалеровъ ордена Бани. Здѣсь собирается Орденская Дума, и бывають церемоніи во время приема кого либо въ кавалеры. По блеску убранствъ въ новомъ вкусь, по свѣжести одного изъ знаменъ, на кошоромъ видѣтъ гербъ Герцога Веллингтона, по мѣсту, какое занято ими въ часовнѣ, можно заключить, что принятіе благороднаго Герцога было послѣднее.

Если присовокупишь къ предметамъ, описаннымъ мною, испоченныя червями кресла, въ кошорыхъ помѣщаются Англійскіе Короли въ день ихъ короновація, кре-

сла, служившія нѣкогда для сего священнаго обряда Шотландскимъ Королямъ, копорыя народъ чшилъ, какъ палладіумъ сего древняго Королевства — тогда будешь имѣшь полное поняшіе обо всемъ примѣчательномъ, содержащемся въ Веспминшерскомъ Аббашствѣ. Надобно однако прибавишь къ тому еще два памятника. Одинъ, болѣе пышный, нежели привлекашелейный, сооруженъ въ память Вилліама Пипша Парламентомъ; просшона его нѣсколько горделива; шѣло сего славнаго Министра положено среди церкви подъ плишою, копорую нельзя различишь ошъ множества другихъ ничѣмъ, кромѣ едва замѣсныхъ на ней буквъ W. P. Другой памятникъ воздвигнушь Королемъ Георгіемъ III несчастному Маіору Андре, копорый погибъ въ одномъ ошважномъ предпріятіи (*hasardous enterprise*).

Мы извѣстно было, что передъ смертію Адмирала Нельсона, одного изъ величайшихъ людей нынѣшней Англіи, изъявилъ онъ желаніе бышь положеннымъ въ мачшю своего корабля и погребеннымъ въ Веспминшерскомъ Аббашствѣ. Мы нѣсколько разъ обошли церковь и не нашли гробницы Адмирала. Надсморщикъ объяснилъ намъ, замѣшивъ наше недоумвіе, что послѣдняя воля Трафальгарскаго побѣдителя

не испорчена. Адмиралъ Недьсонъ не бѣлъ принявъ въ хранилище Королевскихъ останковъ. Правительство, которое защищала онъ пятьдесятъ лѣтъ, спрана, которая справедливо величается, считая его между славнѣйшими своими героями, Государство, которое обязано ему частію своей юной славы, не увѣчало его желаній: прахъ его покійся въ обширномъ уединеніи церкви Св. Павла.

Веспминстерская церковь должна была приумножить свои драгоценности частію бранныхъ останковъ знаменитаго Лорда Бейрона, поржешвенно привезенныхъ изъ Греціи, гдѣ онъ оказывалъ пособіе своею рукою и богатствами храбрымъ защитникамъ свободы, съ благородною и отважною рѣшимельностію сражась въ ихъ рядахъ и побѣдиль или умереть вмѣстѣ съ ними за справедливое дѣло. Тамъ-же ранняя смерть похишила его у Липерашуры, у друзей, и особенно у несчастныхъ Грековъ, для которыхъ кончина его была печалью всенародною. Англичане, потребовавъ къ себѣ прахъ сего великаго человека, чптобы помѣстить его въ свой Пантеонъ между гробницами Королей; хотѣли нѣсколько исправить несправедливое предубѣжденіе, которыми тяготили его во все шеченіе

жизни. Одинъ чловѣкъ — кто бы повѣрилъ? — Веспминстерскій Деканъ не убо-
 ялся покрыть себя вѣчнымъ поношеніемъ,
 воспрошивъсь принять прахъ Поэза въ
 сей храмъ, и его сопропивленіе, анги-на-
 циональное, было уважено! Но когда на-
 конецъ мавзолей, достойный сего героя, сего
 неподражаемаго Поэза, предсавишся взо-
 рамъ, съ жадностію его ищущимъ, по на-
 немъ будущъ искашь шѣхъ стиховъ, при-
 мѣра законизма, кошорые одинъ великій
 Поэзъ совѣшовавъ Грекамъ надписавъ на
 надгробномъ камнѣ ихъ друга, и кошорые
 оспанушя начертанными, какъ достой-
 нѣйшее его надгробіе, въ памяни людей
 прочіе, чѣмъ на бронзѣ и на мраморѣ:

„O sort! que ne l'épargnais tu?

Il chantait comme Homère, il fut mort
 comme Achille!“

(C. Delavigne.)

Лондонскія улицы:

Aetas parentum, pejor avis, tulit nos nequiores

Нот:

Отцы наши не сполли нашихъ пра-
ощцевъ, а мы хуже, чѣмъ отцы наши.

Справедливо сказано, что никакой го-
родъ въ свѣтѣ не можешь дашь понашія о
Лондонъ: большія, прямыя улицы, покой-
ные и красивые прощуары, опряшные дома,
споль же примѣчательные просшою ар-
хитектуры; какъ и цвѣшомъ, съ прекрас-
ными наружными дверцами, украшенными ко-
моннами и съ фронсонами, копорые не все-
гда опличнаго вкуса; особенно же безчи-
сленное множество магазиновъ, служащихъ
какъ бы складкою шоваровъ цѣлаго свѣта,
даюшь споллицъ Англии видъ величія и ори-
гинальности, богашства и просшоши, ка-
кихъ не найдешь нигдѣ:

Вчера бродилъ я по прощуарамъ безъ
особенной цѣли: хошѣлось шолько смощ-
рѣшь, и пошому было все равно, ишши въ
шу или другую спорону — лишь бы ишши.
Л чиналъ названія улицъ, размашривалъ
вывѣски, высшавки шоваровъ, словомъ пред-

спавляла изъ себя зваку. Менше чѣмъ въ пять минутъ, пришелъ я въ *Пикаделли*, подспрекаемый шолчками какихъ нибудь тысячи людей, копорые принуждали меня ипши живѣе, нежели какъ мнѣ хотѣлось.

Едва ли естъ иносстранецъ, копорый бы не слыхалъ о *Пикаделли*, какъ о лучшей часни Лондона. Дѣйствительно мало пакихъ мѣстъ, гдѣ бы можно было видѣшь большее спеченіе народа въ безпрерывномъ движеніи, и болѣе оживленное зрѣлище. Тамъ дилижансы, наполненные привъжими изъ разныхъ Графствъ Англій; здѣсь красивые экипажи, въ копорыхъ щеголи и франши (*fashionables*) ѣдутъ въ *Гайдъ-Паркъ*, гдѣ собираешся весь большой свѣшь. Верховые увивающся около карешъ и придающъ каршинъ еще болѣе живоспи и разнообразіа. Пѣшеходы же, гуляющіе по споронамъ, производящъ щакое же дѣйствіе, какъ у живописцевъ лица, выспавляемья на нижнемъ *планд* каршины.

Мнѣ вспрѣшился знакомый пріятель моего, Докшора, по немъ знающій и меня; послѣ обычныхъ привѣтствій, предложилъ мѣ почпенному *джентлемену* прогуляшся вмѣстѣ со мною, и онъ согласился. Я зналъ его за хорошаго собесѣдника, хопя въ-

сколько перезрѣлаго лѣшамъ и зараженнаго обычаями спарины.

Пройдя превосходную улицу *Пикаделли*, мы зашли посмонрѣшь спашую *Вонапарина*, важнѣя знаменитаго *Кановы*, кошорой предназначалось украшать во Францїи *Маршалскую залу* (*la salle des Maréchaux*): шеперь она стоишь въ лакейской въ домѣ *Лорда Марборуга*. „Такое безвкусіе“ сказала я своему товарищу: „не двлаеть чесны познаніямъ здѣшняго края въ *Искусствахъ*.“ Мы продолжали свою прогулку, я — въ размышленіи о коловращной участи людей, *джентльменѣ* — въ непрерывныхъ саширическихъ наблюденіяхъ, къ кошорымъ каждый проходящій давалъ пищу его насмѣшливому характеру. Мы зашли на минушу къ пирожику *Гиксону*, кошорого лавка въ величайшей славѣ у Англичанъ. Тамъ собирается лучшее общесшво. *Pumpket*, бисквицы, шоршы принимаютъ нямъ безконечно различный вкусъ и виды; желе порядочно, мороженое очень посредственное. Въ нижней залѣ, въ кошорой незамѣнно наспоющей Англійской опрящности, поспавлены два или три мраморные сшюда, вокругъ кошорыхъ усаживающся госши. Знашь не саднися, а куцаешъ споя. Все лучшее дворяншво, придворные, кавалеры

и дамы, собираются здѣсь съ жадностію вокругъ какого-нибудь блюда пирожнаго, или наслаждаются самымъ глупымъ напитокомъ, кошорый шеперь въ большой модѣ; его называютъ: *soda water*, и онъ очень сходенъ съ Зельцерскою водою, кошорая, благодаря докторамъ нашимъ, вошла въ честь у окошниковъ до вды; *эта Сода*, въ маленькихъ буылкахъ, шумитъ подобно Шампанскому, когда ихъ опкупориваютъ; но впрочемъ не имѣешь никакого съ нимъ сходства; Англичане очень ее любятъ. Нѣкошорыя дамы, по излишнему важничанью, не принимаютъ на себя труда выйти изъ экипажа, а дѣлаютъ свой *lounch* (завтракаютъ) въ каретѣ; между же шѣмъ слуги попиваютъ *джинъ* у продавца ликеровъ, а кучеръ ласкаетъ лошадей, гладитъ и ошираетъ ихъ плашкою своимъ.

Подъ конецъ прогулки зашли мы въ Паркъ. Путешественнику, недовольному сначала безвкусіемъ разныхъ украшеній заставы, вдругъ представляется опкрытый видъ на два парка, раздѣленные широкимъ провздомъ. Большое собраніе верховыхъ и экипажей на дальнемъ проспективѣ, возбуждаетъ въ немъ желаніе шамъ прогуляться. Когда мы пришли шуда, я замѣшилъ, что у шоварица моего скопилось въ головѣ

множество мыслей, копорья хочешся ему высказашь, и дѣйствительно, лишь только вспустили мы въ длинную аллею, спадъ онъ говоритъ въ сѣдующихъ выраженіяхъ:

„Вы хвалили мнѣ“ — сказала онъ: „большія улучшенія, копорья сдѣланы въ Лондонѣ. (Уже лѣтъ съ двадцать не былъ онъ въ столицѣ, проведя это время въ своихъ деревняхъ). И я, правда, замѣчаю нѣкопорья въ предметахъ вещественныхъ, что естѣ: въ улицахъ, въ домахъ, но никакихъ не вижу въ жилищахъ. Напрошивъ въ нихъ нахожу я испорченность, непрерывно возрастающую — безнравственность, копорая идетъ быспрыми шагами впередъ. Что вижу я на улицахъ или во всѣхъ публичныхъ мѣстахъ, тѣмъ случается мнѣ бышь? Существа, копорья не похожи ни на мужчинъ, ни на женщинъ, ни на обезьянъ, но въ копорыхъ, кажешся, соединены опличительныя черты этихъ шрехъ породъ. Въ мое время совсѣмъ не знали, что шакое денди (*). Наши щеголи одѣвались въ богатую парчу, бархашъ, въ плашья съ красивыми вышивками, и всегда со шпагою

(*) Такъ называютъ франшвъ, излишне жеманныхъ.

при бедръ, какъ и свойственно благородному чловѣку. Правда, что они давали по двѣсти ливровъ жалованья камердинеру Французу, которъй каждый день часа по четыре занимался ихъ туалетомъ; но нынѣ перяюшъ шесть лишнихъ часовъ для того, чтобы дашь себя спянушъ и списнушъ въ шнуровкѣ, чтобы надѣлашь складочекъ на галсшухъ, которъй васъ давишь, какъ будшо у позорнаго щюлба; чтобы дашь намастишь себѣ голову, чтобы выпрямишь свой спанъ, и все для того, чтобы имѣшь видъ порядочнаго чловѣка. Признайшесь, что это очень спранно.“

Я спросилъ, развѣ забылъ онъ пудру à la maréchale, помаду и духи?

„Очень хорошо!“ сказала онъ: „однако все таки узнавали чловѣка почешнаго по его убору. Нынѣче голова его похожа на голову жокея. Волосы его, какъ щешина; лице, спряшанное въ огромный, шуго накрахмаленный галсшухъ, напкнушо на шею, шакую жесткую, что съ шрудомъ дѣлаешъ онъ движеніе; подумаешъ право, что это осель, которъй выглядываешъ изъ заяслей, выкрашенныхъ бѣлою краскою. Если обратише вы взоры ваши на нижнюю часть этого смѣшнаго существа, увидише панталоны, по которымъ ондаешся вамъ

на выборъ принявъ его за Турка, за крестьянина или за машроса. Вы не можете сдѣлать шагу безъ опасенія, чинобъ васъ не сшибла съ ногъ какая нибудь изъ вѣшихъ подвижныхъ мумій, кошорья шакъ спинуны въ своей одеждѣ, чино много времени и шруда спѣишь имъ сдѣлать геомешрическое уклоненіе, сворошивъ на шагъ съ прямой линіи.

Что сказать наконецъ объ вѣихъ дамахъ въ огромныхъ шляпахъ съ навѣсами, кошорья выкалываютъ вамъ глаза, или кошорыхъ маленькіе зонтики, всегда распущенные, даже когда нѣтъ ни дождя, ни солнца, мнушь и сбрасываютъ покрывку съ головы ващей! Ихъ глаза, ихъ носъ, ихъ губы спряшаны подъ покрывающимъ ихъ заслономъ, а если взглянете вы помиле, то невольню покрасѣете онъ нагошы, кошорая вамъ предешавицца. Нѣкошорья носятъ въ рукѣ, подобно нашимъ городскимъ почтарямъ, сумку бархашную, апласную или щедковую, кошорая мимоходомъ бьетъ васъ по ногамъ; нерѣдко жалкая собаченка, сосшавляющая ихъ свишу, шревожиць васъ лаемъ своимъ, и хороше еще, если не укусиць васъ, или не разделецъ вамъ плашья.

„Приспойно ли, скажише, когда видимъ, что лакей, Гренадерскаго роста, слѣдуя за госпожей, пользуется видомъ совершенно обнаженныхъ плечь и спины ея, или, нагибаясь за уроженною перчаткою, открываешь зрѣлище, еще болѣе соблазнительное! Во всемъ уродливостъ въ наше время!

„А ваши хваши (houés) — какая разница между ними и прежними щеголями! Это произведение вашего времени есть какая-то помѣсь, родъ муловъ, рожденныхъ въ вашихъ конюшняхъ. Какая полна эшихъ нездорѣлыхъ живошныхъ наводняешь Лондонскія улицы! Одинъ, грудью впередъ и согнувъ логши, воображаетъ, что гораздо искуснѣе своего кучера править чепверкою, запряженною въ его barouche (повозку); другой, сидя въ своемъ landaw (ланда), не спускаетъ глазъ съ ушей лошади, и занявъ единственно шѣмъ, чтобы подгорячить ее и удвоить скоростъ ея бѣга; за то навѣрное кого нибудь задавитъ или опрокинетъ чужой экипажъ, а всего скорѣе свой собственный. Бѣдящiе въ tilbury (коляскѣ) еще поскромнѣе другихъ: шакой обыкновенно внимательнѣе къ самому себѣ и пошлороннимъ. Съ нимъ рядкомъ сидитъ товарищъ-

щемъ его жокей; шущъ же шорчинъ голова его сердечнаго друга, шо ешь, пуделя или лягавой собаки, кошора, прикорнувъ у ногъ его, даемъ осперегаетъ прохожихъ, и въ эиномъ случаѣ гораздо умнѣ своего господина.

„Всѣ эи господчики доспигають на верхъ благополучія и надмѣваюцца смѣшною гордосцію, когда имъ удастся попасъ въ члены клуба жокеевъ. Часпо видишь у нихъ во рпу, вѣвспо зубочисшки, соломенку, подняшую въ конюшнѣ, или, чшобъ дашь себѣ воинспвенный видъ, держашъ они въ губахъ зажженную сигарку, кошорой дымъ служишь какъ будшо вѣвскою ного, чшо виупри головы ихъ все нуспоша, паръ и шуманъ.

„Иногда встрѣчаешь эпихъ шракширныхъ или конюшенныхъ героевъ, сидящихъ небрежно верхомъ на лошади; одинъ глазъ прищурень, къ другому приспавлень лорнешъ, подъ мышкой; узловашая палка, вѣрная эмблема ихъ разума; кнушовище бича въ правой рукѣ, кошорая съ нимъ вѣвспъ засунуша въ боковой карманъ.

„Въ другой разъ, пѣшеходами, впяшеромъ или вшесперомъ схвашась и переплешись руками, какъ связка луковиць, занимають они весь шрошуаръ, и загра-

ждають вамъ цупись: рядъ нулей, ничтожный, пошому что въ немъ нѣтъ ни одной цѣнной цифры, заспавляешь васъ уклониться съ дороги, спалкиваете въ грязь спарика или болѣзненного, или дерзкими взглядами заспавляешь краснѣшь скромную женщину, идущую навспрѣчу, если какимъ нибудь случаемъ такой женикъ можете забрести въ Saint-James-street, въ Pall-Mall или въ Bond-street.

„Эшонтъ родъ еущеснвъ, кошорыхъ я, право, не знаю, какъ величашъ, шакъ расплодился, что сколько ни вывзжаетъ ихъ отъ долговъ на нверую землю, а все незашино убыли. Правда, что съ каждымъ днемъ появляются новыя — расшунъ, какъ грибы и наполняютъ всѣ улицы горада, къ большой невыгодѣ порядочныхъ людей кошорые въ немъ еще водятся. Въ своемъ опечесствѣ, они ему бремя; вывзжая, дѣлаются вездѣ посмѣнцемъ иноспраицевъ.“

Такъ окончилась фильмишка моего шоварища. Мнѣ показалась она немного грозною, но все можете она послужить епасишельнымъ урокомъ для молодыхъ глушцевъ, пѣшихъ, конныхъ и вкиспаннхъ, кошорые рошся на улицахъ, или выснавалюцца себя на посмѣнне въ чужихъ краяхъ.

О модахъ.

Чтобъ отличиться на эпомъ поприщѣ, нужно только на немъ появиться. Тутъ блистаетъ такая молодежь, кошорой не худо было бы дать добрый совѣтъ, запасшись порядочными качествами, по недоспащку привлекаемости. Тутъ начинаютъ играть ролю безъ ловкости, поддерживаютъ ее безъ ума, и продолжаютъ до самой старости.

Нико-Лебрень.

Время перемѣняетъ людей: съ каждымъ вѣкомъ народы Европейскіе надѣваютъ на себя особую личину, отличную отъ той, какую имѣли въ предшедшемъ вѣкѣ; и всякій изъ сихъ народовъ споль же мало похожъ на самого себя, въ различные свои возрасты, какъ мало всѣ они похожи между собою, когда смотришь на всѣхъ вмѣстѣ. Однако у нѣкоторыхъ есть особенности характера, которыхъ такъ отличительны бывають въ извѣстныя эпохи, что считаются принадлежностью ихъ и тогда, какъ совсѣмъ исчезли и перешли къ другимъ народамъ. Такимъ-но образомъ, все еще Французовъ почищаютъ приспращенными къ жодамъ, хотя въ эпомъ одно-

шеніи сражнялись съ ними Прусаки и Русскіе, и превзошли ихъ Англичане.

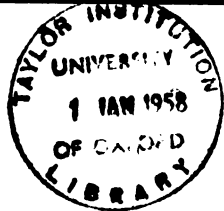
Вообще надобно приписатьъ Англичанамъ, въ ихъ модахъ, по же самое заблужденіе, какимъ ихъ упрекають въ обычаяхъ общежитія: жесткое имъ кажется милымъ. Во всѣхъ часняхъ, составляющихъ одежду ихъ, и въ шомъ, какимъ образомъ эти часши одна другой соотвѣтствуютъ, никогда не видно той гибкости, какую наши п. е. Французскіе, поршныи и франшы умѣють придавать имъ. Концы галсшуха шакъ накрахмалены, что скорѣе изломится, нежели допусшашъ малѣйшую складочку. Воронники, ошвороты и полы плащя шакъ крушы, какъ будто подкладка ихъ сдѣлана изъ жести; волосы не убраны желѣзомъ парикмахера, но замѣшно, что ихъ сильно намачивають и вчесывають, чтобы держались споймя. Во Франціи самыи ошважныи франшы все какъ будто спыдашся немного шого попеченія, съ какимъ занимають своюю особою; они спарають дашь видъ удобности и естественности всѣмъ часшямъ своего убраншва: въ Лондонѣ, записныи денди какъ будто въ самомъ дѣлѣ увѣрены, что дурачество ешь признакъ хорошаго воспитанія; они вездѣ

высказываютъ себя на показъ такими, каковы естъ дѣйствительно, и въ гостиной, какъ на улицѣ, повертывающа вѣдругъ всѣмъ шѣломъ: они крупны и прямы, почто, какъ говорящъ въ Англіи, будто проглагошили рокер (кочергу).

Такая зашвердѣлость въ минѣ Англичанъ, безъ сомнѣнія, шѣсно связана съ ихъ національнымъ характеромъ, пошому что вездѣ ее видимъ, при всѣмъ разнообразіи костюмовъ — разнообразіи, которое имѣешь свою замѣчательную сторону. Крѣпко ошиблись бы, вообразивъ, что въ Лондонѣ, какъ въ Парижѣ, всегда господствуетъ одна шолько мода. Тамъ франшты предшавляютъ ошъ двадцати до шридцати различныхъ классовъ, изъ кошорыхъ каждый подбираешь себя особую паршію и соперничаешь съ другимъ, чтобъ выдумашъ или вступи какую нибудь новую моду. Недавно въ одномъ Журналѣ помещено было шридцать шестъ образцевъ для завязыванія галстучнаго банша, и въ утверждение законной силы каждаго, названъ былъ какой нибудъ regular buck (повѣса), кошорый шакъ носишь его. Такое же почто разнообразіе и въ другихъ частяхъ одежды, въ чемъ удостовѣришься можно изъ Журналовъ, кошорые не упускаютъ опи-

сѣвашь уборѣ модниковъ, являющихся въ сѣздахъ знашнихъ особъ или въ drawing-rooms (приемная у Двора), и эпи описанія слушають новымъ доказательствомъ, до какой степени Англичане занимающя модами. Важнѣйшіе Журналы посвящають по три и по чешыре столбца на подробности туалета. У Короля бываетъ въ теченіе года множество приемныхъ и поздравительныхъ дней, какъ то: день рожденія, Св. Георгія, 18 Іюня, и проч.; каждый разъ всѣ Англійскіе Журналы, начиная съ *Курьера* до послѣдней Газеты, посвященной Липерашурѣ и модамъ, не упускають извѣщать публику, на другой и въ послѣдующіе дни, объ одеждѣ всѣхъ, предшавлявшихся Королю особъ, не забывая ни одного армейскаго Прапорщика или сына какого нибудь Баронета; такая же честь, по справедливости, воздается и женщинамъ.

Должно бытъ очень забавно для старыхъ *John Bulls*, копорымъ уже не по лѣтамъ сообразовашься съ новыми обычаями, и копорые принимающя за Журналы для Полишики, Парламентскихъ споровъ и біографій, воровъ, всякій день взводимыхъ на висѣлицу въ Ньюгапъ, вдругъ, вмѣсто всего того, находятъ столбцы, наполненные описаніями шипыхъ юбокъ, складочекъ

на плашь; моншьльковъ, прикръпляемыхъ съ жемчугомъ, бриланшовъ и проч. Они конечно должны съ досадою бросать листки и восклицать, вкладывая очки въ фушляръ: о времена! о вѣкъ!

Въ drawing-rooms еще слѣдуютъ нѣкоторыя правила, установленныя для туалета, пошому что при Дворѣ также строго соблюдается этикетъ, какъ въ свѣтѣ мода. Туда не являющся въ костюмѣ выдуманномъ, но каждый одѣтъ сообразно шишлу и званію, кошорыя дають ему право предсавившся Государю. Напрошивъ этого въ госшиной часшнаго чедовѣка, въ шакъ называемомъ gout какого нибудь Маркиза, на балѣ у банкира-жида, или даже на муравѣ Кензингтонскаго сада, въ хорошее лѣтнее время — шамъ-то найдешь разныя повѣрья, предъ кошорыми мода воздвигаешь свои жершвенники. Сегодня молодой Герцогъ предписываетъ законъ прически складокъ на паншадонахъ или длины шпоръ; на завшра шуалешь Его Свѣшлосши зашопшанъ въ грязь сыномъ какого нибудь пивовара или продавца угольевъ. Въ цвѣшъ и формѣ всѣхъ часшей одешды господствуетъ величайшее разнообразіе, но ни въ чемъ оно шакъ незамѣшно, какъ въ шляпахъ.

Буде ешь во Франціи кшо либо изъ когда-то бывшихъ молодыхъ людей, чья память могла бы вывести на справку имена и формы всѣхъ, поспешенно попадавшихъ въ честь шляпъ, начиная съ преугольныхъ, которыя были носимы декупажами въ Собраніи Шпашовъ, до боливаровъ 1822 года — онъ могъ бы мнѣ пособишь дашь понятіе о разнообразіи головныхъ уборовъ, какіе теперь въ модѣ у францовъ Великобританіи.

Кромѣ различія формы, ухитрились разнообразишь цвѣтъ и матерію, изъ которой дѣлають шляпы; ешь бѣлая, рыжія, сѣрая для лѣта, ешь шелковыя, бумажныя, и почпи видишь ихъ сполько же, какъ обыкновенныхъ пуховыхъ.

Удивяшся, можешь бышь, что въ снашь, посвященной модамъ, я шакъ мало говорилъ о туалетѣ женщинъ. Маленьки, дѣлавшія мнѣ честь приглашеніемъ къ чаю, спросяшь меня съ досадою, неужли я былъ нечувствителенъ къ ихъ выеокимъ чепцамъ и распещреннымъ лешамъ; мисы и молоденькія дамы, еще неоспавлявшія дѣвичьяго убора, заключашь, что нѣшь во мнѣ ни крошки Французской вѣжанности, когда я видѣлъ и не замѣчалъ ихъ прелести, выспавляемыя на балахъ и

вечеринкахъ; наконецъ вдовы проклянутъ меня, можешь быть, увидѣвъ, что я забылъ то чудесное дѣйствіе, какое производяшь онъ близною помного лица, прическою русыхъ волосъ; плерезами изъ Ирландскаго кембрику, креповыми плащьями и всѣмъ ихъ убранствомъ изъ гагашу! Моя похвала будетъ не длинна, милоспивыя государыни; имѣйте шерпѣніе выслушашъ меня до конца: мнѣ хопѣлось доказашъ сущеспвующее нынѣ превосходство Англїи въ вершопрашесствѣ надъ ея соперницею за моремъ; я бы совсѣмъ испоршилъ свое дѣло, вмѣшавъ васъ, пошому, что не нашель между вами, ошносительпо модѣ, шого изобрѣшашельнаго генія, какому удивлялси въ супругахъ и сыновьяхъ вашихъ. Люди, которыхъ нельзя подозрѣвашъ въ приспраспшїи, обвиняли васъ послѣ каждаго drawing-room, будшо вы рабски слѣдовали въ одеждѣ вашей образцу Француженокъ; а что еще хуже, будшо съ большими издержками выписывали вы изъ Парижа всѣ бездѣлюшки, какими были разукрашены. Парижскїя модныя шорговки еще въ большой чести между вами; пошому что многїя модиспшки, родившіяся въ Англїи, придаюшъ къ имени своему часпщцу de, и ведлшъ называшъ себя madame, чшобъ заманишъ съ себя по-

больше покупщицъ. Вы прекраснѣе Француженокъ; вамъ бы не шакъ было нужно и не шакъ прудно искусство удержашъ за собою превосходство въ свѣтскости, какое умѣли приобрьсти г-да Англичане. Поспѣшите только покинуть эти глупыя качества домовитости, которыя до сихъ поръ предохраняли добродѣтель вашу, и служили опорой крошкаго счастья; уничтожьте несносное право, какое присвоиваютъ себѣ мужья ваши, пребуя пошчасъ разводной или губя соперниковъ, когда замѣчаютъ какія нибудь интриги. Тогда, но не прежде, возвеличайте вашъ геній и наши успѣхи въ верхопрасествѣ. Но смѣшивайте вашу похвалу съ похвалою Англичанамъ, когда вы до шого унижаетесь, что выписываете моды изъ Парижа, и когда вы до шого скромны, что краснѣете при одномъ словѣ culotte — нѣтъ, я никакъ на это не согласенъ.

Пер. В.

II.

ДРЕВНОСТИ.

КАЛЕНДАРЬ.

(Сог. Сенъ-Мартена).

Такъ называется книга или таблица, показывающая употребляемый разными народами способъ раздѣленія дней по ихъ обычаямъ гражданскимъ, богослужебнымъ, астрономическимъ или земледѣльческимъ, въ продолженіе извѣснаго проспранства времени, именуемаго *годомъ*.

Имя сіе происходитъ отъ слова *calendae*, которое Римляне писали въ своихъ таблицахъ, въ началѣ каждаго мѣсяца, и которое означало первый день онаго. Утверждающъ, что *calendae* происходитъ отъ Латинскаго глагола *calo* (зову, объявляю) или отъ Греческаго глагола *καλέω*, который по же значить. Употребленіе таковаго наименованія происходитъ, говорящъ, отъ того, что Римскіе первосвященники, на коихъ возложена была обязанность ушанавливать календарь, имѣли обыкновеніе созывать народъ на всенародную площадь въ каждое новолуніе, и объ-

двѣяшь ему число дней наступающаго мѣсяца. Другіе полагають, что слово календы происходитъ отъ предлога *clam* (невѣдомо, скрытно) пошому, говорятъ они, что при новолуніи луна скрывается. Это слово производяшь еще и другими способами; но всѣ они равно неправдоподобны. Они выдуманы Древними, и заслуживають сподѣ же мало вѣроятія, какъ и всѣ встрѣчающіяся въ ихъ сочиненіяхъ словопроизводства. Лучше сознашься въ своемъ невѣжествѣ, нежели вдаванься въ тщетныя умозаключенія, всегда бесполезныя, а часно и вредныя для науки.

Календари, смотря по годамъ, копорыхъ раздѣленія или подробности они показываютъ, бывають *солнечные*, *лунносолнечные*, *лунные* и *неопредѣленные* (*vacuase*).

I. *Календари солнечные*. Такъ называються шѣ календари, въ копорыхъ, посредствомъ прибавленія одного дня, въ каждое четырехлѣтіе, начало года приходилъ съ большею или меньшею точностію всегда въ одно время года и въ одну эпоху, такъ, что средній годъ составляють 365 $\frac{1}{4}$ дней, ш. е. время почти равное шому, въ копорое земля, совершивъ обращеніе свое около солнца, бываешь въ одномъ положеніи въ отношеніи къ сему свѣтилу. Таковыя

календарь, находящійся въ употребленіи у насъ и у всѣхъ народовъ, исповѣдующихъ Христіанскую вѣру. Онъ пошъ самый, которъ введенъ у Римлянъ Юліемъ-Цесаремъ, и исправленъ въ 1582 году Папою Григоріемъ XIII. Въ древнемъ своемъ видѣ, сохранился онъ только у Россіянъ и у Восточныхъ Христіанъ.

II. *Календари лунно-солнечные.* Въ сихъ календаряхъ мѣсяцы должны, сколько возможно, устанавляться по печенію луны, начинаясь съ новолуніемъ и оканчиваясь съ исчезаніемъ сего спутника солнца, но что-бы возобновленіе каждаго года могло совершиться въ одно время года, въ одну эпоху, надобно по временамъ прибавлять принадлежащій мѣсяць, шакъ, что чрезъ нѣсколько лѣтъ, копорые вмѣстѣ взятые называются *цикломи* или *кругомъ*, годъ начинаея въ извѣстныхъ обстоятельствахъ относительно къ солнцу. Въ сихъ календаряхъ, какъ и въ солнечныхъ, средній годъ составляетъ $365\frac{1}{4}$ дней. Они *лунные* въ подробностяхъ и *солнечные* въ цѣломъ. Таковы были всѣ календари, употреблявшіеся у Грековъ, и календарь Македонскій; шакими и нынѣ еще календари, копорыми служатъ уроженцы Индостана, Китая, Японіи и Монголіи. Таковъ еще календарь Ев-

реевъ и извѣстный подъ именемъ *Пасхальнаго круга*, по которому у насъ распределяются подвижные праздники.

III. *Календари лунные*. При составленіи сего претсъяго рода календарей, обращается вниманіе единственно на печеніе луны; надобно только расположить большую или меньшую долготу каждаго мѣсяца такимъ образомъ, чтобы начало онаго могло всегда почти совершенно соотвѣтствовать естественному новолунію. Такимъ образомъ, соединивъ извѣстное число лѣтъ, распределенныхъ по календарямъ сего рода, получишь всегда средній годъ около 354 дней и 8 часовъ. Впрочемъ это годы неопредѣленные, пошому, что они переходящъ послѣдовательно по всѣмъ временамъ года. Такимъ образомъ раздѣляется одинъ только Арабскій календаръ, принятый всѣми народами, исповѣдующими Мусульманскую религію.

IV. *Календари неопредѣленные*. Календари сіи, которые можно было бы еще назвать гражданскими, пошому, что они не основаны ни на какомъ явленіи въ природѣ, назначаются для опредѣленія формы годовъ, составленныхъ изъ какого либо, но всегда одинаковаго, числа дней. Лѣта сіи переходящъ послѣдовательно по всѣмъ вре-

менамъ года, и только чрезъ весьма долгіе періоды могутъ прийти къ прежнему времени своего начала. Такимъ образомъ представлялись календари древнихъ Египтянъ, Персовъ, Армянъ, Каппадокіянъ и обитателей Италіи, равно какъ и древнѣйшихъ народовъ Греціи.

При семъ раздѣленіи обращали мы вниманіе только на свойство годовъ, а не на соотношеніе ихъ съ небесными явленіями; но разсматривая календари по употребленію ихъ у разныхъ народовъ, можно было бы раздѣлить оныя на календари гражданскіе, календари богослужебные и календари сельскіе или земледѣльческіе. Такимъ образомъ, независимо отъ исправленнаго Юліянскаго календаря или календаря Григоріянскаго, у насъ есть еще календарь церковный, по коему вычисляются каждагодно Пасха и другіе зависящіе отъ оной праздники. Евреи также двойнымъ образомъ употребляли свой лунносолнечный календарь: въ весеннее равноденствіе начинали они свой годъ, церковный а въ осеннее гражданскій. У Грековъ, независимо отъ разныхъ лунно-солнечныхъ календарей, употреблявшихся особенно у каждаго народа, были еще календари чисто солнечные, которыхъ неровные мѣсяцы соотношались двѣнадцатью знакамъ

зодіака, и назывались ихъ именами. По календарямъ сего рода распределялись у нихъ сельскія работы.

Познаніе календарей, находящихся или бывшихъ въ упоиребленіи у разныхъ народовъ, составляетъ весьма важную часть Хронологіи; можно даже сказать, что оно есть главное основаніе сей Науки: безъ онаго нельзя, съ надлежащею точностію, означить время разныхъ историческихъ происшествій. Однакожь, не смотря на такую важность, при изученіи Истории досель мало обращали вниманія на Науку Календаря. Обыкновенно ограничивались познаніемъ календаря Юліанскаго, у насъ принятаго, а о другихъ имѣли понятіе не точное и недосащочное. Вопль почему Хронологія и теперь еще находится у насъ во младенческомъ состояніи, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ Древней Истории. Въ матеріалахъ нѣтъ недосащочка: напроцѣвъ, ихъ слишкомъ много; но никто не думалъ о томъ, что для восстановленія последованія времени, нужно прежде хорошо узнать его раздѣленіе, и что годъ въ разныхъ эпохи и у разныхъ народовъ былъ не равенъ.

Метода, которой досель слѣдовали, породила множество затрудненій и несо-

образцесцей, кошорыя мочили всю Древищу
 Исторію сдѣлали нещочною. Для достиженія
 цѣли, надобно было слѣдовать по пути,
 совершенно противоположному, и не при-
 ступая еще къ историческимъ разыска-
 нямъ, занявшись *положительною Хроноло-
 гією*. Такъ называю я важную часть Науки
 Хронологіи, кошорая основывается един-
 ственно на познаніи календарей. Тогда бы
 Исторія имѣла основаніе непоколебимое,
 потому что, опредѣливъ посредствомъ по-
 ложительной Хронологіи одну какую ни-
 будь эпоху, можемъ съ вѣрностію озна-
 чить всякую другую. Этой методъ слѣдо-
 валь я во всѣхъ моихъ историческихъ и
 хронологическихъ занятіяхъ, и смѣло могу
 утвердить, что надежда моя никогда меня не
 обманывала: эта методъ доставила мнѣ
 возможность придасть почти всемъ частямъ
 Древней Исторіи такую очевидность, къ
 кошорой ихъ прежде причисляли неспособ-
 ыми. Множество трудностей и несоощ-
 вѣнствій, причиславшихъ досель неразрѣ-
 шимыми, совершенно исчезли. Всѣ свидѣ-
 тельства, какъ бы они по видимому не
 казались противорѣчащими, были мною
 признаны. Этого еще мало: изъ сихъ по-
 санныхъ противорѣчій извлекъ я сильнѣйшія
 и рѣшишельнѣйшія доказательства вѣрно-

ѣпи монахъ заключеній. Изысканія сіи, касающіяся до всѣхъ частей Древней Исторіи, составляютъ предметъ довольно большаго сочиненія, которое я намѣренъ издать подъ названіемъ: *Хронологія Древней Исторіи*. Въ ономъ будетъ изложено, разобрано и объяснено все, относящееся до формы, употребленія, раздѣленія и примѣненія календарей, принятыхъ древними и восточными народами.

Изъ сего-то сочиненія извлечены краткія свѣдѣнія, которыя я помещаю здѣсь (*), и которыя доставятъ для того, чтобы подать вѣрное понятіе о различныхъ способахъ, которые люди употребляли для раздѣленія и исчисленія времени. До сихъ поръ ограничивались только, изложеніемъ болѣе или менѣе точной Исторіи принятаго у насъ Римскаго календаря. Я избралъ путь совершенно противоположный: сначала покажу разные календари, бывшіе въ употребленіи у древнихъ народовъ, а потомъ уже присуплю къ календарю Римскому, который разсмотрю подробно. Начну съ Египтянъ, потомъ перейду къ Персамъ и другимъ древнимъ восточнымъ народамъ; за симъ обращусь къ Израиль-

(*) Въ *Encyclopedie moderne*, par Courtin.

шнямъ, къ Грекамъ и къ Македонянамъ. Послѣ сего буду говорить объ измѣненіяхъ Римскаго Календаря до исправленія оного Юліемъ Цезаремъ. Пошомъ изложу новыя перемѣны, въ немъ сдѣланныя, и окончу обзорніемъ календаря, употребляемаго нынѣ восточными народами.

Календарь Египетскій. Точныя показанія Геминія, Цензорина и другихъ Писателей удостовѣряють, что Египтяне не успановляли своихъ гражданскихъ годовъ, ни по печенію солнца, ни по печенію луны, но имѣли годъ неопредѣленный, состоявшій изъ 365 дней, отсчитывая въ каждыя чешыре года однимъ днемъ отъ годовъ солнечныхъ, такъ что начало оного приходилось въ одно время чрезъ 1460 лѣтъ. Это необычное пространство времени называлось *годоми Божиими*, *большими* *годоми*, *каникулярными* и *періодомъ сотіакскимъ*. Последнее наименованіе давалось ему по той причинѣ, что періодъ начинался въ ту эпоху, когда каникулярная звезда, называемая также *Сириусомъ*, и въ Египтѣ *Сотисомъ*, восходила съ солнцемъ въ первый день *Тота* перваго мѣсяца неопредѣленнаго года Египтянъ. Онъ оканчивался чрезъ 1460 лѣтъ, когда, по причинѣ отсчитыванія, однимъ днемъ каждыя чешыре года, 1-е число *тота* случа-

лось ояль въ время солнечнаго воехода *сириуса*. Достоверно извѣстны два такіе періода. Цензоринъ свидѣтельствуетъ, что послѣдній изъ нихъ окончился 20 Іюля 139 года нашей эры. Изъ сего слѣдуетъ, что онъ начался 20 Іюля 1322 года до Р. Хр. Періодъ сей, назывался у Египтянъ эрою *Менотреса*. Сей Государь, котораго царствованіе началось 26 Іюля 1349 года до нашей эры, былъ прешій изъ Царей девятнадцатой династіи Египетскихъ владѣльцевъ. Первый періодъ соіакскій начался за 2782 года до Р. Хр. Въ древнихъ Австрогахъ есть несомнѣныя доказательства, что онъ употреблялся въ дѣлахъ гражданской жизни.

Египетскій годъ состоялъ изъ двѣнадцати мѣсяцевъ, въ тридцать дней каждый, къ коимъ присоединяли еще пять дней добавочныхъ. Имена сихъ двѣнадцати мѣсяцевъ, суть: *тотъ*, *паофи*, *атиръ*, *шоіакъ*, *тиби*, *мехиръ*, *фаленотъ*, *фармути*, *пахонъ*, *пайни*, *эпифи* и *мезори*.

Календаръ Персидскій. Календаръ Персидскій былъ, подобно Египетскому, неопредѣленный, а годъ Персовъ, состоявшій изъ 365 дней, раздѣлялся на двѣнадцать мѣсяцевъ, не считая пяти дней дополнительныхъ, прикладываемыхъ въ концѣ года. Каждый

изъ дней и мѣсяцевъ былъ посвященъ особенному генію хранителю, и назывался его именемъ. Имена мѣсяцевъ суть: *фарвардинъ*, *ардибегештъ*, *хордадъ*, *тиръ*, *амердадъ*, *шахриверъ*, *мигиръ*, *абанъ*, *адеръ*, *дегъ*, *багманъ*, *исфендармадъ*.

Извѣстно, что Персидскіе годы были неопредѣленные до 329 года нашей эры, ш. е. до восшествія Александра на пронь Персидскій, по смерти Дарія. Кажется, что тогда старались измѣнить свойство Персидскаго календаря. Изобрѣшатели его сдѣлали перемѣну онаго почти невозможною, шѣсно соединивъ его съ религіею, посвященіемъ особенному генію каждаго дня и мѣсяца. Новыхъ геніевъ выдумашъ было не возможно: чшобы уничтожить это затрудненіе и прекратить суевѣрный страхъ народа, положили чрезъ каждые сто двадцать дѣшь вспавлять, прибавочный мѣсяць, ашопъ новый мѣсяць помѣщашъ въ слѣдъ за каждыиъ изъ прежнихъ мѣсяцевъ, и называшъ его однимъ именемъ съ шѣмъ, за кошорымъ онъ слѣдуетъ, для шого, чшобы каждый изъ ангеловъ, начальшвовавшихъ надъ мѣсяцами, могъ въ свою очередь завѣдывашъ мѣсяцемъ прибавочнымъ. Эша важная перемѣна простерлась также и на

дни дополнительные, копорые определено было помѣщать чрезъ каждыя двадцать лѣтъ попеременно послѣ удвоеннаго мѣсяца. Совершились только восемь изъ этихъ небольшихъ періодовъ. Девятый начался 16 Юня 632 года нашей эры въ первое лѣто царствованія Іездеждерда III, послѣдняго Персидскаго Царя, изъ династїи Сассанидовъ. По разрушенїи Персидской Имперїи послѣдователями Магомета, небольшое число Персіанъ, прибывшихъ вѣрными религїи и законамъ своего отечества, не слѣдовало уже сей мѣсодъ, и календарь ихъ снова сдѣлался совершенно неопредѣленнымъ, какъ былъ до Александра; только дни дополнительные спавились уже не въ концѣ года, но послѣ осьмага въ году мѣсяца абана.

Календарь Армянскій. Годъ Армянскій былъ подобенъ Персидскому, и до сихъ поръ остался неопредѣленнымъ. Двѣнадцать мѣсяцевъ, изъ копорыхъ соспоишь онъ, не считая дополнительныхъ, суть: *навасарти, гори, сагли, дре, каготсб, аратсб, мегеги, ареки, агки, марери, маргатсб, и еродитсб.* У Армянъ есть еще другой календарь, въ копоромъ мѣсяцы называются: *шамсб, адалб, шебатб, нахай, гамарб, надарб, тира, дама, гамира,*

арамѣ, *овданѣ* и *нирганѣ*. Кажется, что сей календарь употреблялся въ Малой Арменіи. Неопредѣленный годъ Армянъ начался *нунѣ* (въ 1825) 10 Сентября. Для означенія времени Пасхи и другихъ церковныхъ праздниковъ, оныя нее зависящихъ, Армяне употребляютъ Календарь Юліанскій, въ такомъ видѣ, какъ онъ бывъ до преобразования Григоріанскаго.

Извѣстны еще календари древнихъ Каппадокійцевъ, Иберійцевъ, которые называются теперь Грузинцами, Албанцевъ и народовъ, живущихъ на восточной части Кавказскихъ горъ по берегамъ Каспійскаго моря. Они были такого же рода, какъ Персидскій и Армянскій. Чтобы не слишкомъ распространить статью сію, не буду приводить названій мѣсяцевъ въ сихъ календаряхъ.

Календарь Сирійскій. Имена мѣсяцевъ, бывшія въ употребленіи у Сирійцевъ и, какъ кажется, въ древнемъ Вавилонѣ, сунтъ: *Тизри 1*, *Тизри 2*, *Канунъ 1*, *Канунъ 2*, *Сабатъ*, *Адаръ*, *Низанъ*, *Гаръ*, *Хазираиъ*, *Талицъ*, *Абъ* и *Элцъ*. Годъ сей былъ сначала лунно-солнечный; следовательно въ немъ по временамъ вставлялся тринадцатый мѣсяць, и онъ начинался съ новолуніемъ, ближайшимъ къ осеннему равноден-

ствію. Подъ владычествомъ Римлянъ сдѣлался онъ Юліанскимъ; онъ оснвался шаковымъ и доселѣ, и употребляется Несторіанами и Якобитами Сиріи и Востока, у кошорыхъ 1-е число Тизри 1-го соопствшсвуешъ 1-му Октябрю календаря Юліанскаго.

Календарь Еврейскій. Изъ книги Быпія видно, что въ началѣ году Израильчанъ состоялъ изъ 360 дней; впрочемъ неизвѣстно, какъ раздѣляли они время въ гражданскомъ бышю. По исходе изъ Египца пріяли они годъ лунно-солнечный; успановленіе Пасхи сдѣдало это для нихъ необходимымъ. Въ самомъ дѣлѣ, дабы праздникъ сей, назначенный для надоминовенія объ освобожденіи Израильчанъ отъ рабства Египетскаго, могъ всегда приходиться во время ближайшаго къ весеннему равноденствію полнолунія, и дабы первые плоды жашвы могли бышь освящаемы въ день Пятидесятницы, бывающей чрезъ пятьдесятъ дней послѣ шого, непременно надобно, чтобы всшавочный мѣсяць пополнялъ по временамъ разность между солнечнымъ и луннымъ годомъ. Новолуніе, предшествовавшее празднику Пасхи, означало начало года у Израильчанъ, кошорое приходилось такимъ образомъ въ началѣ весны.

Таковъ, безъ всякаго сомнѣнія, былъ видъ года у древнихъ Евреевъ до паденія Вавилонскаго. Подробности ихъ мѣсяцевъ, въ семь продолжительномъ періодѣ времени, совершенно неизвѣстны. До сихъ поръ сохранились имена только трехъ изъ нихъ, именно второго, седьмаго и осьмаго, которые назывались *Зіц*; *Вуль*, и *Этанильд*. Религія Евреевъ прошивилась значительному измѣненію календаря: Пребываніе ихъ въ Вавилонъ не могло также произвести въ немъ большихъ перемѣнъ, пошому что и тамъ былъ въ употребленіи календарь лунно-солнечный. Принявъ Халдейскій языкъ, они приняли и Вавилонскія названія мѣсяцевъ, и; можетъ быть, тамошній образъ вставкѣ прибавочнаго мѣсяца. Имена мѣсяцевъ, принесенныя ими въ Иудею по возвращеніи изъ паденія Вавилонскаго, сохранились между ими и досель; они почти тѣ же, которые были у Сиріянъ. Вотъ они: *Низанъ*; *Іяръ*; *Сиванъ*; *Тамузъ*, *Абъ*, *Элүлъ*, *Тизри*, *Мархесванъ*, *Каслеу*, *Тетбетъ*, *Сабатъ* и *Адаръ*. Девятнадцатилѣтній кругъ, составленный подобно Метшонову, опредѣляетъ расположеніе ихъ простыхъ и вставочныхъ годовъ. Сім послѣдніе суть въ девятнадцатилѣтнемъ періодѣ годы 3, 6, 8, 11, 14, 17 и 19-й; для со-

синавлекій къ удвоивающъ мѣсяць *Адаръ*, послѣдній въ году, и они состоятъ изъ тринадцати мѣсяцевъ. Такимъ образомъ Пасха и начало года никогда не могутъ удалиться отъ всеобщаго равноденствія. Таковъ календарь, употребляющійся еще и теперь у Евреевъ.

Календари Грецескіе. До начала шестнадцатаго вѣка до Р. Хр., все календари, употреблявшіеся у Грековъ; имѣли основаніемъ годъ; состоявшій изъ трехъ сотъ шестидесяти дней, и раздѣленный на двѣнадцать мѣсяцевъ по трицати дней каждый: свидѣтельства Геродота; Гемпа и Цензорина не оставляютъ въ сомнѣніи никакого. Черезъ каждые два года прибавляли вслѣдствіи мѣсяць; также въ тридцать дней; такъ, что для составленія точнаго понятія о томъ; что Греки называли въ древнія времена годомъ; надобно взять среднее просиранство времени въ триста семьдесятъ пять дней, безъ чего впадемъ въ безконечную ошибку, которая будетъ просираняться на всю часть Древней Исторіи. Годы сіи; попеременно въ триста девятностъ и въ триста шестидесятъ дней; составили періоды; которые назывались *тригетридами*; потому, что они возобновлялись въ третій

годъ, но были собственно только *дистемриды*, ибо содержали въ себѣ только два года. Это говорили Цензоринъ (cap. 18) *idque tempus трестридохъ appellabant, quod tertio quoque anno intercalabatur quamvis biennii circuitus, et reverà distempis esset.* Этому обыкновению всѣ народы Греціи постоянно слѣдовали до шестого вѣка предъ Р. Хр.: тогда въ сфирѣ сей явились астрономическія познанія. Изученіе Астрономіи показало несовершенство метода, которой дошолѣ слѣдовали, и далѣ почувствовашь необходимость переменны. Но какъ календари *триетерическіе* были освящены додговременнымъ употребленіемъ, то ученые спрашивались скорбишь презрѣсудки Грековъ и засшавили дѣйсшвовашь своцхъ боговъ, чшобы внесши улучшенія, кошорыхъ пребовали успѣхи разума. Оракуды предписали Грекамъ шоржесшвовашь праздники, и приносишь жершвы всегда въ одни и шѣ же времена года, и чшобы производишь это съ шочшосшшію, усшановишь годъ по солнцу, а мѣсяцы и дни по лунѣ. Надобно было прибвгнушь къ Астрономамъ, а основаніемъ переменны приняшь ученія вычисленія. Наблюденіе удостовѣрило уже, что истинное продолженіе луннаго обращенія было двадцашь девашь дней съ половиною.

Оное удвоили, ошъ чего вышло пятьдесятъ девять дней, которые раздѣлили на двѣ неровныя часпи, одну въ шридцать дней, кошорую назвали мѣсяцемъ *полнымъ* а другую въ двадцать девять дней и дали ей названіе мѣсяца *пустаго*. Тогда въ первый разъ у Грекоѣ назвали мѣсяцами неодинакія числа дней. Въ то же время перемѣнили имена дней: первый былъ названъ *неомениєю* или новолушіемъ, вшорой вшоролушіемъ и проч. Пятнадцатый получилъ имя *дихомении* и *панселении*, половины луннаго обращенія или полнолунія. Тридцатый былъ названъ *ἐνν κκ' ἡμέρᾶ*, *старая* и *новая* попому, что въ это время луннаго мѣсяца луна оканчиваешъ прежнее свое печеніе и начинаешъ новое. По эпош причинъ имя сіе давалось шолько послѣднему дню мѣсяцевъ полныхъ. Послѣднему дню въ 29 дневномъ мѣсяцѣ, вѣроятно изъ уваженія къ прежнему обыкновенію считаешъ въ каждомъ мѣсяцѣ по шридцати дней, оставили прежнее названіе *триака* или *тридешатка*; обыкновение сіе ошалошъ въ понятияхъ народа и въ языкѣ, не смошря на дѣйствительную перемѣну, послѣдовавшую въ календарѣ. Въ самомъ дѣлѣ, многія свидѣшельства, приводимыя послѣ сей эпохи, доказываютъ, что Греки сохранили обычай

считашь въ каждомъ мѣсяцѣ по шриццати дней. Обычай сей сохранился и до нашего времени, не смонря на неравенство Римскихъ мѣсяцевъ: въ обыкновенныхъ разговорахъ на это не обращающь никакого вниманія.

Двѣнадцать лунныхъ обращеній или мѣсяцевъ, попеременно по шриццати и по двадцати девяти дней, соспавящъ шолько шриста сорокъ пять дней; почему гражданскій годъ опспалъ бы $11\frac{1}{4}$ днями оцъ солнечнаго, кошорый шогда считали въ $365\frac{1}{4}$ дней. Чшо бы имѣшъ мѣсяцы совершенные, излишекъ солнечнаго года помножили на восемь, чшо произвело девяносто дней или три мѣсяца. Такимъ образомъ получили три мѣсяца вспавочные, кошорые начали помѣщашь, сколько возможно, чрезъ равныя разспоянія въ осмильшнемъ периодѣ, кошорый посему былъ названъ *октаетеридомъ*. Прибавочные годы были шрешій, пятый и осьмой; въ нихъ было по шринаццати мѣсяцевъ, и по шриста осмидесяти чешыре дня, между шѣмъ, какъ другіе соспояли шолько изъ двѣнадцати мѣсяцевъ и шрехъ сошъ пятидесяти чешырехъ дней.

Октаетеридъ содержалъ въ себѣ 2922 дня, шо же, чшо восемь лѣшъ солнечныхъ

съ высокосными годами; такимъ образомъ, посредствомъ сего преобразования, Греческіе годы могли возобновляться всегда въ одно время. Не смотря на это драгоценное свойство, *октаетерида* не выполняла еще предписанія, даннаго Грекамъ оракуломъ, т. е. чтобы годы образовались съ печеніемъ солнца, а мѣсяцы и дни наименованіями и продолженіемъ своимъ соотношались печенію луны. Расположеніе календаря и распределеніе подробностей круга должны были выполнить сѣ два условія. И такъ, мало было того, что солнце въ концѣ сего періода приходило къ той же точкѣ, отъ которой начинало свое печеніе: надобно было, чтобы и луна была равномерно въ прежнемъ положеніи въ отношеніи къ сему свѣсилу. Но этого не случилось при концѣ *октаетерида*. Греки скоро замѣтили сей недоспашокъ. Астрономы легко увидѣли, что между концемъ *октаетерида*, и окончаніемъ послѣдняго круговращенія луны проходило еще полтора дня. По неспеченіи двухъ *октаетеридовъ* разница была бы уже въ прехъ дняхъ. Для исправленія сего недоспашка, они соединили два *октаетерида* и составили изъ нихъ новый пері-

одъ, которыи такимъ образомъ заключалъ въ себя шеснаццать лѣтъ, опъ чего и назывался *эксаидекаетеридолъ*. Онъ оказывался прѣмя днями прибавочными.

Преобразование сіе произведено было въ Аѣинахъ, гдѣ тогда занимались Аспрономією; другія Греческія Республики, которыя приняли новыя календари, *октаетеригескіе*, не не имѣли возможности исправити погрѣшность, которую также скоро замѣтили, принужденны были оставити оныя по прежнему. Изъ сего вышло, что упошреблявшіеся у нихъ круги постепенно ошсщавали прѣмя днями въ каждыи шеснаццать лѣтъ опъ периодовъ Аѣинскихъ. По мѣрѣ увеличенія сей разности, числа и названія дней не соотвѣтствовали уже печенію луны. Неоменія приходилась на мѣсць новой луны, и на оборотъ. Въ календарѣ сдѣлался совершенный беспорядокъ, и всѣ почувствовали необходимость перемены онаго.

Аѣмяне, прибавивъ при дополнителныи дня къ новому своему шеснаццатилѣтнему періоду, не достигли еще цѣли, которую предполагали себѣ преобразователи календаря, и которая состояла въ томъ, чтобы годы соотвѣтствовали соли-

цу, а мѣсяцы и дни лунѣ. — Это очевидно: прибавленіе по три дня произвело бы то, что въ десять періодовъ или въ сто шестидесять лѣтъ опередили бы солнце цѣлымъ мѣсяцемъ. Для исправленія сей погрѣшности, вздумали опнимать по одному прибавочному мѣсяцу по истеченіи сего времени. Длинноша и несовершенство сего періода, кошорый шакъ поздно достигалъ своей цѣли, и въ кошоромъ мѣсяцы ещю долгое время не сходились въ надлежащемъ мѣстѣ, заставили прибѣгнушь къ новому соображенію для исправленія календаря.

Изобрѣшашелемъ новой методѣ былъ Аѳинскій Аспрономъ Мешонъ. Онъ выдумалъ кругъ въ девятнадцать лѣтъ, кошорый Греки назвали *Энеадекастеридомъ*, и въ кошоромъ подробности годовъ, мѣсяцевъ и дней постоянно соопвѣшшвовали печенію луны; въ этомъ періодѣ годъ всегда начинался въ одно время года, а чрезъ девятнадцать лѣтъ приходился во время того же положенія солнца. Аспрономъ сей принялъ за основаніе наблюденіе лѣшняго солнцеспоянія, кошорое онъ назначилъ 27 числа Юліянскаго Іюня 432 года до Р. Х. Періодъ Мешоновъ начался съ первымъ новолуніемъ послѣ сего солнцеспоянія. Въ это время истинное новолуніе случилось

подъ Аѳинскимъ меридіаномъ 15 Іюля въ 7 час. 15 мин. по полудни. Дни Грековъ начинались вечеромъ, изъ чего слѣдуетъ, что 16-е Іюля 432 года до Р. Х. должно почитаться первымъ днемъ Метонава цикла. Періодъ сей заключалъ въ себѣ 6,940 дней, составлявшихъ 235 мѣсяцевъ, изъ которыхъ семь были вставочные. Сии 235 мѣсяцевъ были раздѣлены на 125 полныхъ по 30 дней, и 110 пусныхъ по 29 дней. Такъ какъ полныхъ мѣсяцевъ было гораздо болѣе, нежели пусныхъ, то и нельзя было имъ слѣдовать одному за другимъ, попеременно; и такъ, для размѣщенія ихъ приличнымъ образомъ по взаимному отношенію, прибѣгнули къ прежнему обыкновенію. Положили, что каждый мѣсяць состоиць изъ тридцати дней; такимъ образомъ вышло 7050 дней, т. е. 110 днями болѣе числа дней, дѣйствительно заключавшихся въ періодъ Метона. Такъ какъ надобно было имѣть равное число мѣсяцевъ пусныхъ, то 6,940 раздѣлили на 110; въ частномъ числѣ вышло 63 дня, изъ которыхъ положили исключивъ одинъ, и именно 63-й, вполнѣ день назвали *исключаемымъ*. Чтобы найти его, начали считать съ начала періода, и изъ каждаго 63-го мѣсяца выключали одинъ день, а мѣсяць дѣлался пуснымъ. Такимъ

образомъ вышло восемь годовъ обыкновенныхъ по 354 дня, а четыре остальныхъ по 355. Вспавочный годъ составилъ изъ 383 дней, пять другихъ изъ 384 дней, а еще одинъ изъ 385. — Вспавочные или принадлежащимся года въ этомъ девятнадцатилетнемъ періодѣ были: 2-й, 5-й, 8-й, 11-й, 13-й, 16-й и 19-й.

Но хотя періодъ Метонъ превосходилъ всѣ дошолъ употреблявшіеся у Грековъ круги или циклы, но и онъ былъ еще несовершенъ. Небольшая ошибка, сдѣланная въ вычисленіи истиннаго продолженія лунныхъ обращеній произвела то, что чрезъ 76 лѣтъ ушли днемъ впередъ. Чтобы исправить сію погрѣшность, Калиппъ Сизикскій, знаменитый Астрономъ, жившій въ царствованіе Александра Македонскаго, установилъ періодъ въ семьдесятъ шесть лѣтъ, состоявшій изъ четырехъ цикловъ Метонныхъ, въ которыхъ онъ не измѣнилъ ничего, только у послѣдняго изъ нихъ отнялъ одинъ день, такъ, что его періодъ содержалъ 27759 дней, а четыре девятнадцатилетніе періода составили бы 27760 дней. Впрочемъ, всѣ правила цикла Метонна родились и для цикла Калиппова. Преобразование сіе произведено въ 330 годъ до Р. X.

въ который Александръ, по смерти Дарія, былъ объявленъ владыкою Азіи.

Употребленіе сего цикла, назначеннаго для исправленія Греческихъ календарей, принято было и Христіанами, и продолжается до нашихъ дней. Эпошь періодъ въ церковныхъ календаряхъ, называется *златымъ числомъ*, и употребляется для назначенія времени Пасхи. Названіе его происходитъ отъ того, что его прежде означали въ календаряхъ золотыми буквами. Эпошь способъ согласовать солнечный годъ съ луннымъ, принята Христіане во времени Собора Никейскаго, бывшаго въ 325 году. Епископы; собравшіеся тогда въ Никей, поручили Александрійской Церкви изобрести средство опшскивать съ точностію время Пасхи, для того, чтобы всь Христіане могли праздновать оную въ одно время, чего до того не было. Предвчненіе, оказанное въ этомъ случаѣ Александрійской Церкви, произошло отъ того, что въ оной было знаменитѣйшее въ то время собраніе ученыхъ мужей. Церковь сія обратилась къ Аспроніамъ, жившимъ въ Александріи; они сообщили Христіанамъ цикла Метона, который распространился такимъ образомъ вездѣ; куда только проникла Христіанская религія.

Кругъ, составленный Метрономъ, были приняты почти всеми народами Греціи. Объ этомъ свидѣтельствуетъ Діодоръ Сицилійскій. Макробій и Цензоринъ говорятъ, что Аркадяне и Акарнаційцы одни его не приняли, вѣроятно по привязанности къ древнимъ своимъ обычаямъ.

Хотя всѣ Греки, за исключеніемъ немногихъ, употребляли одну и ту же мѣру для установленія календарей своихъ, однако жъ, не смотря на это, календары сіи различались между собою въ названіяхъ мѣсяцевъ и во времени начинанія оныхъ. Такъ, напримѣръ, Аѳиняне, начинали свой годъ въ новолуніе, ближайшее къ лѣтнему солнцестоянію. Элеяне также, и пошому Олимпіады и Олимпійскіе годы возобновлялись въ эту эпоху. Лакедемоняне, напротивъ того, начинали свой годъ съ новолунія, ближайшаго къ осеннему равноденсію. Всѣ народы Дорійскіе, имѣя много общихъ съ ними праздниковъ, слѣдовали тому же правилу, хотя названія ихъ мѣсяцевъ часто различествовали; для согласованія ихъ между собою, довольно было и того, что мѣсяцы сіи подвержены были одному и тому же способу дополненія. И такъ въ Аргосѣ, въ Сикіонѣ, въ Коринѣ, въ Корцирѣ, въ Крѣтѣ, въ Киренѣ и въ Сициліи,

годъ начинался также, какъ и въ Лакедемонѣ, около осенняго равноденствія: Ахеяне, напрошивъ того, начинали его съ равноденствія весенняго. Въ Фивахъ считали съ новолунія, слѣдующаго за зимнимъ солнцесходниемъ. У насъ нѣшь почныхъ свѣдѣній о начальныхъ эпохахъ въ календаряхъ, употреблявшихся у Фессалійцевъ, Фокидянъ, Локрійцевъ и въ многочисленныхъ Греческихъ колоніяхъ, поселившихся по берегамъ Средиземнаго моря. Впрочемъ, что календари, копорымъ слѣдовали во всѣхъ сихъ мѣстахъ, значительна между собою различались. Древніе народы чрезвычайно уважали эти національные календари: они почитали ихъ какъ бы доказательствомъ своей независимости. Календари разныхъ наименованныхъ мною народовъ, не во всѣхъ своихъ подробностяхъ намъ извѣсны; до насъ дошли только названія нѣкоторыхъ изъ ихъ мѣсяцевъ, сообщенныя намъ Авшорами или сохранившіяся въ древнихъ надписяхъ. Больше прочихъ извѣсны календари Лакедемона, Фивъ, Дельфъ, Сизики, Тоніи и Криша; мы не помѣстимъ здѣсь ихъ названій, а приведемъ только имена мѣсяцевъ Аѳинскихъ, потому, что о нихъ говорится чаще, нежели о другихъ, по причинѣ спра-

ведливой знаменитости и могущества народа Афинскаго.

Подобно всемъ другимъ Греческимъ календарямъ, календарь Афинскій состоялъ изъ двѣнадцати мѣсяцевъ въ годахъ обыкновенныхъ и тринадцати во вспавочныхъ или эмболлизмическимъ (*). Мы видѣли уже, что большее или меньшее продолженіе сихъ мѣсяцевъ опредѣлялось по законамъ цикла. Двѣнадцать Афинскихъ мѣсяцевъ были: *Гетаколбеонъ*, кошорый въ глубокой древности называли *Хроніоноидъ*, *Метагейтніонъ*, *Боэдроліонъ*, *Планепсіонъ*, *Мелактеріонъ*, *Посидеонъ*, *Гамеліонъ*, *Антестеріонъ*, *Элафеболіонъ*, *Минихіонъ*, *Фаргеліонъ* и *Скирофоріонъ*. Во вспавочныхъ годахъ удвоили мѣсяць *Посидеонъ*, кошорый былъ шестой въ году; тогда онъ назывался *Посидеоноидъ 1-мъ*, а слѣдующій за нимъ, вспавочный *Посидеоноидъ 2-мъ*. Это обыкновеніе, помѣщая вспавочный мѣсяць въ серединѣ года, между шѣмъ какъ почти всѣ другіе Греки прибавляли его къ концу, происходило отъ того, что во время преобра-

(*) Слово сіе значить то же, что и вспавочный; оно происходитъ отъ слова *εμβολισμος*, кошорое по-Гречески значить: *помѣщенный, прибавленный*. Пр. Сог.

зованія, сдѣланнаго Мешономъ, Аѳиняне перенесли начало своего года ошь зимняго солнцесходнидъ къ лѣтнему. Посредствомъ сей перемены Аѳинскій календарь соглашенъ былъ съ годами, назначенными для счисленія Олимпіадъ. Это должно было также много способствоватьъ къ распространенію между другими Греками познанія, а можетъ быть и употребленія Аѳинскихъ мѣсяцевъ. И дѣйствительно извѣстно, что оне были перенесены въ Азію Греками разныхъ племенъ, которые, послѣдовавъ за Александромъ Великимъ, тамъ поселились. Мы знаемъ множество всенародныхъ памятниконъ, принадлежащихъ сей часѣи свѣта, на которыхъ означеніе времени заимствовано изъ календаря Аѳинскаго. Надобно только замѣтить, что въ Азіи порядокъ мѣсяцевъ нѣсколько разнился ошь Аѳинскаго: *мелактеріонъ*, вмѣсто того, чтобы сѣдвовашъ за *панепсіонъ*, и сѣдстввенно быль пятымъ, спавился прежде *панепсіона*, и такимъ образомъ занималь его мѣсто.

Въ то время, какъ Мешонъ сдѣлалъ свое преобразование, прибавочный мѣсяць спавился обыкновенно въ концѣ года. Эшошь обычай велся съ незапамятныхъ лѣтъ. Посему все привычки удвоивашъ

мѣсяць *Посидеонъ*, кошорый, долгое время, былъ послѣднимъ въ году. Эшого не пере-
мѣнили, и шакимъ образомъ вставочный
мѣсяць пришелся у Аѳинянъ въ середнѣ
года. Удержавъ, подъ владычествомъ Рим-
лянъ право, управляясь собшвенными
законами, Аѳиняне сохранили и календаръ
свой, кошорый упошреблялся у нихъ до
введенія Христіанскоѣ Вѣры.

Календаръ Македонскій. Слава Алексан-
дра Великаго, обширность его завоеваній
распространили въ большей части Азіи
познаніе и упошребленіе календаря Маке-
донскаго: по сей причинѣ слѣдуетъ пого-
ворить объ ономъ съ нѣкошорою подроб-
ностью. Объ истинномъ свойствѣ кален-
даря, упошреблявшагося въ Македоніи,
между учеными много было споровъ. Впро-
чемъ, не смотря на множество предполо-
женій и системъ, неосновывающихся ни на
какомъ дословѣрномъ свидѣтельствѣ, нѣтъ
никакой причины думать, чшобы Македоня-
не различествовали въ эшомъ ошъ другихъ
Грековъ. И въ самомъ дѣлѣ, коша народъ
сей, до временъ Филиппа, опца Алексан-
дра, не считался въ числѣ народовъ Гре-
ческихъ, но имѣлъ съ ними одинакое проис-
хождение, говорилъ нарѣчіемъ шого же
языка; всѣ оставшіеся ошъ него нумизма-

эпические памятники, въ числѣ коихъ
 есть весьма древніе, написаны по-Гречески;
 его Государя, были Эллины, пришедшіе изъ
 Аргоса и происходившіе отъ крови Геркулес-
 вой; и наконецъ вся земля Македонская по-
 хрища была колоніями Греческими. Съ
 времени войны Персидской, Македонскіе
 Государя начали принимая дѣшельное
 участіе въ дѣлахъ Греціи, и особенно имѣли
 частыя сношенія съ Афинянами. Невозмо-
 жно, чтобы они не знали обычаевъ Гре-
 ческихъ и съ ними не сообразовались. Сверхъ
 того, одно обстоятельство; совер-
 шенно разрѣшаетъ вопросъ сей. Число
 въ прѣхъ астрономическихъ наблюденій,
 сохраненныхъ Птоломеемъ, и произведен-
 ныхъ въ Вавилонѣ 19 Нолбря 245 года до
 Р. Х., 30 Октябрю 237 до Р. Х. и 1 Мар-
 та 229 года до Р. Х., и въ знаменитой
 надписи, омысканной Французами, въ Розет-
 тѣ, что въ Египтѣ, означено по кален-
 дарю Македонскому. Числа сіи, коихъ со-
 ошвышшувующія по календарю Юліанскому
 не подвержены никакому сомнѣнію, ясно по-
 казываютъ свойства годовъ Македонскихъ.
 Числа ихъ означаютъ порядокъ дней лун-
 наго обращенія. Изъ сего и слѣдуетъ, что
 Македонскіе дни и мѣсяцы совершенно рас-
 полагались по теченію луны, какъ по дѣ-

*

ладось и у всѣхъ другихъ Греческихъ народовъ. И шакъ годъ ихъ былъ шакже лунный и сосполялъ иногда изъ двѣнадцати, иногда изъ тринадцати мѣсяцевъ.

Годъ Македонскій начинался со вторымъ новолуніемъ, послѣ осеняго равноденствія; имена двѣнадцати мѣсяцевъ, его соспавлявшихъ, сущь: *Дій*, *Аполлей*, *Авдиней*, *Перитій*, *Дистрѣ*; *Кіантикѣ*, *Артемизій*, *Дезій*, *Панелѣ*, *Логѣ*, *Горній* и *Гимерберетей*. Безъ двухъ ошціальныхъ бумагъ, изъ коихъ одна писана Государемъ, другая военачальникомъ Македонскимъ, и которыя помѣщены во второй книгѣ Маккавеевъ, намъ невозможно было бы узнать вспавочный Македонскій мѣсяць и мѣсто его въ году. Первая изъ сихъ бумагъ есть письмо Сирійскаго Царя, Антиоха Эвпатора; выспавленное на ономъ число есть 15 Ксанникуса 148 года Эры Селевкидовъ, которое сошвѣшшвуесть 1-му Апрѣля 163 года до Р. Х. Ошвѣшъ, подписанный Дизіемъ, главнымъ правителемъ Сиріи, написанъ въ слѣдующемъ мѣсяцѣ, но выспавленное на немъ названіе мѣсяца не находшся въ извѣшномъ намъ спискѣ Македонскихъ мѣсяцевъ, а эшопъ списокъ на всѣхъ Древнихъ монументахъ одинаковъ: названіе сіе есть *Диоскорѣ*. Изъ этого на-

добно заключить: 1-е, что годъ у Македонянъ, какъ и у всѣхъ другихъ Грековъ, былъ лунно-солнечный; и следовательно состоялъ иногда изъ тринадцати мѣсяцевъ, и что вспабочный мѣсяць, по всей вѣроятности, назывался *Диоскоромъ*; 2-е такъ какъ, *Ксантикъ* былъ шестой мѣсяць въ Македонскомъ годѣ, то изъ сего слѣдуешь, что у сего народа, какъ у Афинянъ, вспабочный мѣсяць помѣщался въ серединѣ года. Не худо замѣтивъ, что это обстоятельство придаетъ новую достоверность первому моему предположенію, и даже не оставляетъ о немъ никакого сомнѣнія. Птоломей говоритъ, что Метонъ, преобразовавъ всѣхъ Греческихъ календарей, нѣкоторые изъ своихъ астрономическихъ наблюдений производилъ въ Македоніи. И такъ все заставляетъ думать, что *Диоскоръ* былъ вспабочный мѣсяць Македонянъ, и помѣщался въ серединѣ года.

Покоривъ Азію, Александръ заставилъ побѣжденныхъ употреблять календарь Македонскій. Кажется, что повелѣніе сіе было исполнено безъ сопротивленія народами, которые и безъ того употребляли годъ лунно-солнечный. Они легко приняли мѣсяцы, или лучше сказать, названіе мѣсяцевъ Македонскихъ. Напротивъ того, на

роды, жившіе календарь неопредѣленный, каковы были Персы, Армяне и Каппадоціяне, поступили иначе: они сохранили годы свои въ прежнемъ ихъ видѣ. Говоря о календарѣ Персидскомъ, я уже упоминалъ о причинахъ, побудившихъ не подвергать сего народа мѣръ общей.

Переворотъ, произведенный въ Азіи завоеваніями Александра, причиною того; что Македонскій календарь вслѣдствіе во всей Малой Азіи, въ Сиріи, во всѣхъ Республикахъ Финикійскихъ, коковы были: Тиръ, Сидонъ, Аскалонъ, Газа и Селевкія. Онъ также былъ принятъ Иудеями и Вавилонянами. Древніе памятники доказываютъ, что этотъ же календарь употребленъ былъ и въ Египтѣ, во времена Птоломея. Македонскій календарь, даже и по прекращеніи династіи Селевкидовъ, долгое время былъ въ употребленіи у привыкшихъ къ нему Азіатскихъ народовъ.

Римляне не осмѣлились воспретить употребленіе онаго, но измѣнили его свойство: изъ лунно-солнечнаго сдѣлался онъ солнечнымъ. Такъ какъ измѣненіе сіе произведено было не одинакимъ образомъ во всѣхъ провинціяхъ, и новый годъ не вездѣ начался въ одно время, то изъ сего и вышло то, что мѣсяцы, носившіе одно и

то же имя, не соотношествовали между собою въ разныхъ частяхъ Имперіи, въ которыхъ еще сохранилось употребленіе Македонскаго календаря. Разность между оными была часпо очень значительна. Сирійскіе Христіане правовѣрнаго исповѣданія и Христіане секты Якобишской употребляли еще иногда Македонскія названія мѣсяцевъ.

Обозрѣвъ вкратцѣ календари, бывшіе въ употребленіи у знамѣннѣйшихъ Древнихъ народовъ, войду въ большія подробности о календарѣ Римскомъ, который извѣстнѣе и употребительнѣе всѣхъ прочихъ, попому, что былъ принятъ Христіанами, которые распространили его по всѣмъ частямъ міра.

Календарь Римскій. Изъ сочиненій Овидія (Fast. l. 1, v. 27), Плутарха (in vita lum. 73), Солина (сар. 1.), Цензорина (сар. 20), Макробія (l. 1. сар. 21) видимъ мы, что вначалѣ и во времена Ромула, Римскій годъ состоялъ только изъ десяти мѣсяцевъ и начинался съ Марша. Чтобы въ этомъ увѣришься, надобно только обратишь вниманіе на сохранившіяся до сего времени названія мѣсяцевъ. Очевидно, *Сентябрь*, *Октябрь*, *Ноябрь* и *Декабрь*, которыхъ имена происходятъ отъ названій чиселъ: *septem*, *octo*, *novem*, и *decem*, были

седьмымъ, осьмымъ, девятымъ и десятымъ мѣсяцами въ календарь, въ кошоромъ *Мартъ* считался первымъ. И такъ можно починать неоспоримымъ, что Римскій годъ соспоалъ вначалѣ изъ десяти мѣсяцевъ. Продолженіе сего первоначальнаго года не такъ извѣстно; Салинъ, Цензоринъ и Макробій говорятъ, что онъ соспоалъ изъ 304 дней, раздѣлявшихся слѣдующимъ образомъ: *Мартъ* имѣлъ 31 день, *Апрѣль* 30, *Май* 31, *Іюнь* 30; *Іюль*, кошорый тогда назывался *Квинтилисомъ*, - 31; *Августъ*, именовавшійся тогда *Сикстилисомъ* 30; *Сентябрь* 30, *Октябрь* 31, *Ноябрь* 30 и *Декабрь* 30. Ясно, что Писатели сіи, по недостатку свидѣній или размысленія, придали мѣсяцамъ, бывшимъ во время Ромула, долгошу, кошорую мѣсяцы имѣли во время Республики, сообразно уснано-вленнымъ тогда для календаря правиламъ, основывавшимся на началахъ, совершенно особенныхъ. Принять такое свидѣтельство помянушихъ Авшоровъ, сначала бы предположить, что первоначальный календарь Римлянъ былъ такого же рода, какъ и шощъ, кошорый былъ во упошребленіи въ послѣдующее время; но сіе было бы совершенно невѣроятно, ибо по видамъ новыхъ преобразователей, календарь Римской Рес-

публики должны символизировать быль лунно-солнечный. Плутархъ, кажется, имѣлъ объ этомъ предметѣ свѣдѣнiя вѣрнѣйшiя: онъ утверждаетъ, что годъ Ромула содержалъ въ себѣ 360 дней, хотя и состоялъ изъ десяти мѣсяцевъ. Это гораздо сообразнѣе съ тѣмъ, что извѣстно о формѣ года у всѣхъ древнѣйшихъ народовъ мiра.

Ромуль и большая часть основателей Рима были происхожденiемъ изъ города Альбы, посему должно полагать, что они въ новомъ своемъ городѣ, принесли календарь, который былъ въ употребленiи въ прежнемъ ихъ опечесивѣ. И въ самомъ дѣлѣ, по свидѣтельству Цензорина, извѣстно намъ, что въ календарь Альбскомъ считалось только десять мѣсяцевъ, которые должны были раздѣлять годъ на весьма неравныя части, ибо, если вѣришь пому же Автору, мѣсяць *Мартъ* у сего народа состоялъ изъ 36 дней; *Май* изъ 22; *Августъ* изъ 18; а *Сентябрь* изъ 16. Посему должно думать, что десять Ромуловыхъ мѣсяцевъ раздѣлили столь же неравнымъ образомъ его годъ, состоявшiй изъ 360 дней.

Всѣ народы Лаціума поступали такимъ же образомъ. По словамъ Цензорина, который доставилъ намъ самыя любопыт-

ныя и самыя достоверныя свидѣнія о семъ предметѣ, у Тукулана *Іюль* состоялъ изъ 36 дней, а *Октябрь* изъ 32; у Арикима *Іюль* же *Октябрь* содержалъ въ себѣ 39 дней. Салинъ (сар. 3) и Св. Августинъ (de civit Dei, l. 15 c. 12) говорятъ, что годъ Лавинянъ состоялъ изъ 374 дней, и раздѣлялся на 13 мѣсяцевъ.

Годы, споль неправильные и споль ошибочно составленные, должны споволам бытъ весьма неудобны въ употребленіи; они не были въ соотношеніи ни съ печеніемъ солнца, ни съ обращеніемъ луны, и посему не могли согласовашься съ временами года. Чтобы загладить хотя нѣсколько сіе неудобство, принуждены были по временамъ, прибѣгать къ вставкамъ, въ намѣреніи поправитъ расстройство календаря. Намъ неизвѣстно, какимъ образомъ это производилось, знаемъ только, что народы Лаціума употребляли сіе средство, и что, по свидѣтельству Лицинія Мацера, приводимому Макробіемъ (l. 1, c. 13), Ромуль поступалъ такимъ же образомъ.

Въ царствованіе Нумы, Римскій календаръ былъ значительно измѣненъ. Новый Царь, родившійся посреди народа и въ городѣ, которые, по происхожденію своему,

был въ соотношеніи съ Греками, расположить Римскій календарь сообразно тому, какъ онъ располагался въ Греціи. Обыкновенный годъ Римлянъ, который и прежде сосполялъ, подобно году Грековъ, изъ 360 дней, былъ раздѣленъ на двѣнадцать мѣсяцевъ равныхъ, и сосполявшихъ слѣдственно изъ 30 дней каждый. Календарь августальный, относящійся къ первымъ вѣкамъ Рима и сохраненный Лавренціемъ Ладійскимъ, сосполялъ, также изъ двѣнадцати мѣсяцевъ въ тридцать дней каждый. Двѣнадцать мѣсяцевъ Нумы были: *Январь*, *Мартъ*, *Апрѣль*, *Май*, *Іюнь*, *Квинтилисъ*, *Секстиль*, *Сентябрь*, *Октябрь*, *Ноябрь*, *Декабрь* и *Февраль*. Должно замѣтить, что при этомъ распорядкѣ; мѣсяць Февраль, который въ послѣдствіи занялъ и теперь еще занимаетъ второе мѣсто, поставленъ былъ въ концѣ года. Свидѣтельство Овидія (*fast. l 2 v, 49*) ясно это доказываетъ:

Qui sequitur Ianum veteris fuit ultimus anni.

Достоверно извѣстно, что въ календарѣ Нумы, также употреблялось вставиваніе; вѣроятно, что оно въ Римѣ также какъ и въ Греціи, производилось всякіе два года и сосполяло изъ мѣсяца въ тридцать дней. Наконецъ весьма вѣроятно,

что мѣсяць сей спавился въ концѣ года за Февралемъ. Доказательствомъ того, что вставочный мѣсяць спавился подлѣ Февраля, можешь служить и то, что это производилось и въ послѣдствіи, когда сей послѣдній мѣсяць перемѣнилъ свое мѣсто. Таково было, по моему мнѣнію, преобразование Нумы, знаменитое, но весьма мало извѣстное.

Римскій календарь не оставался въ такомъ состояніи и одного вѣка; въ эпоху, кошорую почно назначили шрудно, но по моему мнѣнію еще при Царяхъ, произведено было въ немъ новое измѣненіе, или лучше сказать, совершенное преобразование. Оно было послѣдствіемъ перемѣнъ въ искусствѣ раздѣленія времени, происшедшихъ тогда въ Греціи, и произведенныхъ въ сей странѣ познаніемъ Астрономіи. Улучшеніе сіе, если я не ошибаюсь, произведено было въ Римѣ поколѣніемъ Тарквиніевъ, которые были родомъ изъ Коринѳа. Римскій календарь, подобно всѣмъ Греческимъ, сдѣлался *лунно-солнечнымъ*, т. е. при составленіи его обращали вниманіе на два общопримѣрныя: хотѣли, чтобы дни и мѣсяцы согласовались съ луною, а годы съ солнцемъ; поему надобно было употреблять мѣсяцы вставочныя. Не смотря на

сдѣлано цѣли, въ примѣненіи поступали различнымъ образомъ, такъ, что результатъ вышелъ не шлошь, котораго искали. Годъ въ цѣломъ согласовался съ солнцемъ, но подробности его никогда не соотносывались обращенію луны. Вероятно, что для достиженію предположенной цѣли прописались обряды или мнѣнія спариинныя и суевѣрныя, которыя надлежало принять въ уваженіе.

Греки приняли за правило, что обыкновенные годы, распределяемые по печенію луны, должны были состоять изъ 354 дней. Число сіе показалось Римлянамъ неблагопріятнымъ, потому, что оно чепное: чтобы избавишься отъ его пагубнаго вліянія, прибавили еще день, и годъ составилъ изъ 355 дней. Такимъ образомъ онъ сдѣлался шестнадцатью часами или около того продолжительнѣе двѣнадцати лунныхъ обращеній, вмѣсто взятыхъ. Надобно было только придумать средство уничтожить распройство, долженствовавшее произойти отъ таковой произвольной прибавки.

Годы Римскаго календаря, когда онъ шелъ правильно, были непременно обыкновенные и вспавочные. Годъ обыкновенный содержалъ въ себѣ двѣнадцать мѣсяцевъ неодинакой длины: порядокъ и имена оныхъ

нѣскольکو различествовали оупъ нынѣшннхъ. Мѣсяцы сіи были: *Январь*, состоявшій изъ 29 дней, *Мартъ* въ 31 день, *Апрѣль* въ 29, *Май* въ 31, *Іюнь* въ 29, *Квинтилнсь* въ 31, *Секстильсь* въ 29, *Сентябрь* въ 29, *Октябрь* въ 31, *Ноябрь* въ 29, *Декабрь* въ 29, а *Февраль* въ 28. Только послѣдній изъ сихъ мѣсяцевъ имѣлъ число дней четное, и пошому почитался весьма несчастнымъ.

Въ вспавочномъ годѣ былъ сверхъ шого лишній мѣсяць, называвшійся *Марцедоніемъ*, онъ состоялъ попеременно изъ 22 и 23 дней, шакъ, что годъ сей содержалъ въ себѣ иногда 377, иногда 378 дней. Мѣсяць вспавочный, или *Марцедоній*, спавился не по окончаніи года за *Февралемъ*, но въ *Февраль* между 23 и 24 числами. После 23 *Февраля*, начинали считашь *Марцедоній*, а по окончаніи онаго, принимались оупшь за *Февраль*.

Составленный шакимъ образомъ Римскій календарь, былъ, подобно Греческимъ, ушпанавливаемъ осмилѣтними періодами, которые по *Лашини* назывались остипіиумъ и состояли изъ 2930 дней, между шими, какъ *октаэтеридъ* содержалъ въ себѣ шолько 2922 дня. Разность сія происходила оупъ шого, что обыкновенный годъ не кшашн подожили въ 355 дней; сіе раз-

рушило все устройство цикла, и годъ уже никогда не могъ быть въ соотношеніи съ луною или солнцемъ. Такимъ образомъ, Римскій годъ всякій разъ уходилъ днемъ впередъ отъ солнца. Для уничтоженія сего неудобства, положили расположить Римскіе годы по 24-лѣтнимъ періодамъ, которые подраздѣлили еще на періоды меньшіе въ восемь лѣтъ: два первые содержали по четыре вставочныхъ мѣсяца, а шестій только три по 22 дня, всего 66, а не 90, какъ въ другихъ періодахъ; такимъ образомъ выгадывали 24 дня, отъ чего годъ начинался снова въ положенное время.

Такова была форма Римскаго года при послѣднихъ Царяхъ и во время Республики, всякой разъ, когда гражданскіе чиновники рѣшались слѣдовать положеннымъ правиламъ. Въ ней не сдѣлано было другой перемѣны, кромѣ перемѣненія Февраля, котораго былъ послѣдствіемъ вторымъ въ году. Сие нововведеніе произведено было при Децемвирахъ, но оно не причинило никакого расстройства въ календарь; онъ остался въ прежнемъ видѣ; только вставочный мѣсяць начали ставить послѣ Февраля, а не по концѣ года.

Если бы Римляне всегда слѣдовали изложеннымъ мною правиламъ, то ихъ Исто-

рія не представляла бы сполькитъ зашрудненій въ Хронологіи; надобно бы шолько узнать одинъ какой нибудь пунктивъ, чшобы опредѣлить всякой другой. Попеченіе объ устанавленіи календаря, и о сообщеніи его народу возложено было на первосвященниковъ; по не счастію, къ этому прибавили еще право дѣлать чрезвычайныя вставкы, ошъ чего въ календарь сдѣлался вскорѣ совершенный безпорядокъ. Лѣтніе мѣсяцы случались зимою, и все переимилось. Причиною сего безпорядка было данное Первосвященникамъ право, или лучше сказаши, возложенная на нихъ обязанность распорядити календарь шакимъ образомъ, чшобы дни, кошорые въ Римѣ назывались *pundinae*, никогда не встрѣчались съ шѣми, кошорые именовались *nonae*. Такъ называлось 5 число двадцати девяти-дневныхъ мѣсяцевъ и 7-е шридцати одно-дневныхъ. Чшобы понять причину шаковаго предшсанія, нужно знать, чшо Римскій годъ состоялъ изъ малыхъ періодовъ, подобныхъ нашей недѣлѣ, кошорые раздѣляли его шакимъ же образомъ. Періодъ сей возобновлялся каждыя восемь дней и осмой былъ днемъ шорговымъ, ошъ штого происходить данное ему названіе періода *пундиальнаго*;

опъ *pundinae*, рынокѣ. Въ эпоху день, шажбы и дѣла привлекали въ Римъ множе- жество народа; а сіе часшо производило въ городѣ безпорядокъ. День попер посвя- щенъ былъ воспоминанію Сервія Туллія. Царь сей, бывшій въ уваженіи у Римскаго народа, родился въ день *нонѣ*, но неиз- звѣстно, въ какомъ мѣсяцѣ; почему, взду- мавъ по смерти его праздновашъ день его рожденія, положили шоржешествовашъ *ноны* каждаго мѣсяца. Обычай сей сохранился и по изгнаніи Тарквиніевъ; но шогда не хо- шѣли день рожденія Царя, коего память была еще Римлянамъ драгоценна, праздно- вашъ при многочисленномъ спеченіи народа, спрашасъ, чшобы шакое шоржешство не поддерживало въ немъ привязанности къ Царской власши и не возбудило какого либо возмущенія. Вопшъ причина, побудив- шая предписашъ первосвященникамъ рас- предѣляшъ календарь шакимъ образомъ, чшо- бы дни попер никѣгда не вспрѣчались съ днями *pundinae*. Посему они получили право всщавляшъ иногда день лишній. Единспвенная обязанность ихъ въ семъ случаѣ была, помѣщашъ день сей, шакъ какъ и другія всщавки, между 23 и 24 Февраля.

Не мудрено понять, какія слѣдствія доженъ былъ произвести шаковой обычай!

онъ сдѣлалъ совершенно бесполезными успановленіе цикла и всѣ мѣры, принятыя для того, чтобы гражданскій годъ согласовался съ солнечнымъ. Скоро не спали уже слѣдовать никакому правилу; самыя вставки нѣсколько времени совсѣмъ не были производимы, попомъ сдѣлались они предмѣшомъ промсковь; жрецы назначали и оспавляли ихъ по прихоти, смолпя пошому, хотѣли ли они угодишь или повредишь правишелямъ и гражданскимъ чиновникамъ, продолживъ или сокративъ время ихъ владычешва, и шакимъ образомъ довершили разспройсшво календаря. Зашмѣніе, коего время по календарю Римскому сохранилъ намъ Типъ Ливій, показываешъ, что въ 565 году опъ построенія Рима, за 190 лѣшь до Р. Х., 1-е Января соопвѣшспвовало 29 Августа Юліанскаго года. По другому шашмѣнію видно, что двадцашъ два года послѣ того, въ 587 году опъ построенія Рима, 168 лѣшь до Р. Х., 1-е Января соопвѣшспвовало 15-му Окшября. День сей пришелся почти въ ту же самую эпоху, болѣе нежели чрезъ спо лѣшь послѣ того, когда было произведено преобразование Юлія Кесаря.

Календаръ Юліанскій. Всѣ чувспвовали необходимость преобразования, но никшо

не осмѣливался предложитъ измѣненіи древняго обычая, хотя онъ былъ весьма неудобень. Надобно было Кесарю сдѣлаться властелиномъ Рима, чтобы произвести сей важный переворотъ. Онъ пользовался правомъ великаго первосвященника, и посему никто не могъ оспаривать у него права преобразовать календарь, ибо жрецамъ поручено было храненіе онаго. Въ этомъ вспомошествовалъ ему Александрійскій Астрономъ, Созигень, котораго узналъ онъ, пресѣдуя въ Египтѣ Помпея. Астрономъ сей сказалъ ему, что солнечный годъ состоитъ изъ 365 дней и шести часовъ; посему Кесарь и увидѣлъ, что можно достигнуть цели, которую такъ давно предполагали, и до которой никогда не доходили, составивъ обыкновенный годъ изъ 365 дней вместо 355, которые до того содержалъ онъ въ себѣ, и оставивъ лишніе шесть часовъ для составленія дня, который бы вслѣдствіи-ся каждые четыре года и образовалъ такимъ образомъ високосный годъ, въ 366 дней. Чтобы не нарушать древняго обычая помѣщая все високоски между 23 и 24 Февраля, Кесарь помѣстилъ шутъ же и свой високосный день, отъ чего Февраль приходился иногда въ 29 дней. 24-е Февраля называлось, по образу выраженія Римлянъ,

*

шестымъ мартовскихъ календъ (секстильдомъ календъ); ашопъ день удвоили и назвали его *bissextilis*. Такимъ образомъ въ необыкновенныхъ годахъ было по два 24 Февраля, отъ чего и происходить названіе *високосныхъ* годовъ, которое сохранилось и понынѣ.

Поелику годъ, установленный Кесаремъ, имѣлъ десять дней лишнихъ прошиву прежнихъ годовъ, то Дикшаторъ и раздѣлялъ ихъ между пѣми мѣсяцами, которые прежде имѣли только по 29 дней, каковы были: *Январь, Апрель, Іюнь, Секстильсб, Сентябрь, Ноябрь* и *Декабрь*. Другіе мѣсяцы остались по прежнему. Сообразуясь съ другимъ древнимъ обычаемъ, Кесарь началъ годъ свой съ зимняго солнцестоянія. Онъ хотѣлъ также, чтобы преобразование его началось съ новолуніемъ, въ 45 годъ до нашего лѣтосчисленія, который былъ первымъ годомъ эры Юліанской; ближайшее къ зимнему солнцестоянію новолуніе, которое совпѣшствовало тогда 25 числа *Декабря*, было осмымъ днемъ послѣ сего солнцестоянія; отъ сего-то происходить обыкновеніе начинатьъ годъ не съ сего солнцестоянія, но черезъ недѣлю послѣ онаго. Въ это время и въ воспоминаніе сего преобразованія, переменено было имя *Іюля*, и

вмѣсто прежняго *Квинтилиисѣ*, дано ему названіе, произведенное отъ имени *Дикшатора*; лѣтъ чрезъ шридцашь послѣ того, мѣсяць *Секстилисѣ* получилъ имя *Августа*.

Для того, чтобы Римскій годъ начался въ осьмый день послѣ зимняго солнцесоянія, Кесарь принужденъ былъ, сверхъ обыкновеннаго 28-дневнаго мѣсяца, вспашишь еще два, одинъ въ 34, другой въ 33 дня; два новые мѣсяца были помѣщены между *Ноябремѣ* и *Декабремѣ*. Годъ, въ которъй произведено было сіе важное преобразование, названъ былъ поему годомъ смѣшенія, и соспомятъ изъ 445 дней съ 13 Окшября 47 года до нашего лѣтосчисленія, число которое соотвѣтствовало тогда первому Января Римскому, до 1 Января Юліянскаго 45.

По смерти Кесаря, люди, которъми вѣрено было управление календаря, не поняли формы, данной имъ году. Вмѣсто того, чтобы вспапливаніе дѣлать только въ пятомъ году, какъ было предписано, они начали производить оное въ четвертый годъ, такъ, что въ первомъ шридцашь семь лѣтъ послѣ преобразования, сдѣлано было двѣнадцашь вспавокъ вмѣсто девяти, отъ чего Римскій годъ отспалъ отъ Юліянскаго према днями. Разносшь эта была

замѣчена: чтобы исправить сію погрѣшность, Августъ опредѣлилъ не производить первыхъ трехъ всѣхъ въ слѣдующіе за шѣмъ годы. Такимъ образомъ 5-й годъ нашей эры начался со времени, назначеннаго Кесаремъ.

Календарь Григоріанскій. Римскій календарь, преобразованный Юліемъ Кесаремъ, былъ принятъ во всей Римской Имперіи; онъ даже побудилъ оставить всѣ частныя календари, дошолъ въ оной употреблявшіеся, и былъ одинъ законный и правительственный календарь. Онъ былъ также, слѣдственно, принятъ и Христіанами, которые только присоединили къ нему циклъ Метона, или кругъ пасхальный, по которому назначали они праздникъ Пасхи и другіе отъ нее зависящіе праздники, которые, подобно оной, распределяются по обращенію луны. Кроме этого, календарь Юліанскій не претерпѣлъ никакой перемѣны до 1582 года.

Положивъ солнечный годъ въ 365 дней и 6 часовъ, Кесарь или лучше сказать, Астрономъ его, Созигень, ошибся почти 11 минутами и 9 секундами. Изъ сего слѣдуетъ, что точки солнцесоянія и равноденствія должны были отстать однимъ днемъ въ 133 года. Такъ, на примѣръ, весеннее равноденствіе, которое во время Им-

жейскаго Собора въ 325 году нашего лѣпо-счисленія, по календарю Кесареву, должно было случиться 25 Марша, произошло 21-го. Собравшіеся на Соборъ, не зная какъ исправить погрѣшность, кошорой они видѣли дѣйствіе, не понимая причинъ, положили ограничиться пѣмъ, чшобы весеннее равноденствіе перенесено было на 21 число Марша. Погрѣшность сія по времени увеличивалась, шакъ, чшо въ 1582 году, она уже сосшавляла 10-11 дней: равноденствіе, назначенное 21 Марша, случилось 10-го ч. Разспройство сіе давно уже было замѣчено и нѣсколько разъ, бесполезно, предлагаемы были разныя средства исправить оное; наконецъ въ 1582 году Папа Григорій XIII опнялъ опъ шого года 10 дней; посшавивъ 15-е число Октябрия въ будль своей, написанной по сему случаю, и вышедшей 5 Октябрия; вмѣстѣ съ пѣмъ издалъ онъ календарь, расположенный шакимъ образомъ, чшо въ формѣ календаря Юліанскаго важной перемѣны не произошло, а ошибки его уже не могли возобновляться.

Такъ какъ, по календарю Юліанскому, равноденствіе опшавало день въ 133 года, шю для исправленія помянушой погрѣшности, нужно было шолько посшановишь,

чтобы въ каждыя 400 лѣтъ исключались при високосные года. Для правильнаго наблюденія сего способа, опредѣлили исключашь въ високосные годы, копорыхъ число не дѣлился на 400. Такимъ образомъ 1600 годъ ошася високоснымъ, а 1700 и 1800 сдѣлались простыми. Такимъ образомъ 1900 годъ будешь простой, а 2000 високосный.

Григоріянское преобразование было принято во всѣхъ странахъ Каполическаго исповѣданія, во Франціи, Испаніи, Португаліи, Италіи и Фландріи. Каполическія Государства въ Германіи приняли его въ 1584 году; Каполическія Республики въ Швейцаріи въ тоже время; въ Польшѣ было оно введено въ употребленіе въ 1586 году, а въ Венгріи въ 1587. Напрощивъ того старый стиль ошася въ прежней силѣ во всѣхъ Протестантскихъ и Лютеранскихъ Государствахъ, исключая Даніи, гдѣ календарь Григоріанскій былъ введенъ еще въ 1582 году.

И такъ календарь Юлія Кесаря оставленный во всей Европѣ, сохранился у Протестантовъ и у Христіанъ Греческаго исповѣданія. Однако жь первые, чувствуя его неудобство и недоспапки, начали искать средствъ исправить его, средствъ, копорыя бы хотя нѣсколько не согласо-

вались съ предписаніемъ Григорія XIII; ибо они не хощьли исполнять повелѣнія Папы. Въ 1700 году Германскіе Протестанты приняли календарь, почти одинаковый въ подробностяхъ съ календаремъ Папы Григорія XIII, и достигшій той же самой цѣли, т. е. предупредившій ошибки въ назначеніи времени солнцестоянія и равноденствій. Въ 1701 году послѣдовали ихъ примѣру Протестанты Швейцарскіе. Англичане и Шведы приняли его не такъ скоро; однако жъ въ 1752 году введенъ онъ былъ въ употребленіе въ Англии, а въ слѣдующемъ въ Швеции. Такимъ образомъ нынѣ въ всей Европѣ осматривая при календарѣ Юліанскомъ одни только Россіане и прочіе Христіане Греческаго исповѣданія. Изъ сего слѣдуешь, что всѣ числа ихъ осматривающъ оны употребляемыхъ въ осмальной Европѣ двѣнадцатую днми: такимъ образомъ, когда въ прочей Европѣ 1 Января, тогда у нихъ только 20 Декабря.

Календарь Арабскій. Арабы и всѣ народы, принявшіе Магомешанскую религію, имѣющъ годъ неопредѣленный, и совершенно лунный въ подробностяхъ. Мѣсяцы у нихъ всегда начинающъ съ новолуніемъ; я уже сказала, что одни только сіи народы распредѣляющъ и всегда распредѣляли

такимъ образомъ годъ свой. Посему годъ ихъ есть неопредѣленный, и ихъ мѣсяцы въ 33 года переходящъ, опсывая, по всѣмъ временамъ года. Мѣсяцы сіи называющся: *Мухаррамъ*, въ кошоромъ счисляется 30 дней, *Сафаръ* въ 29; *Реби 1* въ 30; *Реби 2* въ 29; *Джумады 1*, въ 30, *Джумады 2*, въ 29, *Реджебъ* въ 30; *Шаабанъ* въ 29; *Рамаданъ* въ 30; *Шеваль* въ 29; *Дзюлькаадахъ* въ 30, *Дзюльхеджахъ* въ 29 въ обыкновенные, годы а въ 30 въ чрезвычайные. Такъ называющся шѣ годы, кошорые состоящъ изъ 355 дней, между шѣмъ, какъ другіе содержатъ въ себѣ только 354 дня. Неравное продолженіе Арабскихъ мѣсяцевъ опредѣлено Аспрономами, кошорые заключили ихъ въ тридцатишѣстьный циклъ, въ коемъ 19 лѣтъ содержали въ себѣ по 354 дня, а остальные одиннадцать по 355 дней; послѣдніе сущъ: 2, 5, 7, 10, 13, 16, 18, 21, 24, 26 и 29. Распределение сіе принято только Учеными или сочинителями календарей; въ обыкновенномъ счисленіи времени, съ нимъ никогда не соотноющся. Годъ начинаешся съ прямого наблюденія луны, кошчасъ послѣ перваго появленія еего свѣшила. Опъ сего обыкновенія происходищъ большое неравенство въ долготѣ мѣсяцевъ и даже ошибки во време-

ни начала оныхъ, ибо точность наблюдений зависишь отъ мѣсячныхъ и случайныхъ общошпельствъ. Облако или возвышеніе можешь помѣшать видѣнью луны, и такимъ образомъ опсрочишь днемъ начало мѣсяца. Отъ сего происходитъ то, что въ разныхъ городахъ исчисленіе времени разнишя иногда днемъ, двумя и даже шремя. Посему если, выславивъ Арабское число, не назовешь дня, то никакъ невозможно съ точностію, означить сошвѣшспивующаго оному числа Юліанскаго или Григоріанскаго календаря, ибо всѣ сдѣланныя для сего таблицы основаны на вычисленіяхъ Аспрономовъ, кошорые счишашушь по приближенію. Арабы и всѣ Мусульманы имѣють собенную эру, называемую Егирою, кошорая начинаешя съ бѣгства Магомешова изъ Мекки въ Медину. Начало сей эры полагають 15-16 ч. 622-г Іюля нашего лѣтосчисленія; но какъ для сего назначенія употреблены были аспрономическіе круги, приспособленные къ календарю Мусульманскому, то эшо вычисленіе можешь бышь шакже невѣрно, какъ и всѣ другія, сдѣланныя шѣмъ же способомъ. Нынѣ (въ 1825) у Мусульманъ 1241 годъ ихъ эры 1242-й долженъ бѣ начашься Августа 1825.

Пер.—нб.

МАТЕМАТИКА.

О первоначальном происхождении и нынешнемъ состояніи Россійской линійной мѣры и вѣса.

Извлеченіе изъ книги: *Сравненіе Россійскихъ мѣръ и вѣсовъ съ иностранными вѣдхъ знаменитыхъ торговыхъ городовъ*, соч. Д. Ламберти. Сочиненіе сіе, одобренное Ученымъ Комитетомъ Департамента Горныхъ и Соляныхъ дѣлъ, вскорѣ поступитъ въ печать.

Поелику ни Общая, ни Россійская Испорія не даешь намъ опредѣлительныхъ свѣдѣній о первоначальномъ происхожденіи Россійской линейной мѣры и вѣса, по и должны мы основываться полько на здравыхъ заключеніяхъ, кои бы, по крайней мѣрѣ, могли насъ приводить къ вѣроятнѣйшимъ.

Ошносительно Россійской Архисекторской линейной мѣры, *фута*, извѣстно, что оный совершенно равенъ Англійскому, и слѣдовательно нѣтъ никакого сомнѣнія, что оный принятъ отъ Англичанъ; напрошивъ того, о происхожденіи собственно торговой Россійской линейной мѣры, *аршина*, можемъ мы показатъ полько свѣдѣнія, могущіе довести къ началу.

Покойный Н. М. Карамзинъ, коему обязанъ я нѣкопорыми историческими свѣдѣніями, говаривалъ мнѣ часто, что Россійскій аршинъ, вѣроятно, перешелъ къ намъ въ употребленіе отъ Восточныхъ народовъ, и что о первоначальномъ происхожденіи онаго Испорія не сообщаетъ намъ никакихъ свѣдѣній, а единое средство найти слѣды происхожденія его, состоишь въ вѣрномъ сравненіи того аршина съ иностранными мѣрами.

При нынѣшнемъ сравненіи аршина со всѣми иностранными линійными мѣрами, находимъ, что Турецкій локошъ, называемый *пикѵ* или *аршимѵ* (*), короче Россійскаго аршина только одною линіею.

Первоначальное узаконеніе аршина въ 28 дюймовъ Англійскихъ соспавдено Высочайше утвержденнымъ Комиссіею въ 1736 году. Сей же Комиссіею, о коемъ ниже будетъ упомянуто, опредѣлили мѣру аршина по найденному въ Кабинетѣ Петра I-го полу-аршину, длиною въ 14 Ан-

(*) L' *Archim* de Constantinople, avec lequel on mesure les soies et les laines, vaut 27, 9 pouces anglais.

англійскихъ дюймовъ, и послѣ сего изслѣдованія навсегда принято, что аршинъ долженъ равняться 28 дюймамъ Англійскимъ.

Сей великій Монархъ часто посѣщалъ Голландію, имѣлъ съ нею сношенія и заимствовался ошъ оной многими полезными заведеніями: сіе самое побуждаецъ насъ искашь слѣдовъ, не основаль ли Онъ аршина по Голландскому локшу.

Сравнивая аршинъ съ Амстердамскимъ локшемъ, никакого между ими сходства не находимъ. Но въ Голландіи употребляется еще другой локшъ, называемый Фламанскимъ, который также сходствуетъ съ нашимъ аршиномъ, какъ Турецкій аршимъ; ибо Фламанскій локшъ = 315 Французскихъ линій (по Нелькенбрехеру). Французская линія, въ сравненіи съ Англійскою, есть 4263 къ 4000. Слѣдовательно 4000 Французскихъ линій = 4263 Англійскихъ, 4000: 4263 = 315: 335, 711 Англійскихъ линій = 27, 975 дюйма Англійскаго. Изъ сего явствуетъ, что Голландскій локшъ равняется ошъ Россійскаго аршина пошлькѣ $\frac{25}{1000}$ дюйма. А пошому кажешся, что нынѣшняя мѣра Россійскаго аршина основана, или по Голландскому Фламанскому локшу, или

по Констанцинопольскому локтю, *аршилицу*.

Но какъ намъ извѣстно, что Россiяне нѣсколько сошъ лѣтъ имѣли съ Констанцинопольскими Греками наибольшую связь въ торговлѣ (*), что уже въ 10-мъ столѣтiи заключали съ ними торговые пракшаны, что въ погдашнее время 700 Россiянъ служили въ Греческомъ флотѣ, что Олегъ, наследникъ Рюрика, самъ проводилъ по Днѣпру до Констанцинополя свои торговые суда, что Великая Княгиня Ольга была въ Констанцинополь, и въ ея многочисленной свитѣ находилось 43 человека Россiйскаго именишаго купечества, по при такихъ общешельствахъ, кажется, весьма вѣроятно, что Россiйскiй аршинъ произошелъ отъ Констанцинопольскаго *аршица*.

Но откуда бы онъ ни происходилъ, теперь определенъ онъ по Англiйской мѣрѣ (въ 28 дюймовъ), и слѣдовательно успаковленъ съ большею вѣрностию.

Ежели бы въ самомъ дѣлѣ надобно было намъ аршинъ ограничить по естествен-

(*) Россiяне доставляли Грекамъ медь, воскъ, кожи и проч., а получали отъ Грековъ серебро, золото и проч.

ной непремѣнной мѣрѣ, по не нужно было бы прибѣгать къ столь чрезвычайно дорогимъ средствамъ, и припомъ къ несовершененно съ геометрической точностию определенному измѣренію четверти круга земнаго шара, какъ по сдѣлало Французское Правительство для утверждения своего мѣтра (*); ибо гораздо легче и вѣрнѣе,

(*) Впаденіе или сжатіе земнаго шара при полюсахъ (*l'applatissement*) по весьма труднымъ измѣреніямъ земныхъ градусовъ найдено было $\frac{1}{308}$, 79, а по новѣйшимъ весьма вѣрнымъ измѣреніямъ секундныхъ маяшниковъ чрезъ Капишана Сабина, принято $\frac{1}{328}$, 65 (*An Account of Experiments to determine the figure of the Earth by means of the pendulum vibrating Heands in different latitudes.... by Edw. Sabine 1825.* А по среднему числу семи результатовъ, вышеозначенное впаденіе шара принимается $\frac{1}{300}$ (*Bibliot. Univ. t. 33. p. 24.*) Секундный же маяшникъ можно опредѣлить до четвертой десятичной цифры съ болѣею точностию, какъ напримѣръ: Парижскій маяшникъ, определенный Г-мъ Бордо $\equiv 0^m, 741, 904$ (*Phil. trans. 1819 p. 415*); Г-ми Біютомъ, Матпье и Бувардомъ $\equiv 0^m, 741 1917 149$ (*Suppl. à l'Encycl. Brit. IV. p. 134*). Разница между сими опредѣленіями только 0, 000, 53 Россійскаго дюйма.

установленную мѣру длины опредѣлишь посредствомъ неизмѣнной длины секунднаго маятника подѣ извѣстною географическою широтою; напримерь: можно бы было нашу аршинъ или нашу фуговую и дюймовую мѣру опредѣлишь Санктпетербургскимъ секунднымъ маяшникомъ (*). Сей послѣдній, по изслѣдованію Маллена, подѣ широтою $59^{\circ} 56'$ содержишь въ себѣ 39,163 Россійскихъ дюймовъ или 1,29868 аршина, что согласно съ теоретическимъ вычисленіемъ Лапласа. (*Connaissance des tems pour 1820.*)

Но какъ Англійская фуговая или дюймовая мѣра уже опредѣлена наивѣрнѣйшимъ образомъ (во-первыхъ сравненіемъ съ Французскимъ мѣтромъ, а во-вторыхъ, еще вѣрнѣе съ природною длиною Лондонскаго секундаго маятника, кошорый никогда не можетъ перемѣниться); какъ наша фуговая и дюймовая мѣра Англійской совершенно равна, и какъ наша аршинъ опредѣленъ также по Англійскому дюйму, то изъ сего

(*) Если длина секунднаго маятника подѣ экваторомъ будешь = 1, то подѣ полюсомъ составишь = 1,0367. Постепенное возвышеніе длины маятника естъ въ пропорціи квадратовъ синуса въ соотвѣстственныхъ градусахъ географической широты. (*Laplace, Exposition du système du monde, p. 68.*)

свѣдущъ, что и о Россійскомъ аршинѣ можно сказать по же самое, что объ Англійской мѣрѣ, т. е. что оный опредѣленъ по природной неизмѣнной длинѣ, и никогда не можетъ быть поперянь.

О персональномъ происхожденіи Россійскаго вѣса.

До 12 столѣтія, плаха за шовары у всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ производилась кускомъ серебра опредѣленнаго вѣса. Сіи куски серебра служили вмѣсто монеты и вѣса, отъ чего и происходитъ Французское слово *livre* (фунтъ), соотвѣтствующее монетѣ и вѣсу, равно какъ и Англійское слово *livre sterling* (фунтъ шерлингъ).

По той же причинѣ, до царствованія Царя Алексѣя Михайловича, Россійское слово *гривна* означало не только серебряную монету, но также и вѣсъ, и вѣроятно, что первая старая Россійская нечekanенная серебряная монета была названа рублемъ отъ Россійскаго слова *рубль*, означающаго вѣсъ опрубленной серебряной монеты (*).

(*) Лигатура сихъ кусковъ серебра, до 18 столѣтія, была гораздо хуже, нежели нынѣ-

изошло и образцовое Нѣмецкое названіе *Selbststük*.

Таковыя же опрубленные куски были въ ходу въ Англіи до 15 столѣтія, ибо въ то время на Англійскихъ серебряныхъ *пенни* или *Sterling* дѣлали весьма глубокія крестообразно расположенныя зарубы, дабы чрезъ сіе каждому было легко переломить сперлингъ на двѣ или на чешыре часши, и шаковая чешверть называлась *fourthing* или *forthing* (чешвершакомъ), а большой опрубокъ назывался *great*, *groats* и *grofses* (*).

Вмѣсто того, чтобы приводить еще болѣе шаковыхъ примѣровъ, приступимъ къ изслѣдованію первоначальнаго Россійскаго вѣса.

Изъ всего того, что мы при изслѣдованіи первоначальнаго происхожденія аршина сказали, явствуетъ, что и Россійскій *фунтъ* долженъ происходить отъ Восточныхъ народовъ, и наибвроятнѣе отъ Грековъ.

Но какъ Греческій вѣсъ съ Римскимъ весьма сходенъ, какъ раздѣленіе Россійскаго

линяя, монетная; ибо въ 100 часпяхъ вѣса находилось 29,677 частей мѣди, по означенію лигашуры Г. Шторкомъ. *Course d'Économie politique. Прим. Сов.*

(*) *Cambiste Universel. t. 1. p. XXI.*

фунта на 96 частей сходственнѣе съ Римскимъ, нежели съ Греческимъ раздѣленіемъ, и какъ въ Россійскомъ вѣсѣ золотникъ издревле былъ въ общемъ употребленіи; помы должны искать происхожденія Россійскаго вѣса какъ въ Греческомъ, такъ и въ Римскомъ вѣсѣ.

Для узнанія сравненія вѣса древняго Греческаго и Римскаго фунта, служящая слѣдующая таблица:

Имена Австро-Вѣсь Греческій и Римскій вѣсъ, сравнивающихъ сіи вѣсы.	Нынѣшнія Французскія граммы.	Нынѣшніе Россійскіе золотники по редуціи Д. Ламберши.
Арбушношь....	<i>Греческіе:</i> 355, 160.	83, 23.
Крестіани....	фунтъ (mina attica) 337, 285.	78, 81.
Полшонъ.... 448, 500.	105, 03.
.....	<i>Изъ нихъ среднее число</i> 380, 315.	89, 33.
.....	<i>Римскіе.</i>	
Арбушношь.... 340, 704.	79, 887.
Крестіани....	фунтъ (libra) 323, 772.	76, 908.
Полшонъ.... 336, 238.	78, 841.
.....	<i>Изъ нихъ среднее число</i>	78, 542.

Древній Греческій большой торговый вѣсъ назывался *талентомъ*, который содержалъ въ себѣ 60 фунтовъ, а фунтъ 100 драхмъ. У Римлянъ же такой вѣсъ именовался *сентипондиумъ* (*centipondium*), и содержалъ въ себѣ 100 фунтовъ, а фунтъ 96 денаріевъ.

Денарій Римскій былъ различный: Не-роновскій и Папиріускій. Последний заслуживаетъ наше вниманіе при изсѣдованіи первоначальнаго происхожденія Россійскаго золотника, какъ ниже будетъ показано.

Таковой же Римскій денарій вѣсилъ по нынѣшнему Французскому вѣсу:

по Г. Арбушноу	4,056	}	граммъ Французскихъ.
— По Кювону	4,004		
Изъ этого сред. чис.	4,03		

что составляетъ $\frac{9448}{10000}$ нынѣшняго Россійскаго золотника.

Византійскій червонецъ, который издревле былъ въ наибольшаго употребленія у всѣхъ торговыхъ націй, равняется вѣсомъ съ такимъ же денаріемъ; слѣдовательно долженствовалъ бы равняться и съ нынѣшнимъ золотникомъ. Византійскіе же червонцы, находящіеся въ Государственномъ Нумизматическомъ Кабинетѣ, вѣсятъ около 70 аптекарскихъ грановъ; а по моему вычисленію, нынѣшній Россійскій

золотникъ соотвѣствуетъ 68, 5975 шаковыхъ грановъ.

Къ сему должно присовокупить, что уже въ 1000 году, когда Константиннопольскіе или Византійскіе червонцы были въ обращеніи, въ то же время въ Россійско-Греческихъ торговыхъ дѣлахъ и въ документахъ слово *золотникъ* было въ общемъ употребленіи (*). А какъ золотникъ равняется вѣсомъ съ Византійскою золотою монетою, по вѣроятію названіе золотника взято отъ оной золотой монеты.

Изъ всего сего явствуетъ:

(*) Въ 911 году, *Олегъ* заключилъ съ Императоромъ Греческимъ торговый пражанъ, въ коемъ помѣщено: „Россіяне могутъ своихъ плѣнныхъ выкупать, заплачивъ за каждого „20 *золотниковъ*“.

Въ 945 году, въ возобновленномъ пражанѣ, сказано: „что Россіянамъ не будетъ дозволено вывозить изъ Греціи паволокъ, спощицъ болѣе 50 *золотниковъ*. — Россіянамъ платитъ за каждого, ими представленнаго, Греческаго бѣглаго крестьянина 2 *золотника*; а Греки должны платитъ Россіянамъ за увольненіе Греческихъ плѣнныхъ: за молодаго челоука обоого пола по 10, за челоука средняго роста по 8, а за сщараго или ребенка по 5 *золотниковъ*.“

1. Что Византійскій червонецъ взялъ отъ Римскаго денарія, а Россійскій золотникъ отъ Византійскаго червонца.

2. Старый Россійскій вѣсъ образованъ былъ съ Греческаго или съ Римскаго, между коими находишся весьма малая разница.

3. Если съ Греческаго, то нашъ пудъ взялъ отъ Греческаго шаленша.

4. Если же съ Римскаго, то нашъ пудъ взялъ отъ Римскаго полу-центипондія (*semicentipondium*), и вѣроятно отъ *лондъ*, произошло слово *пудъ*.

5. Откуда бы Россійскій вѣсъ ни былъ взялъ, но оный былъ монетный фунтъ (*libra auri*), и сосставлялъ въ прежнее время только 12 унцій, какъ Римскій фунтъ и какъ нынѣшнія обыкновенныя, при многихъ Монетныхъ Дворахъ, марки.

Когда же Россія начала имѣть большую связь въ торговлѣ съ Германією, гдѣ торговый фунтъ былъ приведенъ въ 16 унцій, тогда и Россійское Правительство, для пользы торговли, преобразовало свою вѣсовую мѣру по 16-ти-унцовому фунту, и приняло отъ Германцевъ названіе *фунта*; но при всемъ томъ оставило старое раздѣленіе фунта на 96 такихъ первоначальныхъ вѣсовыхъ частей или золотни-

ковъ, какъ Римскіе денаріи и Византійскіе червонцы.

Если же теперь спанемъ говоримъ о первоначальномъ Россійскомъ вѣсѣ, то не должно фунтъ почитать за единицу, а золотникъ за послѣдующее раздѣленіе фунта (какъ-то дошовый вѣсъ въ торговомъ фунтѣ); ибо золотникъ есть наслоящая древняя первоначальная единица Россійскаго фунта. Фунтъ же не что иное, какъ количество золотниковъ или сумма 96-ти золотниковъ, кои суть совершенно то же, что въ Россійской системѣ монеты копейка, которая есть старинная единица Россійской монеты.

Теперь приступимъ къ изслѣдованію вѣса древней Россійской гривны, дабы можно было сравнить оный съ вышепомянутыми Греческимъ и Римскимъ вѣсами, и рѣшить: означала ли древняя гривна Россійскій фунтъ, или вѣсъ?

Въ 1821 году въ Новѣгородѣ, на помѣ самомъ мѣсгѣ, гдѣ жила Марѣа Посадница, найдены въ землѣ такіе лишныя куски серебра, съ клеймами и безъ клеймъ, копорые въ свое время служили вмѣсто монеты. Изъ сихъ кусковъ нѣ, кои называли рублями, содержалъ въ себѣ, по нынѣшнему Россійскому вѣсу, отъ 20 до 22 золот-

никовъ. Больше куски съ зарубкою на срединѣ, означавшіе 2 р., въсѣмъ прошиву первыхъ вдвое болѣе. Вышепомянутыя клейма содержали въ себѣ слово: Новоторжекъ, имя города Тверской губерніи. Изъ сего явствуетъ, что древній Россійскій рубль составлялъ $\frac{1}{4}$ фунта Греческаго или Римскаго, а 2 рубля — полфунта.

Если же изъ вышеупомянутыхъ больше куски означали гривну, то она составляла полфунта, такъ какъ нынѣшняя, при многихъ Монашескихъ дворахъ, марка, и такъ же какъ у Древнихъ монешный фунтъ (*libra auri*).

Изъ сего заключить должно, что древній Россійскій фунтъ составлялъ 12 прежнихъ унцій (*).

Если жъ Россійская гривна означала фунтовый вѣсъ, то найденные въ домѣ Марѣи Посадницы двухъ-рублевые куски составляли только $\frac{1}{2}$ гривны, а не гривну.

Если бы кто доказалъ, что оныя двухъ-рублевые куски точно означали гривны, тогда следовало бы заключить, что

(*) *Unciaeque in libra paræ est quæ mensis in anno.*
(Fannius, in carmine de ponderibus et mensuris).

древняя гривна состояла только $\frac{1}{2}$ фунта, а не фунтъ, какъ донныя думали.

При изслѣдованіи Россійской ливъной мѣры и вѣса, мы за нужное находимъ помѣшаніе здѣсь находившійся въ мракъ забвенія, весьма достопримѣчательный актъ, который по сіе время почитался заперятымъ и будто несуществовавшимъ.

Въ царствованіе Императрицы Анны Іоанновны, съ 1736 по 1738й годъ, существовалъ Комишеть, занимавшійся точнымъ опредѣленіемъ Россійскихъ ливъныхъ мѣръ и вѣсовъ (*). Въ то время сей важный предметъ былъ обработанъ съ великимъ тщаніемъ и точно примѣрнымъ образомъ, какъ можно заключить по достопамятному докладу сего Комишета 24 Октября 1738 года.

Мѣра просяженій, мѣра для жидкихъ тѣлъ и мѣра для зерна были не только опредѣлительнѣйшимъ образомъ описаны, но еще и съ присовокупленіемъ весьма вѣрныхъ чертешей.

Упомянутый Комишеть хотѣлъ опредѣлить Россійскій вѣсъ по ливъной мѣрѣ.

(*) Сей Комишеть состоялъ изъ Президента, Графа Головкина, Сенаторовъ Еропкина и Гагенмейстера, и Секретаря Тишина.

какъ Французъ, спуща бо азъ, опредѣлили свою грамму по кубическому дециметру.

О заключеніяхъ вышепомянушаго Комишеша можно, однако, сдѣлать слѣдующія замѣчанія:

1. Почему Комишешъ, единожды навсегда, Россійскій пудъ, а не фунтъ опредѣлилъ единицею вѣса? Сіе для нормальной вѣса очень неудобно, ибо и посредствомъ самыхъ лучшихъ вѣсовъ онаго съ точностію повѣрить нельзя, а чѣмъ меньше единица, тѣмъ повѣрка легче и вѣрнѣе; по сему Французы гораздо приличнѣе, для опредѣленія нормальной единицы ихъ вѣса, избрали кубическій дециметръ дисциллированной воды; и Англичане, съ 1-го Января 1826 года, опредѣлили свой нормальный галонъ десятиью фунтами дисциллированной воды.

2. Почему вышепомянутый Комишешъ положилъ, чшобъ кубикъ изъ зеленой мѣди, имѣющій спороны въ $2\frac{8}{10}$ вершка, а корпусное содержаніе $21\frac{119}{125}$ кубическихъ вершковъ, служилъ единожды навсегда нормальнымъ вѣсомъ Россійскаго пуда? Поелику спороны кубика изъ зеленой мѣди опредѣлены были съ точностію, то казалось Комишешу, что ежели сей кубикъ изопрепелся или затерлелся, то во всякое время, по выше-

показанному такому описанию, можно сделать также другой, который можетъ совершенно замѣнить испортившійся или зашербавшійся первый нормальный пудъ. Присемь Компшель, на нѣкоторыхъ важныхъ поспороннѣ общоношельства не обращалъ вниманія, а именно:

а. Чшо зеленая мѣдь и желъзо сущь такіе металлы, кождя для поспороннаго и неизмѣннаго вѣса совсѣмъ неудобны: послѣдній пошому, чшо скоро ржавѣеть, а первая доша и долѣе прошивосшоишь воздуху, нежели желъзо, однако жь со временемъ воздухъ имѣеть на нее вліяніе, и ее повреждаетъ; но сей самой причинѣ въ Англии гиря дѣлають нынѣ не изъ зеленой мѣди, какъ-иже прежде было, а изъ другаго металла, состоящаго изъ 576-ти частей мѣди, 59-ти частей олова и 48 частей латуни (brass). Но и о семъ металлѣ нельзя сказать, чшобъ вылишій изъ онаго кубикъ былъ всегда одного вѣса, а еще менѣе кубикъ изъ зеленой мѣди, по слѣдующимъ основательнымъ причинамъ:

в. Зеленая мѣдь не есть чистый металлъ, но смѣшеніе различныхъ металловъ (*); и такъ можно сдѣлать большое

(*) Въ доказательство, чшо зеленая мѣдь можетъ быть приведена въ неисчислимыя разно-

количество кубиковъ изъ зеленой мѣди совершенно одинаковой величины, не взирая однако жъ на сіе, они будутъ разсѣиваемы въ ихъ удѣльномъ и насыщающемъ вѣсѣ.

Вѣсныя составы, служатъ слѣдующіе способы дѣланія сей мѣди. Природа чистой зеленой мѣди не производитъ: хотя Древніе и полагаютъ, что есть природная зеленая мѣдь, но изъ общенныхъ ихъ описаній видно, что они зеленою мѣдью называли свой *oricholeum*, кошорую они, какъ и мы, составляли съ примѣсью галмея. — (Plin Hist. Nat. XXXIY. l. 2. 22. Delaunay, Mémoires de Brux. t. III. p 355. Cröll. anno 1784. II. 251.)

Хотя и можно оную составлять безъ галмея, шолько изъ мѣди, цинка и лапуни, но такая ломка и не ковка, и единственно съ примѣсью галмея шеряетъ она сей недоспашокъ: Часто употребляютъ и цинковую руду вмѣсто шпіаупера. Къ шпіауперу обыкновенно прибавляютъ вдвое больше древеснаго или каменнаго полченнаго угля. Нѣкоторыя прибавляютъ соль или квасцы, а другіе глину. Во Франціи оную составляютъ изъ 60 часшей шпіаупера, въ кошоромъ находится отъ 20 до 28 часшей полченнаго угля, 35 часшей мѣди, и столько же шарой лапуни. (*Gallon, L'art de convertir le cuivre rouge en laiton.*)

Въ Глосперѣ, по объявленію Шведенборга, оную составляютъ изъ 30 часшей мѣди, отъ

Сей доснопамятный актъ находящся въ Архивъ бывшей Коммерцъ-Коллегіи за N-о 100 (*).

По объясненіи первоначальнаго происхожденія Россійскаго вѣса, оспается еще показать, что нынѣшній Россійскій нормальный торговый фунтъ съ такою же вѣрностію можно сравнять съ натуральнымъ масштабомъ и сдѣлать его непремѣннымъ, какъ устанавлены нынѣшніе Французскіе вѣсы и Англійскіе галоны.

Неизмѣнность нашего вѣса основывается на естественномъ и непремѣнномъ вѣсѣ Невской воды; ибо я нахожу, что нашъ нормальный торговый фунтъ равняется вѣсомъ 25^{ти} Россійскимъ кубическимъ дюймамъ Невской воды при 62° Фарен. ($13 \frac{1}{2}$ Р.), и 30 дюймахъ высоты барометра.

А пошому:

Кубическій Россійскій фунтъ Невской воды = 69,12 фунт.

40 до 46 частей шпіаутера, и вдвое больше полученнаго угля. Въ Швеціи изъ 46 частей шпіаутера, 30 частей мѣди, и отъ 20 до 30 частей старой лапуни, или около 50 частей шпіаутера, 40 частей мѣди и 30 частей старой зеленой мѣди.

(*) См. Января 16го, 1800, N-о 271, и Декабря 31, 1799, N-о 6.

Кубическій дюймъ Невской во-
ды = 9, 84 } ЗОЛОТН -
Кубич. вершокъ Н. воды = 11, 76 } НИКОВЪ.

Наконецъ въ доказательство правильности помянушаго сравненія, присовокупляю слѣдующее:

Извѣстно, что по опытамъ для изслѣдованія вѣса воды, копорые сдѣланы во Франціи Лавевромъ Жино, а въ Эдинбургѣ Профессоромъ Робинсономъ, доказано, что Англійскій или Россійскій кубическій футъ дождевой, снѣжной, рѣчной, весьма чистой воды (*), вѣсиль 1000 унцій, при 46° Ф., что согласно съ Томсономъ (Chimie. t. I. p. 721.) и съ моими собственными опытами при вышепомянутой температурѣ. 1000 унцій (avoir du poids) составляютъ 62,5 фунта (avoir du poids,) или 69, 230, 69 фунта Россійскаго.

Слѣдовательно 25 кубическихъ дюймовъ Невской воды, при вышепомянутой температурѣ = 1,001 60 фунт. = 96, 072 626 2 золотниковъ; но 25 кубическихъ дюймовъ Невской воды, при 62° Ф. или 13' 2 Р., равня-

(*) Невскую воду можно почестьъ наилучшѣйшею изъ рѣчныхъ водъ; ибо въ удѣльной плѣткѣ Невской и дисциллированной воды почти нѣтъ разницы.

юлся почти съ позолоченнымъ Россійскимъ нормальнымъ фунтомъ, хранящимся въ Санктпетербургскомъ Монетномъ Дворѣ.

О хлѣбной мѣрѣ.

Россійская древнѣйшая хлѣбная мѣра, называемая *богкою*, *кадкою* или *оковомъ*, содержала въ себѣ 4 чешверпи; но о кубическомъ сихъ мѣръ содержаніи намъ неизвѣстно.

То только оказывается изъ сравненія нынѣшнихъ Россійскихъ хлѣбныхъ мѣръ съ древними Греческими, что 4 чешверпи или 1 оковъ равняющся $12 \frac{3}{10}$ Апшическимъ медимамъ (*). Слѣдовательно оковъ древнѣй Россійскій равнялся 12 хлѣбнымъ унціямъ Греческимъ. — Извѣстно, что дуо-децимальное или двѣнадцатишодльное раздѣленіе было въ употребленіи у Древнихъ не только при вѣсахъ и хлѣбныхъ мѣрахъ, но и при линѣйной мѣрѣ. — Каждая же таковая двѣнадцатая часть называлась унціею, а посему и нынѣшній нашъ дюймъ назывался у Древнихъ унціею. Подобныя

(*) 1 Медимъ содержалъ въ себѣ 6 Римскихъ боассо; амфоръ же 3 боассо; Cornel. Nepos cap. 2, или 2 амфора Римскихъ.

предположенія просщительныи шамъ, гдѣ Древняя Исторія не указываетъ истышашелю никакихъ слѣдовъ къ достовернымъ свѣдѣнїямъ.

V.

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ И ПОЛИТИКА.

Колумбійскїе Полководцы.

Колумбійскїе Генералы, преимущественно отличившіеся во время войны съ Испанією, суть Боливаръ, Саншандеръ, Сюкръ, Урданеша, Бермудесъ, Пазъ, Моншилла и Падила.

Боливаръ имѣеть ошь роду 42 года.— Всѣ единогласно хвалять его безкорыстїе; большую часть своихъ доходовъ употребляетъ онь на раздачу пенсіоновъ вдовамъ и дѣтямъ воиновъ, падшихъ на полѣ бранї. Хотя не прилагали никакого попеченїя о его воспитанїи, однако же, во время долгаго пребыванїя своего въ Европѣ, онь почувствовалъ сильную склонность къ изученїю языковъ и Исторїи, и въ шомъ и другомъ

чрезвычайно успѣлъ. — Судя по его образу вести войну, по долгимъ переходамъ для нападенія на непріятели, по быспрошъ, съ каковою онъ прелетаетъ величайшія пространства для ошысканія его, можно бы скорѣе почестъ его за смѣлаго паршизана, чѣмъ за полководца, умѣющаго приводить въ движеніе цѣлую армію. — Большаго пруда спомо ему учредилъ Правленіе, кошорое, хопя и не весьма удачно, основано по образцу Соединенныхъ Штатовъ, и въ первые годы могло бытъ полько сохранено съ помощію его солдашь. Сіи послѣдніе сушь, большою часпью, паспухи, подиявшіеся съ нимъ изъ равнинъ въ Богошу; а пакъ какъ почши всъ они принадлежашъ къ племени Мулашовъ, шо и необходимо нужно оказывашъ сему послѣднему особенную благосклонность и часпо награждашь оное. — Счастливому случаю обязанъ онъ пѣмъ, чшо доселѣ еще не ранень: изъ сего враги его выводяшь несправедливое слѣдспвіе, чшо онъ не храбрь. — Онъ довольно краснорѣчивъ; рѣчь его пламенна, иногда однако же слишкомъ многословна; впрочемъ на Испанскомъ языкѣ прудно выражашъя коротко. Въ молодоспи своей онъ женился въ Испани; нѣсколко

дѣнь скупля, онъ лишился жены своей и кажется, рѣшился оснатьное время жизни своей провесни вдовцемъ. — Дарованный ему титулъ *Либертадора* (освободитель), во всѣхъ новыхъ языкахъ есть новое слово. — Досель никто не имѣлъ причины жаловаться на его приписанія, и если бы иногда недовольные не бывали смылаемы въ започеніе, а ихъ имущество описываемо въ казну (что можетъ бытъ необходимо), то онъ не заслуживалъ бы другихъ упрековъ, какъ развѣ за то, что во время войны пользуется правомъ возмездія.

Сантандеръ въ молодыхъ лѣтахъ вступилъ въ военную службу. Нариню оплачавъ его и произвелъ въ Поручики, потомъ, подъ знаменами Баррай, онъ пошелъ противъ Нариню. Когда Испанцы еще господствовали въ Санша-Фе, онъ укрѣпился въ равнинахъ при Мепѣ и сформировалъ корпусъ въ 3000 человекъ, съ которымъ потомъ присоединился къ Боливару, и симъ подкрѣпленіемъ сущесвенно содѣйствовавъ къ одержанію побѣды при Балкѣ. Извѣстное поспоянство его доставило ему званіе Вице-Президента. Въ семь новомъ достоинствѣ обнаружилъ онъ необыкновенныя дарованія и оказалъ важныя услуги Колумбіи.

*

Сюкрѣ не имѣешь еще и 30 лѣтъ онъ роду; онъ отличился вмѣстѣ съ Санпандеромъ, способствовавъ Боливару выиграть сраженіе. Битва при Пипогинхъ доставила ему званіе Главнаго Начальника въ Квишъ. Послѣ рѣшительной побѣды надъ Вальдезомъ и Каншеракомъ, обезпечившей участь области Перу, онъ наименованъ былъ Великимъ Маршаломъ Аякухскимъ.

Урданета происходишь изъ хорошей фамиліи въ Санша-Фе; онъ мужественъ, но въ продолженіе нѣкотораго времени былъ безпрестанно боленъ, и кажешся, что онъ хочешь удалиться ошъ дѣль по званію Превидента Сенаша.

Бермудесу 50 лѣтъ; онъ родился въ Куманъ, и еще въ молодости принялъ участіе въ Американской войнѣ. Такимъ образомъ онъ заслужилъ нѣкоторую степень значительности, въ копорой онъ однако же не можешь сравниться со многими изъ своихъ соповарищей.

Родъ Тапарскаго Хана или Арабскаго Шенка, нанесшій жесточайшіе удары Испанскому владычеству въ Америкѣ, есть Мулатъ *Паззв*. Съ нѣсколькими тысячами дикихъ всадниковъ своихъ, вооруженныхъ коньями, часто разбивалъ онъ дисциплинированные эскадроны, а наплече гуса-

ровъ Испанскихъ. Сей мужъ легко бы могъ на берегахъ Ореюко играть шаковую же ролю, какую Аршигасъ игралъ на берегахъ Ла-Платы; однако же онъ пребылъ върень Боливару, который привязалъ его къ себѣ благороднымъ своимъ обращеніемъ. Паезъ весьма внимателенъ и даже нѣкоторымъ образомъ въжливъ; но не смотря на дикое природное щеславіе свое, онъ живешь совершенно наравнѣ съ своими всадниками. Когда онъ съ ними, шо участвуешь въ ихъ шпанезѣ, играхъ и упражненіяхъ; никто лучше его не вѣдншь на лошади, не двѣснвуешь копьемъ сильнѣе, яросннѣе не нападаешь на непріятели. Онъ всемогущъ въ среднѣ необразованной толпы своей, и войны его, слѣдующіе во всемъ вождю своему, который вездѣ подаешь имъ собою примѣръ мужества, внимающъ его приказаніямъ съ покорносцію рабовъ. Многочисленными подарками умножилъ его богатство, и похищилъ у Испаніи мужа, содѣлавшагося ужасомъ ея войскъ.

Монтилла есть соперникъ сихъ полководцевъ на равнинахъ. Онъ прежде служилъ въ Испанской гвардіи, но въ революціи думалъ найши средство къ умноженію своего имущества. Его вліяніе, въ глазахъ Правительсва, кажешся опаснымъ; и хотя онъ

по сей причинѣ опредѣленъ въ Каршагенъ, однако же полагають, что онъ слишкомъ близокъ къ Каракасу, гдѣ дворянство желало бы какого либо вождя прошивоносившаго Боливару, и къ тому избрашъ Моншилу. Онъ ошлячается въ своемъ обращеніи; будучи воспитанъ въ Европѣ, онъ имѣеть способность легко выражаться, въ чемъ большая часть Колумбійцевъ затрудняется. Его обвиняють въ лукавствѣ; молчаливостъ его, находимыя въ немъ прошиворѣчія почишають доказательствомъ, что онъ носить плащъ свой но въру; но все это происходитъ отъ его честолюбія; которое желаетъ скрыться и страшится бытъ открытымъ. Впрочемъ извѣстно, что онъ имѣеть причину къ ненависти, которая не такъ легко забывается. Онъ вѣрно не забылъ, что Боливаръ въ 1811 году; въ минуту гнѣва, поклялся расширять его, когда онъ ему попадется въ руки. Если онъ Генерала Миранду и партію патріотовъ почищаетъ за одно и тоже, то онъ безъ сомнѣнія не забылъ и того, что сей Генералъ обвѣщался на двое сутокъ вышавиши его въ желѣзной клѣткѣ на позорище.

Мулашь *Падилла* есть Генералъ, коего служба неменье другихъ принесла пользы Американцамъ. Сей Каршагенскій доцманъ,

котораго революція сдѣлала начальникомъ флотилии; болѣе всѣхъ содѣйствовавъ къ ошпорженію Карпагеня ошъ Испанцевъ. Пошомъ ему были обизаннн завоеваніемъ Маракаибо. Сначала онъ былъ преданъ на жертву паршій, которая желала ошличить Монциалу; но пошомъ ошншь вошелъ въ силу, и сіе въ племени Мулашовъ возбудило всеобщую радость; ибо никшо не сомнѣвался, чшобы распри сихъ двухъ полководцевъ не происходила ошъ различія ихъ въ пѣлесномъ цвѣтѣ.

Нынѣ, въ 1825 году, всѣ сіи мужи кажущся покорствующими вошъ Боливара, и болѣе подчиненными его, чѣмъ равными. Однако же, въ случаѣ его смерти, или даже шодько пошери значительнаго сраженія, каждый изъ нихъ легко можетъ сдѣлаться независимымъ начальникомъ приверженной ему паршій. Въ семь-шо Боливаръ пошомъ на Александра Македонскаго. Назъ съ своими Неграми могъ бы тогда овладѣть равниною, Монциала городомъ Каракасомъ, Падилла морскими берегами, Сюкръ Квицскою областью. Такимъ образомъ спокойствіе Колумбн, доколъ новый порядокъ вещей не укрѣпился временно, будешь завѣсть ошъ продолженія жизни Боливара.

Одинъ Сѣверный Американецъ, пре-
 бывающій нынѣ въ Лимѣ, описываешь
 Боливара слѣдующимъ образомъ: „Ему 42
 „года; ростомъ онъ 5 футовъ 7 дюймовъ, и
 „приномъ довольно спроенъ. Цвѣтъ лица
 „его переходить нѣсколько въ смуглый,
 „какъ и прилично герою Эквадора, ибо
 „такъ называютъ его Американцы. Взглядъ
 „его почти всегда важенъ, но не смотря на
 „усы, нависшіе на верхнюю губу, не споль
 „суровъ, какъ многіе его описываютъ,
 „черные глаза его очень выразительны и
 „показываютъ всю силу его характера. —
 „Въ молодости своей онъ путешествовалъ
 „по Европѣ, и пошому, хотя и немного,
 „умѣешь говорить по-Англійски, но все
 „понимаетъ; по-Французски говоритъ пла-
 „вно, однако же не совсемъ правильно. Онъ
 „говоритъ много и съ большою ошкрен-
 „ностію; не всегда обдумываетъ, что хо-
 „четъ сказать; любитъ собранія и не на-
 „рушаетъ общественаго удовольствія ран-
 „нимъ уходомъ. Я дважды былъ съ нимъ въ
 „большихъ собраніяхъ: однажды на балѣ, гдѣ
 „онъ съ 8 часовъ вечера пребылъ до 5-ти
 „упра, много разговаривалъ, часно произ-
 „носилъ пошты, предлагалъ пинь за здо-
 „ровье и, послѣ ужина, вальсовалъ съ пре-

„красною дѣвицею; въ другой же разъ, въ день
 „Вашингтонова рожденія, на фрегатѣ The
 „United States (Соединенные Штаты), за
 „завтракомъ, гдѣ онъ пробылъ съ 11 часовъ
 „ушра до 3 часовъ по полудни, и въ промѣ-
 „несенной имъ рѣчи превознесъ Штаты выше
 „всѣхъ другихъ земель Америки. Его често-
 „любіе возвышеннаго и благороднаго свой-
 „ства; онъ опровергаетъ всякое приобрѣтеніе
 „богатства, и желаетъ умереть со славою
 „человѣка, основавшаго и утвердившаго
 „спокойствіе въ Южной Америкѣ; попому-
 „то онъ отказался отъ милліона дол-
 „ларовъ, предложеннаго ему въ подарокъ
 „Перуанскимъ Конгрессомъ, говоря, что не
 „хочетъ принять ни песчинки земли Перу-
 „анской. Онъ преимущественно любитъ
 „разсуждать о двухъ важнѣйшихъ предме-
 „тахъ, его занимающихъ: о прорытіи кана-
 „ла чрезъ Панамскій перешеекъ, и о собра-
 „ніи Сейма Американскихъ уполномочен-
 „ныхъ въ Панамѣ, который прекратилъ
 „бы всѣ распри между различными спра-
 „вами Америки, и могъ бы располагать
 „всѣми войсками ихъ, въ случаѣ нападенія
 „одного изъ нихъ на другое, или войны
 „какой либо Европейской Державы съ
 „однимъ изъ оныхъ. Онъ желаетъ, по окон-
 „чательномъ возстановленіи мира, совер-

„шишь путешешствіе чрезъ Сзверную Аме-
 „рику и Англію; къ симъ спранамъ оня
 „исполненъ уваженія. Ненависть его къ
 „Испаніи неугасима; всѣ его родшвенники
 „сдѣались жершвою войны; у него оспался
 „одинъ спарый дядя, живущій въ Испаніи.
 „Многіе досшойные мужи усонершенствво-
 „вались подъ его руководстввомъ. Генераль
 „Сюкръ, побѣдштель Аякускій, съ обшпр-
 „нымъ разумомъ соединяетъ даръ быспраго
 „дѣйствія, что, по свидѣтельствву самихъ
 „Испанскихъ офицеровъ, оня неоспоримо
 „доказалъ въ битвѣ при Аякухо: прошиву
 „двое сильнѣйшаго числомъ непріятели,
 „оня принялъ споль благоразумныя мѣры
 „и съ шакою быспрошою привелъ ихъ въ
 „дѣйствво, что, по словамъ Генерала Мор-
 „реша, Испанцы въ полчаса понеряли
 „Перу. Генераль Салемъ, командующій
 „нынѣ осаднымъ корпусомъ при Каллао
 „въ 3500 человекъ, заслуживаетъ шаже
 „полное уваженіе; копя ему сполько 30
 „лѣтъ, но оня похожъ на 60-ши лѣтняго,
 „шакъ оня много испощенъ шрудами и
 „забопами; не спощря на шо, оня удиви-
 „шельно дѣшеленъ, и я никогда не видалъ
 „человѣка, копорый бы мнѣ болѣе попра-
 „вдся. Въ Маршѣ, вся крѣпоснь Каллао
 „была окружена; уже наводятъ башшарей,

„однако же я полагаю, что ее нельзя взять
 „иначе, какъ развѣ голодомъ или предашель-
 „спивомъ. Генераль Родиль находишься въ
 „ужасномъ положеніи. Генераль Бодиваръ,
 „въ бытность свою на фрегатѣ, пилъ за
 „его здоровье и превозносилъ его швердосшь
 „и неуспрашимосшь въ такомъ положеніи,
 „въ коемъ гибель его неизбежна; онъ замѣ-
 „нилъ, что его можно сравнить съ Пизар-
 „ромъ на оспровѣ Горгонъ, который съ 13
 „человѣками копѣлъ завоевашъ всю Америку,
 „и заключилъ рѣчь свою сими словами: жела-
 „тельно, чтобы онъ вскорѣ переселился въ
 „шу страну, гдѣ нынѣ обитаетъ Пизарро,
 „дабы расказашь ему о своихъ подвигахъ.“

Новая Гренада, повѣшувешъ Молліенъ,
 содержишь небольшое шолько число Негровъ
 въ отношеніи къ бѣлымъ своимъ обиташель-
 „лямъ. Напрошивъ шого Венезуела наполни-
 „на сею безпокойною пороною. Каракасъ
 жалуешся на шо, что, въ возмездіе за всѣ
 его пожертвованія, столицу Республики
 переносяшь въ область, которая питаешъ
 къ нему вражду. Санша-Фе чувствувешъ,
 что онъ получилъ бесполезное преимуще-
 „ство бышь мѣстопребываніемъ Правитель-
 „ства, между тѣмъ какъ великолѣпная
 Венезуела владѣешъ и достоинствами и
 богатшвомъ. Гваквилъ желалъ бы сдѣлать-

ся независимую союзною областію; сокровища, спекающіяся въ сей городъ, составляютъ одинъ изъ важнѣйшихъ источниковъ тамошнихъ доходовъ. Область Паспо, усѣянная горами, желаетъ сохранить независимость, кляпвенно обѣщанную ей Боливаромъ, когда сей послѣдній старался освободиться изъ рукъ сихъ необузданныхъ горныхъ дикарей. Индійцы также не хопятъ плашнть прежней подаши; нѣкоторые изъ нихъ сердятся за то, что безъ ихъ согласія, промѣняли родовое имя ихъ на названіе Колумбійцевъ, какъ будто бы сія область завоевала ихъ у Испанцевъ. Негры требуютъ освобожденія, Мулашпы уничтоженія पिшасемыхъ прошивъ нихъ предразсудковъ, Местницы прекращенія войны, Индійцы своихъ преимуществъ. Всѣ сіи обстоятельство, такъ какъ и предпочтеніе, оказываемое нѣкоторыми областями инымъ Генераламъ, суть затрудненія, которыя Правительствѣ должно побѣднть, и которыми оно не безъ искусства прошивоборствуетъ; но часно оно должно уступать корыстолюбію главныхъ начальниковъ. Духовное званіе не только не теряетъ уваженія, но еще умножается числомъ; многіе вступаютъ въ оное, находя въ томъ вѣрное убѣжище. Неудивительно, что всѣ отрасли Государ-

ешвеннаго управленія находятся въ болѣзненномъ сослояннн, при споль многочисленныхъ безпорядкахъ, которые еще пинающся ужасами междоусобій, возгарающимися въ разныхъ мѣстахъ.

Хоша справедливо, что съ пѣхъ поръ, какъ Молліенъ писалъ сіе, помянутыя обстоятельствоулучшились, междоусобная война окончена, и Колумбія одержала верхъ надъ внѣшними врагами своими, однако же нельзя не замѣнить, что въ новыхъ Юго-Американскихъ обласіяхъ, скрывающся многія сѣмена внутренняго раздора. Къ искорененію оныхъ весьма многого ожидать должно отъ примѣра Сѣверо-Американскаго Союза, и совѣтовъ и руководства Англіи; выгоды сей последней пребуоушъ, чтобы внутрешнее спокойствіе было сохранено въ сей странѣ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Отрывокъ изъ перевода Расиновой Трагедіи:

ФЕДРА.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ II.

Ипполитъ, Арисія и Исмена.

Ипполитъ.

Готовяся ошь сихъ бреговъ отплышь,
Царевна, долженъ я судьбу швою рѣшить.
Ощецъ мой кончилъ жизнь: сомнѣніе ужасно
Предчувствіемъ меня смущало не напрасно;
Лишь смерть одна прервать геройскія дѣла
И ошь вселенной скрыть досель его могла.
Такъ преданъ зlobъ Паркъ, могуществомъ Кронида,
Наслѣдникъ доблестный, сподвижникъ, другъ Алкида.
Хотя противъ него пылала ты враждой,
Не оскорбишься, мню, правдивой сей хвалою.
Надежда, въ горести, одно мнѣ утѣшеніе;
Ошрада мнѣ одна — швое освобожденіе:
Забудь свой плѣнъ. Повѣрь, я самъ помился имъ.
Ошныиъ сердцемъ ты располагай своимъ;
И въ мѣсшъ прежняго ошщецъ моихъ наслѣдства,
Въ Трезенѣ, сполько мнѣ любезномъ съ маалюпш-
ства,
Который радостно призналъ Царемъ меня,
Живи свободною — свободите, чѣмъ я.

А р и с т а.

Смущаюсь, Государь, своимъ благоволеньемъ...
 Великодушнымъ симъ о мнѣ шы попеченьемъ,
 Плачевный жребій мой въ счастливый премѣня,
 Вновь дѣлаешь еще невольнѣ меня.

И п ц о л и т ь.

Избраніе на тронъ — волненія днесъ причина
 Аѳинъ; себя ль призывашъ, меця ль, иль Федры сына.

А р и с т а.

Меня на тронъ? —

И п п о л и т ь.

Хочу безъ лести говорись. —

Пусть мнѣ, что мнѣ законъ препишь на тронъ
 вступись,

Что чужеземна машъ моя пому причиной, —
 Когдабъ мнѣ Федры сынъ совмѣстникъ былъ единой,
 Я могъ бы доказашъ всю силу правъ моихъ,
 И строгій сей законъ не опровергъ бы ихъ.
 Но правъ иныхъ, Княжна, я свяшость почишаю:

Я уступись хочу, иль лучше, возвращаю
 Тебѣ сей скиптръ; онъ былъ опцамъ своимъ врученъ
 Великимъ смертнымъ шѣмъ, что опъ земли рожденъ;
 Опъ нихъ съ наслѣдемъ прешель онъ въ родъ Эгея;

Аѳины наконецъ, подъ властію Тезея
 Возвысясь, процвѣшя, храня къ Царю любовь,
 Забвенью предать могли Палампа кровь;

Но нынѣ, дщерь его наслѣдницей признали.
 Довольно внушрени вражды ихъ раздирали;
 Довольно ваша кровь, землей поглощена,
 Курилась шамъ изъ нѣдръ, опъ боихъ рождена.
 Трезень подвласнець мнѣ, а Кришскія равнины
 Для сына Федры сунъ владѣнія едины,

Твой Аптека удалъ; — туда сплну отплыть,
 Чпобъ всѣ желанія къ тебѣ лишь обратиться.

А р и с і а.

Чпо слышу?... вѣришь ли?... смущенна изум-
 ляюсь,

Не тщетною ль мечтой, не спомъ ли обольщаюсь?

Повѣрю ль благости намъренья сего?

Иль богъ иль богъ какой внушилъ тебѣ его?

Что слава о тебѣ повсюду разглашаешь,

То истина еще стократно превышаетъ!

Ахъ, Государь! ты самъ стремишься для меня....

Безъпрно счастливой себя почла бы я,

Когда бь могла хотя твоей гнѣвъ угасимъ видѣть

И ненависть ко мнѣ. —

И п о л и т ь.

Тебя мнѣ не навидѣшь?

Иль такъ жестокииъ я молвою обглашенъ?

Чудовищемъ ли я свирѣпыиъ въ свѣтъ рожденъ,

Кпобъ лютой на себя враждой воспламенился?

Какой бы предъ тобой нравъ дикій не смягчился?

Предъ сими прелестными могла ль душа моя?...

А р и с і а.

Какъ, Государь?...

И п о л и т ь.

Сказалъ ужъ слишкомъ много я.

Такъ; сердцу, вижу я, разсудокъ уснупаешь:

Когда жь оно мое молчанье прерываешь;

Такъ должно продолжашь, и должно шо открытъ,

Чего ужъ не могу я ошь тебя щашь.

Царевна! предъ тобой сей Ипполитъ злосчастный

Который гордостни явилъ примѣръ ужасный;

Кпо столько былъ въ своемъ безумьи ослѣпленъ,

Что за постыднѣйшій счнналъ любви пладъ;
 Съ прискорбьемъ зря другихъ въ волнахъ страстей
 крушенья,
 Кто мнѣ всегда съ бреговъ зрѣлъ бурная волненья.
 Даясь общей участи подвергшись, вижу я
 Себя опшорженнымъ омиъ самого себя!
 Однимъ воззрѣнемъ очей пвонокъ сраженныхъ,
 Кичливый духъ упалъ, любви покоренный:
 Уже шесть мѣсяцевъ я не живу — люблю,
 Отчаяннѣ, спыдъ, мученья въ перплю;
 Прошнвъ тебя, себя, вопще вооружаюсь,
 Не зря тебя — ищу, узрѣвъ тебя — скрываетъ.
 Повсюду слѣдуетъ за мною образъ твой;
 Въ дневномъ сіяніи, во мрачности ночной,
 Мнѣ все прелестныя твои черты являютъ,
 Все гордости моеи — побѣю угрожають.
 Хочу забыть тебя, забыть любовь свою —
 И самъ въ забвеніи себя не узнаю:
 Противны спали мнѣ дукъ, стрѣлы, болтовниці;
 Бессильна укрощаешь коня моя десница,
 Лишь спонъ мой вшорикся дубраинной глубинной;
 И кони праздные забыли голодъ вой
 Красивеешь ты . . . сей спыдъ, конечно, возбудишь
 Та мысль, что ты любовь суровую вшупниа.
 Сердечный жаръ къ тебѣ — шавъ дико изъясненъ!
 Спропитивый, гордый духъ — повжкъ сидомъ ивннннн
 казнъ!

Но искренность цѣни въ прошломъ моемъ признанннн:
 Воспомни, чуждо какъ мнѣ о любви ищннннн
 И не отринь тѣхъ словъ, что сердце говоритъ,
 Такъ чувствъ, что безъ тебя не зналъ бы Цанннн
 ланннн.

И. Чеславскій.

Т О Р Ж Е С Т В О А М У Р А .

(Въ Альбомѣ Графини О. П. ().)*

Громъ надъ полемъ загремѣлъ,
 Заспоцало поле:
 Воздухъ дымъ; ошь тучи сирѣлъ
 Дня не видно болѣ!

Клики рашныхъ пронеслись,
 Всѣ дышало славой!
 Раши грозныя сперлись,
 Споръ рѣшишь кровавой!

Воинъ бодрый въ споронѣ
 Надѣваешъ лашы,
 Свѣшлый шлемъ — и на конѣ:
 Въ бишву, какъ крмашный!

Смерть на вѣхъ равно глядишь
 Спрашными очами,
 Кровь шо брызжешъ, шо кипишь
 Въ свѣчъ подь мечами!

Всюду гибель, смерть и страхъ
 Но безспрашный воинъ
 Бодръ, съ улыбкой на устахъ
 И въ душѣ спокоенъ!

(*) Стихи сіи были напечатаны. Мы помѣщаемъ ихъ
 вмѣстѣ съ иллюстраціями перемѣнами, по просьбѣ Автора.

Издатель.

Конь пронзёнъ ; но невредимъ
 Нашъ герой чудесный,
 Знать невидимо надъ нимъ
 Промыселъ небесный !

Вой замолкъ — герою льстивъ
 Честъ победы новой.
 Слава блескъ ему дарить
 И вѣнокъ лавровой.

Вопъ идешь непобѣдимъ :
 Цѣлы шлемъ и лашы...
 Вдругъ красавица предъ нимъ
 И божокъ крылатый !

Тамъ презрѣлъ онъ смерти и рокъ :
 Здѣсь ли убоишься ?
 Но на грознаго божокъ
 Пальчикомъ грозитъ

„Погоди!“ — и подъ шпѣлой
 Зазвенѣли лашы !...
 И покрылись очи мглой,
 Шлемъ слетѣлъ пернатый !..

Вопъ у ногъ красн герой !
 Слабъ предъ красотою !
 И надъ нимъ Амуровъ рой
 Съ страшной суепою.

Тотъ игралъ его мечомъ,
 Этотъ въ шлемъ заградилъ,
 И—какъ въ люлькѣ—въ щелехъ щомъ,
 Весело качался.

Тихо—страхъ враговъ лезалъ,
 Млѣя въ чувствахъ спрассыпалъ
 И судьбу свою чиналъ
 На очахъ прекрасныхъ.

Что жъ за диво?—Божество
 Смертнаго сильнѣе!
 И Амура шоржество
 Всѣхъ шоржествъ вѣрнѣе!

Весь Олимпъ ему былъ радъ,
 Музы сладко пѣли,
 И тасы, какъ говорятъ,
 Двигались не смѣли.

„Гдѣ жъ сбывался сей расказъ?“
 Что мнѣ въ оправданье?
 Нѣтъ молвы о томъ у насъ,
 И молчишь преданье—

Но—въ расказъ сей чуть вскоптрѣсь,
 Хлоя!.. Всѣ узнаешь;
 И, какъ Ангелъ, улыбнись,
 Если угадаешь

П Ъ С Н Я.

Тамъ за далью, синѣвою,
 Меркнетъ счастье мое,
 И досель влекусь звѣздою:
 Все глядѣть бы на нее.
 Но звѣзда, краса ночей,
 Лишь обманъ однимъ очей.

Если бь смерть запечатлѣла
 Взоръ твой непробуднымъ сномъ,
 Ахъ, тобой бы завладѣла,
 Хоть шоска моя шайкомъ;
 Но для міра ты жива,
 Для любви моеи мертва.

Сладкое любви мученье
 Можешь ли невѣчнымъ стать?
 Что прошло, какъ сновидѣнье,
 Какъ любовію назвашь?
 Нѣтъ, ея небесный жаръ
 Гибнетъ ли, какъ дольний даръ!

В. Г.

О Д И Н О Ч Е С Т В О.

Ни прежней радости, ни муки
 Не чувствую въ душѣ своей;
 Забыты горести разлуки,
 Измѣны милой и друзей.
 Тоской пощерь, надеждъ волненьемъ
 Неозабочей хладный умъ,

Дружась съ суровымъ размышленьемъ,
 Презрѣвъ навѣшь любовныхъ думъ,
 Живу въ покоѣ и на водѣ;
 Далеко скрывшись изъ очей
 Печальной родины моей,
 Влаженствую въ безвѣстной долѣ!
 Лишь иногда, въ тиши ночной,
 Несуся къ ней моею мечтой!
 Порою, дни любви и счастья
 Мнѣ память обновить моя;
 Но безъ сердечнаго участья
 Ихъ вспомню, и забуду я.
 Такъ въшеръ юга прилетаетъ,
 Зимой, къ заспывшему ручью;
 Но не живить, не пробуждаешь
 Подъ хладомъ спящую струю.

Е. З — иж.

VI.

С О В Р Е М Е Н Н А Я Р У С С К А Я Б И Б Л И О Г Р А Ф И Я.

Н О В Ы Е К Н И Г И.

1 8 2 6.

С л о в е с н о с т ь.

212. Tableau Slave, par M-me la P*** Zénéide
 Volkonsky. Seconde édition. Moscou, de
 l'imprim. d'Auguste Semen, Imp. de l'Ac.

- Impériale Méd.-Chirurgicale. 1826. XII и 200 с. въ 6. 12.
213. A la mémoire de l'Impératrice Elisabeth. Съ вѣстг. Passa la bella donna e par che dorme (Tasso). II. въ шпц. А. Паюшара. 10 с. въ 4.
214. Dem Andenken Elisabeths, Rußlands unvergeßlicher Kaiserinn. Von J. B. Petrosilius, Lehrer der deutschen und lateinischen Literatur an der praktischen Handlungs-Akademie zu Moskwa. Moskwa, gedruckt bei S. Seliwonowsky. 1826. 8 с. въ 4.
215. Konstancya Xiężniczka Zasławska, Romans oryginalny w dwóch częściach. W Wilnie, w Drukarni Dyecezalney XX. Missionarzów. 1826. Ч. I. 114 с.; Ч. II. 175 с. въ м. 8.

Исторія.

216. Remarques historiques sur la ville de Moscou, d'après M. Karamsin. Moscou, de l'imprimerie d'Auguste Semen, 1826. 26 с. въ 6. 8.
217. Denkwürdigkeiten aus dem Leben des Fürsten Dimitri Michailowitsch Poscharski, von A. Malinowski, Senator und Chef des Moskwa'schen Archivs von dem Collegio der auswärtigen Angelegenheiten. Ins Deutsche übersetzt von seiner Tochter Katharina Malinowski. M. въ шпц. С. Селивановскаго. 1826. X и 70 с. въ 8.

Б о г о с л о в і е.

218. Catechismus, oder Kurzer Unterricht Christlicher Lehre, wie er in Kirchen und Schulen der Churfürstl. Pfalz und andern Orten getrieben wird. М. въ тѣп. С. Седивановскаго. 1826. 124 с. въ 12.

Б а с н о с л о в і е.

219. Письма къ Эмелии о Мноологин. Соч. Демутье. Перев. Вл. Дмитриева и Вас. Дуврова. Съ аншгр.
Heureux ceux, qui se divertissent en s'instruisant.
Télémaque, Liv. 2.
Ч. I. С. II, бургъ, въ тѣп. Медицина. Депарш. Мин. Внутр. Дѣлъ. 1826. 172 с. въ и. 12.

П о в ѣ с т и и С к а з к и.

220. Повѣсти, сочиненныя и поднесенныя дѣтямъ Е. В. Герцогини Беррійской Г-мъ Бульи, Членомъ многихъ Ученыхъ Обществъ. Въ двухъ частяхъ, съ картинками. Перевелъ Орестъ Сомовъ. II. въ тѣп. К. Крайя. 1826. Contes offerts aux enfans de France par J. N. Bouilly, membre de plusieurs Académies. D'après la troisième édition de Paris. Avec la traduction russe. Réimprimé à St. Pétersbourg, chez Charles Kraus, 1826. 225 и 295 с. въ 6. 12.

Я з ы к о в н а н і е.

221. Славянская Грамматика, издавна Ив-
номъ Пеннинскимъ. Изданіе второе, зна-
чительно исправленное и пополненное.
Сигъ послушавъ, уразумеешь извѣстія словесъ.
Прищ. 1, 3 — 5.
С. П. въ шип. Деп. Нар. Просв. 1826.
248 с. въ 8.
222. Colloquia Rossico-Latina, in vita communi
usitatissima, divisa in lectiones, vocabulis
minus vulgaribus concomitatas, quibus sub
finem addita sunt etiam aliquot proverbia et
voces Latini sermonis synonymae, in gratiam
Rossicae juventutis edita ab E. P. S. I. —
Россійско-Латинскіе разговоры и пр.
М. въ Унив. шип. 1826. 176 с. въ 8.

А с т р о н о м і я.

223. Rozzutki Astronomii teoretyczney i praktycz-
ney, przez Piotra Sławińskiego Doctora Fi-
losofii, Professora &c. w Wilnie, w druk. A.
Marcinowskiego, 1826. 426 с. съ чепыра-
ми чернежами.

М е д и ц и н а.

224. De Phlegmatia Dolente. Dissertatio inaugu-
ralis Medica, quam tentamini amplissimi
Medicorum ordinis in Universitate Caesarea
Litterarum Dorpatensis ut gradum Doctoris

Medicinae obtineat, subjecit Auctore *Gustavus Sellheim*, administrationis Medicis plescoviensis provinciae medicus obstetricus. Dorpati Livonorum Typis I. C. Schönmanni, Typographi Academici. MDCCCXXVI.

225. De tumoribus cysticis Dissertatio inauguralis Medico-Chirurgica, quam pro gradu Doctoris Medicinae — elaboravit — Chirurgus 1-mi ordinis Theodorus Sabinin. M. вѣ Унив. шип. 1826. 70 с. вѣ 8, съ рисункомъ.

VI

С М В С Б.

Р Ъ Ч Ъ,

произнесенная на публичномъ окончательномъ испишаніи вѣ Санктпетербургскомъ Высшемъ Училищѣ, Декабря 21-го дня 1826 года, Воспитанникомъ 1-го класса Веселодскимъ.

Почтеннѣйшіе Посвѣтители!

Сей шоржеспвенный день никогда не изгладится изъ нашей памяти, ибо нынѣ пожинаемъ, что нѣкогда посвѣдали, нынѣ собираемъ плоды шрудовъ, вѣ шеченіе нѣсколькихъ лѣтъ подъянныхъ нами. Справедливо говорашъ: корень ученія горекъ, но

плоды его сладки. Такъ, мы уже вкушаемъ сію сладость; ибо видимъ, какою смислосходительностію, какимъ вниманіемъ награждаете вы наши успѣхи въ Наукахъ, не смотря на всю ихъ маловажностъ, Благодарностъ наша и къ вамъ, и къ воспитателямъ безпредѣльна, и мы не находимъ словъ для выраженія оной. Но лучше имѣшь недоспащокъ въ краснорѣчіи, нежели въ изліяніи чувства, особливо юныя сердца укращающаго.

Воспитатели и наставники наши не пропустили ничего, къ образованію юныхъ умовъ и сердецъ нашихъ клонящагося; приняши были все благоразумныя мѣры къ укрѣпленію и сохраненію нашего здоровья; и словомъ и примѣромъ учили насъ соблюдать благоприличіе во всякомъ поступкѣ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ сѣмена, падающія на каменистую землю, не прозябають; такъ гибнють познанія, сообщенныя душѣ въ разсироченномъ шлѣ. Кто опъ юности борется съ болѣзнію, шощъ не можетъ, какъ бы желалъ и долженъ былъ, служить ошечеству. Доблестъ не имѣеть для него предесей; ибо шребуеть напряженія силъ, шребуеть необыкновенной швердосши духа; онъ влачитъ жизнь шягосшную и безвѣсшную. Чшобъ укрѣпшь здоровье, воспитатели

иши побуждали насъ къ соразвѣрнымъ нравственнымъ и умственнымъ упражненіямъ. Напрасно, подъ предлогомъ обереженія здоровья, предающая лѣносости: она сколько припугнетъ разумъ, столько вредитъ и телу. Даже время, отъ ученія свободное, было для насъ временемъ ошдохновенія и возсѣлановленія сна, а не праздности, которая расслабляетъ оныя. Опрятство въ домашней жизни, въ одеждѣ, благоприличіе въ разговорѣ, движеніяхъ, взглядахъ и тѣло-сложеніяхъ, изображали намъ жертвенношеніемъ, единственно достойнымъ алтаря Граціи, къ коему безъ того возбранено приближаться.

Науки, подъ руководствомъ опытныхъ и благонамѣренныхъ наставниковъ, разсыпали предъ нами свои сокровища, и торешому изъ насъ, кто погралъ ихъ ногами? Законоученіе показало намъ Спасителя, предшлага въ міръ, да наставитъ не приталпляться къ міру. Какой для насъ примѣръ челоуколюбія и терпѣнія среди бѣдствій? Воплощенный Богъ со Креста благославляетъ мучителей своихъ. „Любите враговъ вашихъ;“ зываетъ Онъ: „и добро шворите ненавидящимъ васъ.“ Что предъ нами Божественнымъ ученіемъ нравственности древнихъ мудрецовъ? Мзда первой на землѣ

и на небѣ, но изда послѣдней только въ здѣшнемъ мірѣ, ибо она земная. — Миспорія расширивъ предѣлы крашкѣ жизни нашей, ибо мы живемъ нѣкоторымъ образомъ съ того времени, какъ она начинается. Она, раскрывъ намъ судьбу Царствъ и народовъ, изобразила яркими красками сцены текущаго о нихъ, каждому по дѣламъ воздающаго Провидѣнія. —

Та, кои полагаютъ въ основаніе доблести, вопреки вѣмъ претященіямъ, возрастаютъ, укрѣпляются, ширеюшутъ, все же прочіе блеснутъ, какъ надеющаяся звезда, исчезаютъ. Сего не довольно. Миспорія вмѣстиваетъ въ безмерную книгу свою неизгладимыми буквами, равно имени Мининыхъ, какъ и Пожарскихъ, и шире научаетъ безъ зависти взиранъ на занимающихъ мѣста выше насъ; ибо никому не возбранено прославитъ и себя и свое опеченіе: должно только подвизаться. Сусанинъ, пощериловавъ жизнь для спасенія Митанага, великъ вопреки смиренному званію крестьянина: ему обязана Россія Домомъ Романовыхъ, Домомъ Петра, Царствующимъ имѣ Государемъ, утверждающимъ ея благоденствіе. — Правовѣдніе дасть намъ средство служитъ защитною укрепеннымъ, держитъ утѣшитель въ

границахъ. Не знаешь Россіянину Рускихъ законовъ, означало бы въ опечесствѣ своемъ бышь чужеспраицемъ. — Писашель долженъ или научишь разумъ, или исправишь нравы, или привесишь въ восторгъ чишашеля, ш. е. возбудишь въ немъ спремленіе къ красотѣ преесшеспвенной. Какъ ушъишешельно владѣшь словомъ для цѣли, споль благородной! Между многими насшавленіями, для досшиженія сей цѣли намъ преподанными, особливо помнимъ мы правило Древнихъ: ежели хочешь бышь краснорѣчивъ, шобудь вмѣсшъ и чесшенъ. — Ешпешпвенныя Науки, ежели позволено шакъ изъяснишься, спарались ввести насъ въ художешпвенную храмину, гдѣ природа шрудишя надъ произведеніями своими: спарались приподниашъ покрывало и дашь намъ посмошрѣти въ лице Изидъ. —

Но познанія безъ добрыхъ нравовъ сколько недосшашочны, сполько и гибельны. Еще древніе Философы изображали союзъ мудросши съ добродѣшелью, единешпвенно: вождельнымъ совершеншвомъ. Божешпвенное Писаніе освятило оный словами: *Будите мудри, яко змии, и цѣли яко голубіе.*

Для собешпвеннаго нашего сшасшя, для ушъихи родишелей, друзей и родшпвенниковъ, для блага опечесшва, насшавники и росши-

шапеди наши, соединенными силами, спасались облегчить намъ трудный путь, ведущій въ святилище добродѣтели. Путь сей тернистъ, усвятъ прешкновениями для того, кто съ малодѣшства оупъ него уклонялся. Но кто привыкъ оупъ юности вести себя добронравно, шому *бремя легко*, шому *иго благо*. Добрая привычки, говорили намъ и подтверждали собственнымъ примѣромъ, лучше всякаго нравоченія. Последнее слушаемъ, хвалимъ; но съ первыми шолько живемъ честно. Скрѣпляйте союзъ съ добродѣтелью шѣсье и шѣсье, и шогда ненужно вамъ искашь сильныхъ покровителей, не нужно домогаться награды.

Лучшая защита—доброе имя; лучшая награда—чистота совѣсти и спокойствіе духа. Особливо бойтесь внимать гласу самолюбія: оно ненасыσιμο; не опдаеть справедливости чужимъ достоинствомъ, а собственныя преувеличиваетъ; оно принуждаеть насъ и мыслишь и судишь превратно; съ юныхъ лѣтъ искореняйте сіе порожденіе вхидны: не шо, каждое движеніе онаго будеть для васъ смертоноснымъ жаломъ. Товарищи! Ужели мы забудемъ сіи опещескія наспавленія. Здѣсь, шоржественно предъ лицомъ Всевидащаго, предъ лицомъ Государя, о нашемъ образованіи пекущагося

въ присутствіи всѣхъ почтеннѣйшихъ по-
 сѣшителей, Начальниковъ и волисполнителей,
 поклоняемъ насъ авленія ои, какъ драгоцен-
 нѣйшій залогъ, какъ какій даръ Божій, хра-
 нишь въ сердца; не посрамятъ сихъ скри-
 желей приняишемъ противоположныхъ пра-
 виль! О друзья! какъ умишительно вспрѣ-
 шинишь когда либо нашихъ воспитанцевъ, и
 съ дружескимъ пожатіемъ руки, услышати
 одиъ нихъ слова: продолжай, какъ началъ;
 ныи оправдай наши ожиданія; сѣмена, въ
 сердцахъ шводемъ насажденные нами, принесли
 споричный плодъ! Ибо знаише, что они
 будутъ сопровождать насъ въ нупи жизни
 не менѣе заботливимъ окомъ, какъ и роди-
 шели наши. Кого изъ верхоградарей не ра-
 дуюшъ или не печалюшъ плоды сада его? Мы
 дозы винограднаы, взрощенныя ими; они
 вышорые или даже первые опцы наши, ибо
 родшели даровали намъ жизнь, а воспита-
 шели научили пользоваться ею.

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

1826. № XXIII и XXIV.

I.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

I.

П О Е Д И Н О К Ъ.

Отрывокъ изъ Повѣсти Клаурена: Der Friedhof zu Wüstenbrück.

(Въ коронскихъ словахъ поспѣваемъ познакомиться читателя съ происшествіями, предшествовавшими описываемому здѣсь поединку въ прекрасной повѣсти Клаурена. — Эмиль Валленродъ, сынъ Лѣсничаго въ Вюстенбрюкъ, окончивъ курсъ Юридическихъ Наукъ въ Университетѣ, и возвращаясь къ отцу, былъ предшавленъ имъ Принцу Треймунду, брашу владѣтельнаго Князя, въ загородномъ его замкѣ. Здѣсь Принцъ объявилъ ему, что, въ благодарность за важныя, оказанныя отцемъ Эмиля услуги, исходящаяшвовалъ онъ для сына мѣсто Шпалмейстера при немъ, Кавалера при его дочери, Принцессѣ Аделинѣ, и Поручика въ Лейбъ-гусар-

скомъ полку. — Вскорѣ потомъ Принцъ со всею свисшою возвратился въ резиденцію, гдѣ почти первымъ вступленіемъ Эмиля въ свѣтъ было слѣдующее происшествіе).

Эмиль сидѣлъ въ своей комнашѣ, погруженный въ размышленія, какъ вошелъ къ нему Адьюшаншъ Принца, Маіоръ Графъ Виппингенъ. Онъ объявилъ ему, что Принцъ хотѣлъ предшавить его на парадъ Командиру и всѣмъ офицерамъ его полка; но что, чувствуя себя не совсѣмъ здоровымъ, передавъ вѣно пріятное порученіе Графу, и потому онъ просить господина Поручика немедленно отправиться съ нимъ на парадъ.

Эмиль пожалованъ былъ старшимъ Поручикомъ въ Лейбъ-гусарскій полкъ, и чрезъ сіе, имъ вовсе неисканное повышеніе, сълъ на голову всѣмъ младшимъ офицерамъ, кошорые, разумѣвша, за вѣно не очень были ему благодарны.

Большая часть изъ нихъ громко ропсала на такое незаслуженное пониженіе въ производствѣ, и почти всѣ единогласно говорили, что новому господину Поручику не даромъ достанешся его чинъ, и что за такой скачокъ впередъ придется, по крайней мѣрѣ десятокъ разъ отхвадать гусарскихъ сабелъ, въ поводѣ къ чему недостатка не будетъ.

Чтобы самых зазорных из недовольных офицеров немножко поудержать, и отвратить напрасное пролитие крови, старый артиллерии Генераль Груберъ рассказывалъ всемъ, какой большой мастеръ спрылялся, рубиться и колошиться былъ Эмиль съ самаго еще младенчества. Хотя въкопорохъ это и охладило, но другіе, опчаянные головорызы, утверждали, что внимъ ихъ не испугаешь, и что какой бы мастеръ Валленродъ ни былъ, они гошovy съ нимъ померяшьяся. Положили напередъ выпустить на него прехъ отличнѣйшихъ мажандоровъ изъ всего полка, съ тѣмъ, что когда эти немножко его поукрошаютъ, тогда и не такіе мастера въ еостояніи будуть его проучить.

Эмиль, разумѣется, ничего не зналъ о такомъ пріятельскомъ прошивъ него заговорѣ новыхъ его товарищей; а почему явился съ Графомъ Виппингеномъ на парадъ съ свойственною ему непринужденностію и съ шюю ловкостію, какая всегда отличаетъ челоуѣка образованнаго, воспитаннаго въ лучшемъ кругу. Такое появленіе уже весьма расположило въ его пользу всѣхъ собравшихся шущъ офицеровъ. Вездѣ слышны были невольныя восклицанія: „какой молодецъ!“ — „нашоящій Адонисъ!“ — „Какая ловкость!“ — и шюму подобныя выраженія. Съ шакима

же радушіемъ приняли его Командиръ, Шпабъ-офицеры и Ротмистръ его полка, которыми онъ рекомендовался, прося ихъ о благородномъ положеніи. Когда же Графъ Виппингенъ предсказавъ его прочимъ субалтернъ-офицерамъ, какъ будущаго ихъ товарища, Эмиль вошелъ въ ихъ кружокъ, и безъ всякаго приговора, спокойно и откровенно сказалъ имъ, что хотя спавишь себя за большую честь бытъ ихъ товарищемъ, но что эшого счастья онъ не желалъ и не искалъ, потому что никогда не назначалъ себя для военной службы. „Этого послѣднее обстоятельство“ — говорилъ онъ — „послужишь мнѣ въ глазахъ вашихъ извиненіемъ въ томъ, что я не имѣю еще никакого понятія о службѣ; при всемъ томъ надѣюсь, что при неусыпномъ стараніи и дѣятельности, и при отличныхъ образцахъ, которыхъ вижу передъ собою, черезъ годъ буду достойнѣе возложеннаго на меня званія, въ особенности, когда вы, почтенные господа товарищи, не откажете мнѣ въ вашемъ пособіи и наставленіяхъ, о чемъ убѣдительнѣе васъ прошу. Покорность, почная и безусловная покорность есть первая, главнѣйшая обязанность солдата: доказательствомъ тому, что я исполняю ее во всемъ смыслѣ слова, да послужишь вамъ принятіе мною насшоя-

щаго званія, сшоль несоошвѣпствовавшаго моимъ планамъ. Его Свѣплости угодно было пожаловать меня старшимъ Поручикомъ въ полку. Всякое отклоненіе сего сшоль почешнаго назначенія, вы согласитесь сами; было бы непроспшительнымъ неприличіемъ; но какъ Князь не можетъ желать, чшобы служба достойнѣйшихъ офицеровъ могла поспрадать въ угодность шому, кто доселѣ не оказалъ еще никакой заслуги, шо увѣреннй въ шакихъ мысляхъ Его Свѣплости, я объявляю здѣсь торжественно предъ всеми вами и предъ знаменами нашего полка, что до шѣхъ поръ не получу слѣдующаго произвопства, пока самый младшій изъ насшоящихъ Корнетовъ не будешъ Ромшиспромъ. Свѣпость слова, даннаго мною шеперь предъ всеми вами публично и добровольно, и мое уваженіе къ справедливымъ правамъ вашимъ на дальнѣйшее повышение по службѣ будущъ вамъ порукою въ шочномъ соблюденіи принашаго мною намѣренія.“

Околосшоящіе Шшабъ-офицеры и Генераль Груберъ, изумленные шакимъ необыкновеннымъ самоошверженіемъ, единогласно воскликнули: bravo! шоварищи же Эмиля другъ передъ другомъ спарались показать ему, какъ много выигралъ онъ въ ихъ мнѣніи. Нѣкоторыя изъ нихъ признались ему, съ сол-

датскою опроверженностію, что назначеніе его имъ на голову было имъ очень не по душѣ; но съ новою же опроверженностію увѣрили, что теперь полюбили его сердечно, и съ радостію принимають въ почтенный кругъ своихъ сошваррищей.

Одинъ только изъ нихъ, правда, всѣхъ болѣе поперившій опъ неожиданнаго назначенія Эмиля въ ихъ полкъ, Баронъ Шшернекъ, не могъ преодолѣть своего недоброезашельсшва. Онъ былъ старшій Поручикъ въ полку и шѣмъ съ большимъ неперивніемъ ожидалъ Ромисшрскаго чина, что съ прилшїемъ вскадрона должна была совершшпсья и свадьба его съ дѣвицею Цезень, давно уже условленная, и только до повышенія его опшоженная: теперь опредѣленіе въ полкъ Эмиля опшдалало его производство, можешъ бышь, на многіе годы. Онъ одинъ только не могъ, подобно своимъ шоварищамъ, встрѣщшп Эмиля ласковымъ привѣщсшвїемъ: насупясь, бормоталъ онъ что-то сквозь зубы, и при общемъ разсшаванъ кинулъ на Эмиля шаконъ злобный взглядъ, что сей, и безъ шого пылкаго нрава, въ особенностіи въ подобныхъ случаяхъ, готовъ былъ въ шу же минушу пошребовать объясненія на шу спранную манеру раскланшвасья при прощанъ. Къ счастью, подошелъ къ нему Генералъ

раль Груберъ и, опрекомендовавшись, какъ старинный знакомый его мажери, вступилъ съ нимъ въ длинный разговоръ. Это ошвлело его, хошя и не надолго; пошому чшо въ пошъ же вечеръ сошелся онъ со Шшернекомъ у Графа Виппингена, кошорый, желая опшпраздновашъ вступленіе Эмиля въ полкъ, пригласилъ къ себѣ небольшое общешво, главнѣйше офшцеровъ ихъ полка.

У Шшернека желчь лилась по жиламъ: Эмиль разрушилъ всѣ его расчеты, все его счастье. Всеобщее одобреніе, съ кошорымъ, со времени парада, спали ошзывашься объ Эмиль въ городѣ, еще болѣе раздражало его. Теперь Эмиль, при безпреспанныхъ похваляхъ его любезности, свѣдвнїямъ, дарованїяхъ, казался шѣмъ опаснѣе: Шшернекъ предспавлялъ уже себѣ, какъ Эмиль будешъ восходишь выше и выше, и мысль, чшо эшошъ человекъ, вшошъ въ цѣломъ полку ихъ единшвенный недворянинъ, во всю жизнь будешъ его спаршимъ, а судя по насшоящимъ необыкновенно скорымъ успѣхамъ, можешъ бышь и начальникомъ, была для него несшпернима. Наконецъ — и эшо обшшояшельшво, вѣрояшно, всего болѣе подшпрекало его — невѣста его, дѣвица фонъ Цезенъ, съ шѣхъ поръ, какъ видѣла она Эмиля во дворцѣ Принца, и до сей минушы, шакъ много и шакъ

часто говорила о прекрасной наружности
 молодого человека, о обширных его свѣдѣ-
 ніяхъ, о его любезности въ обращеніи съ да-
 мами, что — короче, Шшернекъ рѣшился
 драться, онъ хопъль, онъ долженъ былъ по-
 мѣряться съ Эмилемъ. Къ несчастію, вино
 имѣло надъ нимъ шо дурное дѣйствіе, что
 онъ, даже и не при излишнемъ его упопре-
 бленіи, легко дѣлался раздражителенъ и за-
 дорливъ. Во все время ужина опускалъ онъ
 ошрошы и намѣки, на кошорыа Эмиль, хо-
 тя слышалъ ихъ и чувствовалъ, не могъ од-
 нако же опвѣчать, какъ пошому, что онъ
 не опносились прямо на его лице, шакъ и
 пошому, что по двусмысленности ихъ мо-
 гли бытъ различно шолкованы. Къ шому жъ
 уваженіе къ хозяину, Графу Виппингену, но-
 вость его опношеній и зависимость опъ
 Принца Треймунда, все это засшавляло его
 удерживашься въ границахъ шерпвія. Замъ-
 шивъ намѣреніе его опклонить ссору, Шшер-
 некъ принялъ это за шрусость, и мало по
 малу спалъ еще колче и обидчивѣе, а напо-
 слѣдокъ даже споль дерзокъ, что когда Вип-
 пингенъ поднялъ бокаль и провозгласилъ
 шось за здоровье Эмиля, онъ одинъ не шро-
 нулъ рюмки; и когда всѣ, согрѣшые друже-
 скимъ разговоромъ и благороднымъ жаромъ
 вина, вспали съ мѣсть своихъ и съ чиспо-

сердечною веселостию начали прижимать новаго поварища и брата къ честному солдашскому сердцу, онъ одинъ остался какъ прикованный къ своему стулу.

„Я провозгласилъ постъ, любезный Шшернекъ“ — сказала Графъ Виппингенъ, стараясь поддержать дружескій тонъ общества, вполонину серьезно, вполонину шуща: — „и надъюсь, что вы не откажешесь сдѣлать мнѣ и моему госпю честь, выпить за его здоровье.“

„Графъ!“ отвѣчала Шшернекъ, и глаза его заблнспали, какъ глаза леопарда, выждавшаго свою добычу: „Графъ! отдаю всю честь хозяину; но я искони неохотникъ да шакъ называемыхъ выскочекъ и не позволю навязывать ихъ себѣ на шею: эпи вславныя блюда мнѣ по вкусу; мнѣ дѣлаешся ошъ нихъ шощно.“

„Безъ околичностей, если смъю просить“ — сказала Эмиль, вславъ съ своего стула и подошедъ къ Шшернеку съ видомъ человека, котораго чувство чести глубоко оскорблено.

„Ну, вы, господа придворные, въ другое время бываеште снабжены шакимъ шонкимъ слухомъ, что понимаете едва вполонину произнесенное слово; ошъ чего же шеперъ залегли у васъ уши? Кажешся, я выразился до-

вольно ясно. Расскажамъ вашимъ дѣвчѣ на парадѣ о непричастности къ сдѣланной всѣмъ намъ обидѣ, должны мы вѣрнѣ; но на повѣрку все равно, кто бы ни былъ шущѣ виновашъ; дѣло въ томъ, что вы всѣмъ намъ, что есмь, всѣмъ младшимъ васъ офицерамъ, спали на дорогѣ, а пошому пошѣ, кто спихнешъ васъ съ нее, окажешъ услугу своимъ товарищамъ. Понятно ли?“

„Совершенно!“ — отвѣчалъ спокойно Эмиль и просилъ назначить время, мѣсто и оружіе.

Шпернекъ съ пренебреженіемъ сказалъ, что это дѣло вызваннаго; но когда Эмиль возразилъ, что онъ гошовъ во всякій часъ, между тѣмъ какъ ему неизвѣстно, когда Шпернекъ, по обязанностямъ службы, можетъ ошлучиться; что будучи недавно въ городѣ, онъ не знаетъ удобныхъ мѣстъ, и что всякое оружіе для него равно, тогда Шпернекъ пробормоталъ: „завтра, въ восемь часовъ по утру, въ городекомъ лѣсу, и — какъ намъ уже всѣ уши прожужжали про ваше масперство въ спрѣльбѣ — на писнодешахъ. — Пянадцать шаговъ — чешыре пули. Но, я не спану долѣ нарушашъ здѣсь веселости — до свиданія.“ Съ сими словами онъ вспалъ, и не проспаясь ни съ госнями, ни съ хозяиномъ, вышелъ.

Все общество съ удивленіемъ смотрѣло ему въ слѣдъ; никто не говорилъ ни слова; наконецъ Эмиль прервалъ молчаніе, начавъ просить извиненія въ томъ, что былъ причиною непріятнаго происшествія. Всѣ спали увѣрявъ, что не онъ тому виною, и такимъ образомъ мало по малу общій разговоръ возобновился: всѣ сдѣлались опять шакъ веселы, какъ бы ничего не случилось. Всѣхъ непринужденнѣе былъ Эмиль. Ему пріятно было слышать, что Шпернекъ, исключая своей раздражительности, былъ человекъ весьма хорошій и пользовался въ полку всеобщимъ уваженіемъ. — Изъ многихъ вызвавшихся къ нему въ секунданты, избралъ онъ старшаго.

Эмиль во всю ночь не могъ сомкнуть глазъ. Мысль, что первымъ плодомъ прошивъ воли навязаннаго на него чина былъ вынужденный поединокъ, занимала его безпрестанно. Отклонить его не могъ онъ, не носыдивъ навсегда своего имени въ мнѣніи своихъ сослуживцевъ. Увѣренный въ мнѣности своей руки и въ вѣрности глаза, онъ зналъ, что если первый выпрыгнулъ досадается ему, то Шпернеку не долго жить осталось. Но къ чему послужитъ ему смерть Шпернека? Былъ убійцею оскор-

бленнаго челоѣка, у котораго въ первомъ порывѣ вырвалось нѣсколько жесткихъ словъ, но котораго, при спокойномъ духѣ, вѣрно переѣняли бы свои мысли — это не могло сдѣлать его счастливымъ; напрошивъ онъ спрашился, что се происшествіе будетъ преслѣдовать его во всю жизнь, какъ грозное привидѣніе. Съ другой стороны, если не удастся ему, по крайней мѣрѣ, лишить Шпернека возможности владѣть пистоле-помъ, то надобно было ожидать, что при второй, третьей или четвертой пулѣ ему самому придется опрравиться на пошъ свѣшъ, а такая штука казалась ему уже плоха. Онъ продолжалъ высчитывать въ головѣ своей всѣ возможные случаи, какъ вдругъ дверь отворилась и къ нему въ комнату вошелъ старый артиллерійскій Генераль Груберъ. Безъ дальнихъ околичностей Генераль сказалъ ему, что онъ сей часъ узналъ отъ Маіора Винпингена всю исторію; что, сколько помнишь себя, всегда бывалъ при поединкахъ однимъ изъ усерднѣйшихъ свидѣтелей; что хотя у Эмиля и есть уже секундантъ, но онъ просишь дозволенія быть вторымъ; что на случай несчастія, командировалъ онъ уже на мѣсто лекаря съ по-требнымъ запасомъ, а для побѣга того или

другаго за границу, взялъ съ собою и нужныя деньги.

Эмиль нѣсколькими словами искренно поблагодарилъ его за участіе; признался, что въ шакой пушѣ не пускался еще ни разу въ жизни; что ему весьма непріятно бытъ самому невинною пому причиною; но что впрочемъ онъ на себя надѣется, и на счетъ послѣдствій довольно спокоенъ.

„Не шакъ поспѣшно, молодой человекъ!“ — прервалъ его Генераль: „спрѣляшь въ человекѣ не то, что въ мишень. Если у тебя въ жилахъ не ледъ, то очень курьозно будешь на душѣ, когда ты спанешь прицѣливаясь въ Шшернека, и онъ будешь сморщитъ тебѣ прямо въ глаза; я видѣлъ, какъ въ шакия минушы дрожали люди, копорые съ самымъ хладнокровнымъ безспрашіемъ кидались на башпареи; а кшо дрожишь, шотъ не попадаешь. За промахъ же придется тебѣ заплашитъ дорого; Шшернекъ у насъ изъ лучшихъ спрѣлковъ.“

„Не безпокойшесь, Генераль!“ — возразилъ съ важностію Эмиль, погруженный въ мечшанія, копорыя перенесли его къ доброму опцу Валленроду, къ свяшолобимой имъ машери, и попомъ къ ногамъ Аделины: на всякій случай ему надобно было сказать имъ послѣднее просши. Съ шрудомъ могъ

онъ ошогнашь мрачныя мысли , представившія его воображенію ; но ему нужны были силы , чтобы пребыть твердымъ .

Едва прибылъ онъ съ Генераломъ и секундантомъ на условленное мѣсто , какъ явился и Штернекъ съ своими секунданцами и нѣсколькими офицерами ихъ полка .

Послѣ взаимныхъ привѣтствій , Генераль спалъ между обоими молодыми людьми и началъ говорить глухимъ голосомъ , кошорый однако жъ опзывался въ ухахъ околоспоящихъ , какъ тяжелые перекашы опдаленной бури .

„Одно изъ ужаснѣйшихъ варварствъ , оставшихся намъ опъ вѣка необразованности нашихъ предковъ , есть , безъ сомнѣнія , поединокъ . Не разумъ , не справедливость , не законъ , на нихъ обоихъ основанный , но мечъ , и въ новѣйшія времена исполеть , должны — не рѣшишь , кто изъ спорящихся правъ , не опмститъ оскорбленного , не дошавишь ему удовлетвореніе , а , во что бы то ни спало , окончишь споръ . *Ultima ratio regis* (*) есть превосходная надпись на Прусскихъ пушкахъ . Я не знаю другой приличнѣйшей : когда всѣ мирныя предложенія , когда всѣ доводы , кошорыми Король и народъ

(*) Последнее убъжденіе Короля .

спараюшя защишишь свои права и инвня , не помогаюшь , тогда должно подвезши послвднйя двуколесныя убвжденйя ; и прешде , нежели манифесшь о войнв выйдешъ изъ печати , уже скомандовано : садись на лафетъ ! на право ! маршь ! нааи ! — и тогда съ Богомъ впередъ . Тушь нвтъ высшей инстанци , нвтъ дальнвйшаго судьи , и пошому должно рвшиншь пушечное право . Такъ народъ прошивъ народа . — Но мы , частные граждане , состоящйе подъ закономъ и судьею , мы безуишвуемъ , когда думаемъ сами давать себъ право , и какъ ? со шпагою , съ пишолошомъ въ рукв . Какъ будшо бы обиженный получишь должное удовлетворенйе , если прошивникъ изуввчншь или и вовсе оширавишь его къ предкамъ ! Или , какъ будшо бы онъ — я говорю о образованномъ , честномъ , непричастномъ звврской мести человекв — можешъ найши въ шномъ удовлетворенйе , если изуродуешъ своего оскорбителя или и вовсе лишншь жизни ! — Въ Свверо-Американскихъ Шшапахъ , гдв люди любяшь честь и доброе имя не меньше нашего , о поединкахъ почти вовсе не слышно — ошъ чего ? Ошъ шого , что тамъ естъ законъ , по кошорому всякй охотникъ до поединковъ объявляешя безумнымъ ; его зашираюшь на всю жизнь въ домъ сумасшед-

шихъ, и все его имѣніе обращаютъ въ пользу заведеній для подобныхъ несчастныхъ. У насъ спранныя понятія о чести. Дѣлаешь долги, заимодавцевъ своихъ обманываешь самымъ постыднымъ образомъ, или по крайней мѣрѣ отрицаешь у нихъ на многія лѣта ихъ собственность; престоудныхъ дѣвушекъ легкомысленно лишашъ невинности, добраго имени и счастья цѣлой жизни, и пошомъ безжалостно, иногда даже съ поруганіемъ, оставяешь на произволь судьбы — что для нашей молодежи отнюдь не безчестно. Но если кто нибудь косо на насъ взглянешъ, если у кого въ пылу спрасши вырвется необдуманное слово, если какой невѣжа безъ воспишанія, безъ знанія приличій наступитъ намъ на ногу — тогда честь наша оскорблена, тогда человѣческая жизнь — не смотря на то, оскорбленный или оскорбитель лишился ея — или по крайней мѣрѣ нѣсколько ложекъ крови — все равно, обиженный или обидѣвшій прольешь ее — должны быть шѣмъ очистишельнымъ средствомъ, которое въ глазахъ нашихъ, глупыми предразсудками омраченныхъ согражданъ, одно можешь смышь пашно, нанесенное нашей, пакъ называемой честью. И эшомъ ужасный предразсудокъ, который, можешь бышь, уже въ концѣ будущаго столѣтія, на-

ши болѣ нравственныя, болѣ образованныя попомки, при прочихъ успѣхахъ нашего просвѣщенія, едвали будущъ считашь возможнымъ — не разъ уже похищаль у дѣшей опца, у жень супруговъ, у сестеръ братьевъ, у невѣсшъ жениховъ, у родителей сыновей — похищаль не только безъ вознагражденія, ибо сіе невозможно, но — что, при любви къ правосудію всякаго образованнаго Государства, едва вообразимо — даже безъ справедливаго удовлетворенія — безъ увѣренности, что убійца падшаго понесеть наказаніе за свое преступленіе. Ибо сочтемъ ли наказаніемъ два, три мѣсяца, кошорые проведешь онъ въ крѣпости, въ кругу своихъ поварихъ и другихъ весельчаконъ за бо-спононъ или бушылкою вина? И попому — благодареніе тѣмъ Монархамъ, кошорые прошивъ зла, опъ снисхожденія къ поединцикамъ кой - гдѣ возникшаго, принимаюшъ строгія мѣры, и всею силою закона преслѣдуюшъ пресупниковъ! Судъ, соснавленннй не изъ молодыхъ пылкихъ головъ, но изъ людей сшепенныхъ, умныхъ, знающихъ права и законы — людей, кошорые бы въ короткое время разсмотрѣли дѣло и въ полномъ при-сущствіи произнесли приговоръ — шакой Судъ могъ бы бышь дѣйствительнѣйшимъ прошивъ того средствонъ. И если бы по-

сшавлено было непремѣннымъ закономъ , чшобы *умышленно* оскорбляющіе честь со-
 брацій своихъ были чувствительно нака-
 зываемы, вызывашели же на поединокъ, какъ
 сумасшедшіе, сажаемы на долгое время на
 хлѣбъ да на воду; а убійцы своихъ соперни-
 ковъ безъ милосердія присуждаемы къ смерт-
 ной казни — шогда, ручаюсь вамъ, число
 поединковъ примѣшно уменьшился, и вся
 эта чума, эта заразителная спрасшь къ
 убійству въ короткое время совершенно
 исчезнешь. — Сообщивъ вамъ мои мысли, я
 спрашиваю васъ шеперь, господа, хошите
 ли, *должны ли* вы спръляшья? Спрашиваю
 васъ именемъ здраваго разсудка, кошорому
 всѣ мы покоряемся, именемъ Государства,
 кошорому принадлежишь жизнь ваша, име-
 немъ родныхъ и друзей вашихъ, именемъ —
 онъ ошановился на секунду и еще глуше
 произнесъ, какъ бы желая, чшобы вопросъ
 его, къ ихъ сердцамъ обращенный, шолько
 ими обоими могъ быть услышанъ — „име-
 немъ вашихъ любезныхъ, кошорыя въ ва-
 шемъ обладаніи, въ вашемъ счастии, въ люб-
 ви вашей находяшья все свое блаженство!“

Оба прошивника опустили глаза и пи-
 сполетшы. Въ воображеніи обоихъ, при по-
 слѣднихъ словахъ почшеннаго Генерала, мельк-
 нулъ одинъ и шотъ же прелесный образъ ;

у обонхъ, въ сокровенной глубинѣ сердець ихъ, опозвалось: Аделина.

Послѣ минушы молчанія, сказала наконецъ Шшернекъ въ полголоса: „пусти рѣшатъ господа секунданшы.“

„О, если такъ“ — радостно воскликнулъ старый Груберъ — „я старшій изъ вашихъ секундашовъ, и пошому надвюсю, что прочіе не спанушъ оспоривашъ у меня права подашь первый голосъ: вы не будете спрѣляшьяся.“

При сихъ словахъ, всѣ бывшіе шупъ офицеры, какъ бы по командѣ подступили на шагъ ближе. Соблюдая должное уваженіе къ чину и личнымъ достоинствамъ всѣмъ любимаго Генерала, они объявили, со всею вѣжливостію, но и съ швердою рѣшимостію, что Эмиль и Шшернекъ *должны* спрѣляшьяся. Признавая справедливосшь они говорили, что доколѣ свыше не будушь приняты прошивъ поединковъ дѣйствительнѣйшія мѣры, пока нарушеніе сущесвующаго на сей предметъ закона будушь наказываемо съ шполь чрезвычайнымъ снисхожденіемъ, пока шполь явно будушь видно намѣреніе Правительсва шерпѣшь дуэли, какъ зло необходимое, до шѣхъ поръ назначенный нынѣ поединокъ не можешь бышь опмѣненъ; иначе поспрадаешъ ошъ шого чешъ не шолько двухъ, вышедъ

шихъ другъ прошивъ друга офицеровъ, не и всего корпуса офицеровъ полка ихъ, досель славившихся своею храбростию. А пощому, какъ для самихъ ихъ, шакъ и для сбереженія добраго имени всего полка, они почдшають себя въ обязанности насшавашъ, чщобы дуэль непременно сосшоялась.

„Такъ спрѣлайшесь же!“ — восклицуль Генераль въ негодованіи, чщто благонамѣрен- ная рѣчь его снова была сказана на вѣщерь: „умываю руки мои предъ вами, какъ невин- ный въ крови ихъ; пусть падешъ она на главу шѣхъ, кщпо ее шребовашъ. — Теперь же, господа, если уже бышъ шакъ, шо при- нимайшесь за дѣло.“

Съ этой минушы не говорилъ онъ болѣе ни слова, а шолько смошрѣль, чщобы секун- даншы, при зарядиваніи пистшолетовъ, при опшмѣриваніи шаговъ и другихъ упошреб- пельныхъ при семь обрядахъ, въ шочности исполняли долгъ свой.

Шшернекъ былъ чрезвычайно уныль и блѣденъ. Нѣкошорыя слова Генерала шяжело пали на его сердце: это сдѣлало его мяг- кимъ и лишило бодрости; въ особеннѣши приводило его въ смущеніе ясное спокой- ствіе Эмиля.

Когда все было въ порядкѣ, Генераль, весьма опечаленный безуспѣшностию своего

предложенія, сказалъ : „судя по тому, что я слышала отъ достоверныхъ людей объ искушѣннѣ въ спальнѣ господина Валленрода, и что я сама знаю о масперствѣ Барона Шпернека, при четырёхкратномъ размѣнѣ нуль одинъ изъ нихъ *долженъ* оспариваться на мѣстѣ. И потому, если желаешь они сдѣлать еще какія нибудь порученія для сего свѣща, но извѣстно, что обязанность секундантовъ пребуешь принявъ отъ нихъ такія порученія, свято сохранишь ихъ, и въ точности исполнишь.

Шпернекъ обратился къ своимъ секундантамъ, и, въ предчувствіи близкой смерти, сказалъ имъ нѣсколько словъ, означающихъ послѣднюю его волю. Эмиль подошелъ къ Генералу, поблагодарилъ его за отличную честь, оказанную ему вызовомъ почтеннаго вояна быль его секундантомъ, и потомъ произнесъ : „на семь свѣщъ я ничего не могу назвать своимъ, кромѣ моей милой, доброй маперы; отдайте ей, если я паду, мой послѣдній поклонъ; я не начиналъ этой ссоры; ежели мнѣ суждено быль ея жертвою, то умру невиновно; скажите это ей въ мое оправданіе и для ея утѣшенія. — Принцесса Аделипа“ — присовокупилъ онъ гораздо шше и понутивъ глаза — „она удостоивала меня своею благожелательностію; скажите ей“

— и его, полный доверенности взоръ обратился къ достойному доверенности шарому воину — „скажите ей, что я не умѣю выразить моею благодарности за то лестное благоволеніе, которымъ почтила она послѣдніе дни мои, и сдѣлала ихъ счастливейшими днями моею жизни. Она, одна она будетъ послѣднею моею мыслию.“

Шарикъ Груберъ былъ бы вовсе безъ глазъ и безъ ушей, если бы не замѣнилъ священнаго огня, который въ этомъ юномъ сердцѣ горѣлъ чисто, какъ пламя на жертвенникѣ Весшалки. Онъ почти испугался дерзкаго признанія; только предчувствіе близкой смерти, только увѣренность, что спойшь на ужасномъ мосту, ошдѣляющемъ землю отъ неба, гдѣ нѣтъ ни различія соспояній, ни предубѣжденій породы и знашнаго сана, могли внушить Эмилю смѣлость сдѣлать Генерала — человека впрочемъ все ему чужаго — повѣреннымъ шакой шайны. Какъ молнія блеснула въ головѣ шарика мысль: не лучше ли можешь быть будешь, если соспрадательная пуля пробьешь шеперь разомъ это сердце, нежели износишь оно медленно, въ неизъяснимыхъ мученіяхъ несчастной любви?

Между шѣмъ у обоихъ поединщиковъ начался благородный споръ о томъ, кому

спрѣляшь прежде. Ни одинъ изъ нихъ не хотѣлъ сдѣлать перваго выстрѣла. Шшернекъ утверждалъ, что сей выстрѣлъ принадлежишь Эмилю, жестоко оскорбленному имъ въ домѣ Маіора Виппингена; Эмиль, напрошивъ, старался всячески доказать, что не онъ, а Шшернекъ обиженъ, потому что Шшернекъ заступаетъ мѣсто всѣхъ шѣхъ офицеровъ, которымъ онъ производствомъ своимъ сѣлъ на голову, и чрезъ то всѣхъ ихъ обидѣлъ. „Что съ моей стороны“ — продолжалъ Эмиль съ жаромъ: — „обида сія сдѣлана не съ намѣреніемъ, неидеть къ дѣлу; доспапочно того, что обида дѣйствительна сдѣлана, и слѣдовательно по приговору моихъ товарищей должна бытъ заглажена кровью. Я самъ никакъ не могу признашь себя обиженною стороною: нѣсколько жесткихъ словъ, сказанныхъ Барономъ Шшернекомъ вчера ввечеру, не могутъ бытъ почитены оскорбленіемъ; это было изліаніе справедливаго негодованія Барона на дѣйствительное оскорбленіе, сдѣланное ему моимъ повышеніемъ; въ подобныхъ обстоятельствахъ, я бы самъ безъ сомнѣнія сказалъ то же. А какъ слова сіи относились не къ повышенному, а собственно къ повышенію, или, еще ближе, къ повысившему меня, то такой обиды и не могу я признашь на

свой счетъ; — слѣдовательно не могу и не буду дѣлать пераго выстрѣла, а долженъ во всякомъ случаѣ предоставить его Барону Шпернеку.“

Споръ все еще продолжался; наконецъ Эмиль сказалъ, что къ приведеннымъ уже имъ причинамъ онъ долженъ присовокупить и ту, что если ему доспанешся стрѣлять первому, то Шпернекъ не будетъ уже имѣть втораго выстрѣла.

Нѣкоторые изъ околостоящихъ офицеровъ, считая слова сіи хвасшовствомъ, возразили, что хотя и можно полагаться на свое искусство, но что такая самонадѣянность бываетъ иногда обманчива, а потому они и просятъ его уступитъ большинству голосовъ, которое первый выстрѣлъ присуждаетъ ему.

„Ну, одной пули и одной пуговицы жалѣшь нѣчего“ — сказалъ Эмиль, почти въ шопъ легкой шушки: „шамъ на изгородѣ виситъ старый камзолъ; вѣроятно принадлежитъ онъ крестьянину, на горѣ работающему; отдайше ему“ — онъ положилъ монету на стоящій вблизи пень — „отдайше ему што за верхнюю мѣдную пуговицу его камзола.“ При сихъ словахъ онъ поднялъ пистолетъ и, не цѣлясь долго, спустилъ

курокъ : верхняя пуговица слезла съ камзола.

Смѣрили разстояніе : 26 шаговъ.

Генераль не могъ удержаться , чшобы не пробормошашъ : bravo ; и эшо слово ошдалось въ душѣ Шшернека , какъ звукъ призывной трубы на послѣднее судилище міра : чшо Эмиль сказалъ ужасную правду , чшо если первый выстрѣлъ доспанелся Эмилю , то ему не имѣшь вшораго — эша истина въ глазахъ его казалась шеперь ясною , какъ солнце.

Верхняя пуговица крешьянскаго камзола сдѣлала въ совѣщаніяхъ о правѣ перваго выстрѣла рѣшишельный приговоръ . Теперь , когда Эмиль , снова зарядивъ пистолеши , спашь ошашь просишь соперника своего пригошовишься къ выстрѣлу , нишо уже не прошиворѣчилъ .

„Если г. Поручикъ непременно эшого шребуешъ“ — сказали Шшернеку его секунданшы , и ошощли на спорону . Генераль молчалъ , видя изо всѣхъ пошупковъ Эмиля , чшо онъ , въ мрачномъ предчувствіи несчаши , угрожающихъ неравною любви его , не хотѣлъ долѣе жишь . Рѣшишельная минуша настала .

Эмиль спокойно выспавилъ сопернику широкую грудь свою . Взоры его ушпрями-

лись на Шпернековъ глазъ и писполеть; душа была у Аделины.

Шпернекъ, у котораго съ выстрѣла въ пуговицу не осталось въ лицѣ ни кровинки, дрожалъ всѣми членами. Какъ ни досадовалъ онъ на эту дрожь, какъ ни спарался превозмочь себя, никакъ не могъ опдѣлаться отъ невольнаго зноба, который подиралъ его по кожѣ, пробѣгалъ по всѣмъ костямъ. Какъ будто бы Эмиль всадилъ ему прокляшую пуговицу въ глаза, въ дыхательное горло, въ правую руку: онъ не могъ видѣть, не могъ дышать, не могъ держаться писполеша. Наконецъ, чтобы успѣть выстрѣлить прежде, нежели задохнется, спустилъ онъ курокъ. Пуля пролетѣла на полвершка мимо Эмиля, въ стоявшее сзади его дерево. Изъ каждаго листка этого дерева въперокъ шепсаль, и безъ того уже полумершвому Шпернеку, неизбѣжный смертный приговоръ. У всѣхъ около стоящихъ заналось дыханіе.

Ужасная тишина.

Наконецъ Эмиль прервалъ молчаніе. „Господа“ — сказалъ онъ: „упомянулъ давиче объ обманчивой самонадѣянности; можешь бышь, удачу перваго моего выстрѣла принимаюшь они случаю; — шупъ рѣшишь вшора пуговица.“

При семь словъ вторая пуговица крестьянскаго камзола взлетѣла на воздухъ.

„Больше уваженія, г. Поручикъ!“ — воскликнулъ первый секундантъ Шпернека въ порывъ горячности.

„Больше уваженія, государь мой!“ — возразилъ Эмиль, и удерживаемое имъ доселѣ негодованіе на задорность молодыхъ господъ покрыло щеки его темною краскою. „Кто зашѣлъ всю эту ссору? — Вы всѣ вмѣстѣ. — Кто раздражалъ, кто подстрекалъ Барона Шпернека до тѣхъ поръ, пока онъ рѣшился сдѣлать шагъ, ему шеперь столь же неприятный, какъ и мнѣ? — Вы всѣ вмѣстѣ; одинъ менѣе, другой болѣе. — Кто пресѣкъ дорогу примиренія, которую предлагалъ нашъ почтенный другъ, Генераль? Кто зашкнулъ уши ошъ совѣша мудрости, ошъ просьбы чловѣчества? — Вы, вы всѣ вмѣстѣ. — Кто всеми силами старался поддержать старый согнившій пенъ — ложное понятіе о *ложной* чести, которое хотѣлъ вырвать съ корнемъ изъ душъ вашихъ поборникъ *истинной* чести, презирающій предразсудки? — Вы, вы всѣ. — Кто наставлялъ на шомъ, чшобы изъ за ничтожной причины невинно была пролиша кровь чловѣческая, жизнь собрата вашего посажена на пулю? — Вы, вы всѣ. — И что жъ?

Когда мы, въ удовольствованіе вашему варварскому предразсудку, неуспрашимо спали другъ прошивъ друга, когда соперникъ мой далъ промахъ, а я, вмѣсто того, чшобы намѣшпшь на его сердце — на сердце чело-вѣка, кошораго едва знаю, кошорому несправедливый его прошивъ меня посшупокъ, мною же самимъ извиненный, я уже давно просшилъ опъ искренности души — когда я, вмѣсто того, выспрѣлалъ въ первый предметъ, представившійся глазамъ моимъ — вы же говорите о неуваженіи! Я считалъ, что не могу дать Барону Шпернеку лучшаго доказательства моего къ нему расположенія, моего желанія къ примиренію; уваженія же къ кому бы шо ни было, кошорое должно сосшопшь въ шомъ, чшобы хладнокровно заспрѣлалъ его, какъ муху, я не знаю и не могу понять. Или, не надобно ли мнѣ было, по вашему, пришвориться, будшо бы я цѣлалъ въ него, но промахнулся? — Эшого не хотѣлъ я сдѣлать и пошому, что подобной комедіи, изъ уваженія къ нему и къ вамъ, не хотѣлъ играть, и для того, чшобы и онъ, и вы всѣ видѣли, чшо жизнь его была въ моихъ рукахъ, но я не находилъ удовольствія проспрѣлалъ его. Развъ въ вашихъ шурнирныхъ книгахъ новѣйшаго времени еспъ законъ, кошорый бы *принуждалъ*

застрѣлишь своего соперника? Развѣ я не господинъ своего оружія? Развѣ не могу спрѣлаться, куда хочу? Чшо же будешь, если я вашъ ошзывъ, будшо бы я обошелся неуважительно съ общимъ вашимъ заступникомъ, Барономъ Шшернекомъ, приму за гораздо важнѣйшее оскорбленіе, нежели всѣ прежнія, подавшія поводъ къ наслодшему поединку? Чшо, если я опъ васъ, и опъ всѣхъ собравшихся здѣсь господъ офицеровъ одинакаго съ вами мнѣнія, пошребую удовольшворенія? Чшо, если всѣ предшоящіе госнода, какъ надобно судишь по преждеизъявленному ими образу мыслей о необходимости поединка, ошанушь на вашу спорону, и я долженъ буду спрѣлаться со всѣми? Чшо, если я, какъ обиженная сперона, воспользуюсь правомъ перваго выспрѣла и, благодаря моему искусшву, переспрѣлаю васъ одного за другимъ? И, если васъ избе-ру я послѣднимъ, не признаешесь ли вы шогда, окруженные убишыми вашими поваршцами, чшо поединокъ вообще ешть безумшво, ешть самый несправедливѣйшій способъ доказывать свою справедливосшь? И если я шогда, упомленный убійшвомъ, вмѣсно шого, чшобы выспрѣлить въ васъ, пуцу пулю на воздухъ, повшорите ли вы мнѣ упрекъ вашъ въ неуваженіи? — “

„Ошвѣчайте мнѣ, если сибю просинь!“ — сказала Эмиль спустя нѣсколько минушь, видя, что всѣ молчатъ, и огненный взглядъ его строгого смотрѣлъ на секунданца Шпернекова, сдѣлавшаго ему упрекъ; но сей безмолвствовалъ, и глаза его не смѣли встрѣниться съ глазами нашего героя.

Генералъ улыбался съ видомъ одобренія: слова Эмиля какъ будто бы выходили изъ собственной души стараго воина. Дѣвъ, по себѣ споль ничтожныя пуговицы, придали строгой рѣчи Эмиля совсѣмъ особенный вѣсъ. Всякое слово попадало въ цѣль, и каждый изъ предстоящихъ помышлялъ уже о послѣднемъ своемъ часѣ; всѣ спояли, насупясь, и молчали.

„Что жъ, развѣ я не спю ошвѣща?“ спросилъ раздраженный Эмиль, и звукъ его голоса опозвался какъ острый мечъ, и изъ подъ прекрасныхъ бровей его вылетѣлъ грозный взглядъ на ошвѣщаго, такъ, что сей въ минушу получилъ даръ слова и едва понимашо пробормоталъ, что преемное выраженіе его было произнесено опнюдь не въ намереніи оскорбить Эмиля.

„Ну, если такъ“ — ошвѣчалъ примиренный Эмиль: — „шо пожалуйте намъ другую пару пуль. Не угодно ли вамъ спрѣлать, Баронъ?“

Показалось ли шеперь Шшернеку, что Эмилево долгошерпвнне уже испошчалось, и что онъ въ другой разъ не будетъ спрвляашъ на воздухъ, а постарается, буде пуля Шшернека пролетитъ мимо, показашъ свое машерство, шакъ, чтобы не дошла болве очередь до размвна прешей и чешвершой пули, или во взорахъ околосшоящихъ пречель онъ просьбу употребитъ всв силы избавитъ ихъ отъ ужаснаго рыцаря, который шакъ охотно вызываешся усшроитъ и для нихъ кровавое пиршештво — какъ бы шо ни было, онъ приложилъ. Генераль, и съ нимъ можешъ бытъ Эмиль и другой секундантъ его, полагаали навврное, что Шшернекъ, шакъ явно обязаный жизнью великодушю Эмиля, прекратитъ поединокъ; но они ошиблись! Шшернекъ приложилъ. Генераль, чрезвычайно раздраженный такою неожиданностю, не могъ удержашся, чтобы съ внушренимъ негодованемъ не пробормошашъ: „гмь!“

Во всемъ собраніи не слышно было дыханія. Всв глаза были усшремлены на грудь Эмиля, чтобы видвшь, куда попадетъ пуля. Рука Шшернека мвшила шеперь вврно и швердо. По щекамъ Эмиля пробвжала легкая блвдность. Онъ смолрвль на ошверстие Шшернекова пистолета; если бы шотъ спу-

спилъ въ вѣшу минушу куроць, шо пуля про-
шла бы ему прямо сквозь сердце.

Выспрѣвъ раздался. Пуля просвиспала
мимо уха Эмилева, и опяшь вонзилась въ
сплоящее сзади дерево.

„Боле уваженіа пребоваль ошь меня
вашь секунданшь“ — сказалъ Эмиль, сильно
раздраженный неблагодарносцію Шшернека:
„и инакъ я должень счишашь за особенную
чеснь, что Баронъ Шшернекъ весьма серьез-
но въ меня мѣшилъ. Долгъ плашежемъ кра-
еень. Извольше спановишьяся, Баронъ! Вспо-
минше, что сердце по крайней мѣрь вдеся-
щиро боле пуговицы, и что шеперь цѣль
моя одиннадцашью шагами, слѣдовашельно
почти половиною ближе прежняго; а пошо-
му предайше Богу душу вашу.“ Съ сими
словами поднялъ онъ пистолешъ и напшянулъ
куроць.

„Еще одно слово!“ — прѣрвалъ его Ге-
нераль, и обратился къ Шшернеку: „Вы
спонше на краю гроба, и сами заслужили
смерть свою. Вы послушались боле внуше-
ній другихъ людей, нежели вашего собешвен-
наго чувшва, и посягнули на жизнь шого,
кто приспидилъ васъ своимъ великодушіемъ.
Теперь законъ собешвеннаго охраненія заспа-
валенъ соперника вашего прибѣгнушь къ
праву вынужденной обороны; онъ должень

вспорою пулею отправишь васъ на погъ свѣтъ, чшобы вы прешью не раздробили ему головы. Когда онъ прицѣлился, вамъ останешся жишь не болѣе двухъ секундъ — вшо машемашически точно. Ишакъ — пригошовьшесь, Баронъ Шшернекъ, къ важнѣйшему шагу, какой предспоишь челоувку — къ шагу изъ прелестной здѣшней жизни во гробъ. Къ вшой ужасной пропасти привель васъ предразсудокъ о необходимости поединка. О, если бы далъ Богъ, чшобы кусокъ свинца, кошорый черезъ нѣсколько минушь разорвешъ ваше сердце или разможишь вашу голову, могъ бышь приложенъ вмѣсто печашки къ Государсшвенному закону, предписывающему на вѣчныя времена спрожайшее наказаніе за поединки — шогда я благословиль бы смершь вашу; шогда она послужила бы ко спасенію насшоящему и послѣдующимъ вѣкамъ! — Но, какъ, благодаря превращнымъ понашіямъ нашихъ современниковъ, нельзя ожидать, чшобъ вы были послѣднею жерпвою вшого безумнаго ослѣпленія, шо по крайней мѣрѣ помознимся мы за вашу спрадашческую кончину, за вашъ покой во гробъ, за милосердый приговоръ въ день великаго суда, и за шѣхъ несчастныхъ, кошорыхъ смершь ваша погрузишь въ глубочайшую печаль. — Когда мы обращаемся съ молишвою

къ нашему Создателью, шо вшо должно быше съ непокрышою головою. Шляпы долой, господа!"

И всѣ сняли шляпы и кивера. Торжественная пишина въ эту важную минушу имѣла неописанное дѣйствіе. Священный шумъ опдаденнаго лѣса, шелестъ листьевъ стараго вочшеннаго дерева, въ шѣни копошаго они стояли, и шопощъ благочесныхъ успѣ, молящихся за погибающаго друга — вошъ все, чшо было слышно въ это мгновеніе.

Генераль опяшь надѣлъ шляпу, подошелъ къ Шшернеку, прижалъ его къ своей груди и сказалъ нѣсколько дружескихъ словъ на вѣчную разлуку. Ему хотѣли послѣдовать и прочіе офицеры; но Шшернекъ воскликнулъ: „не разнѣживайте меня напрасно, шоварищи! Хочу умереть съ швердосшію солдаша. Любовь вашу беру съ собою во гробъ — Спрѣляйте, г. Поручикъ!"

Эмиль — еще стоялъ Шшернекъ въ полной свѣжести и здоровѣ; легкое движеніе пальца, и онъ упалъ бы обогренннй кровію! Всѣ смошрѣли на него; каждый хотѣлъ удержашъ въ памяти образъ его на цѣлую жизнь. — Чшобы не продлить напрасно смершельнаго мученія Шшернекова и всѣхъ предстоящихъ, Эмиль не долго медлялъ; онъ схватилъ

писмоলেখъ сказахъ: „въ прешій разъ“, при-
ложился — и вылетѣвшая пуля унесла съ со-
бою прешью пуговицу съ крестьянскаго
камзола.

Шшернекъ не могъ болѣе прошившись;
онъ бросилъ писмоলেখъ свой на землю, ки-
нулся съ опшвершными объашіями на вспрѣ-
чу къ Эмилю, прижалъ его къ сердцу, и силь-
но пронущій воскликнулъ: „Великодушный,
благородный человекъ! Ты побѣдилъ меня.
Удостой меня швоей дружбы, и моя жизнь
на вѣки принадлежишь тебѣ!“

Генералъ обняхъ обоихъ, и Эмиль при-
жалъ новопріобрѣшеннаго брата радостно къ
груди евоей. Обнявшись, спросили они пред-
сшоящихъ, не имѣешь ли еще кшо изъ нихъ
сказахъ чшо нибудь прошивъ нихъ и про-
шивъ ихъ примиренія. И когда всѣ, съ не-
пришворнымъ одобреніемъ, единогласно объ-
явили, чшо оспашущся довольными, и радо-
стно принимающъ въ кругъ свой Эмиля,
какъ испышаннаго шоварища, Генералъ, съ
облегченнымъ сердцемъ, махнулъ шляпою,
прокомандовалъ: „впередъ на передки,“ и на
возвращномъ пуши просилъ всѣхъ, бывшихъ
шущъ офицеровъ, на другой день къ себѣ на
ужинъ.

Эмиль признался шеперь чшшосердечно,
чшо Шшернеково прицѣливаніе во вшорой
*.

разъ очень его разсердило, что въ порывъ негодованія онъ даже рѣшался положить конецъ дѣлу; но что общая молитва его обезоружила. „Спранно“ — сказала онъ, и прижалъ своего новаго друга, Шшернека, къ сердцу — „когда, въ благоговѣйную минушу всеобщей молебны, все вокругъ меня было такъ тихо, тогда, какъ бы вдохновеніемъ свыше, пришли мнѣ на память изъ уроковъ младенческихъ лѣтъ моихъ слова Спасителя: ежели двое изъ васъ на земли согласятся просить о чемъ либо; все что будетъ дано имъ отъ Отца Моего небеснаго. Вы все молились за Шшернека, и я, я долженъ былъ умеривить его? Ни за какую цѣну не въ состояніи былъ я въ него выспрѣдаться, хотя бы это въ то же мгновеніе спомало мнѣ жизни. И такъ вы видите, любезные друзья, что счастливое окончаніе нашей ссоры и побѣда надъ овладѣвшею мною спраспью принадлежишь не мнѣ, а нашему почтенному Генералу, потому что ему обязаны мы благодарнымъ воззваніемъ къ молитвѣ.“

За два часа передъ симъ, можешь бышь еще многимъ изъ собравшагося общества пришло бы въ голову пооспрѣдаться на счетъ такихъ назидательныхъ поученій молодаго гусара Эмиля; но при камзолныхъ пуговицы, какъ при шажелыхъ печати, смыкади уста.

легкомысленнымъ оспроумцамъ; лучшіе же изъ офицеровъ, чѣмъ болѣе узнавали Эмиля и его чистую, неспорченную нравствен- ность, жѣмъ болѣе радовались чести быти его соповарищами.

Въ нѣсколько часовъ молва о семъ рѣд- комъ происшествіи разнеслась по цѣлому го- роду; Генералъ и всѣ бывшіе при поединкѣ зрители, другъ передъ другомъ выхваляли Эми- леву храбрость, его спокойствіе, благород- ство и нѣжность поступковъ во все про- долженіе дѣла. Всякій образованный молодой офицеръ спаразя познакомился съ Эми- лемъ, и вскорѣ изъ обхожденія съ нимъ удо- стовѣрился въ его любезности и опличныхъ свойствахъ. Шернекъ же заплашилъ крестья- нину за камзолъ, почти совсѣмъ распрѣ- ланный, щедрою рукою, и сохранилъ его, въ воспоминаніе незабвеннаго дня, какъ драго- цѣннѣйшую для себя вещь.

А.

Н Е Ч А Я Н Н О С Т И.

Повесть, соч. Августа Лафонтена.

Г Е Н Р И Е Т А К Ъ Ю Л И И.

Фиттенвальдъ.

Пусть мужчины говорятъ, что они управляютъ судьбою свѣша: мы будемъ управлять ихъ судьбою, а это все то же, если не болѣе. Тешушкѣ, мнѣ и Юли, прѣмь Паркамъ, достается на часъ сошка съ судьбу Карлоса — да, Карлоса! Можно ли называть Карломъ того, кто побѣдилъ злаго демона и входилъ съ побѣдителями въ Парижъ?

Но теперь своя доля, милая, прѣшь ты этого высокомернаго челоука, кошорый не хочетъ знать другой надъ собою власти, кромѣ собственной своей воли. Будь внимательна ко всему, что я говоришь спану — чтобы все хорошенько намъ удалось. Тогда пусть же скажешь Карлосъ: охъ, вы дѣвушки! вы богини судьбы!

Дядя мой, Карловъ отецъ, шаковъ, какъ ж всѣ мужчины: воля его должна быть закономъ, хотя бы съ нею рушился свѣшь. Онъ гордится шѣмъ, что идетъ все прямымъ путемъ; это принудило насъ, Тешушку, ме-

ня и его крошкую, добрую жену, выбирашь окольные пуши, кошорые бы вели насъ и его къ шой цѣли, къ какой намъ хочешся. Всякій разъ, когда намъ удавалось достигнуть околицей, куда хошѣль онъ дойти прямо, обыкновенно подбоченивался онъ и говорилъ намъ: вошь видише! Мы кланялись ему съ усмѣшкой, и давали полную волю судить, рядить и махать руками — мы вѣдь шожь были у цѣли.

Но сынокъ его! Карлъ! Чшобъ шожь поддался ему! Боже избави! Они — какъ исполнѣ прошивъ исполина! прямой пушь прошивъ прямого пуши! мужчина прошивъ мужчины!

„Послушай, Карлъ! дружечекъ Карлъ!“ кричали мы ему всѣ при вмѣстѣ: я, шешушка и машь его: „одно ласковое словечко, одна маленькая окольная шропинка, могушь много сдѣлать.“

„Не люблю ни вашихъ ласковыхъ словечекъ, ни окольныхъ шропинокъ!“ ошвѣчалъ онъ, надувшись, и всякій день за завпракомъ бывали у насъ пасмурныя лица, за обѣдомъ споры, къ вечеру примиреніе — пошому чшо ошець и сынъ дѣйствительнѣ уважаюшь и любяшь другъ друга — на другой же день ошяшь начиналась буря.

„Карлу надобно выбраться изъ дому!“ говорилъ нашъ крошкій дядя, Захарій, шк-

хнмъ своимъ голосомъ. Этого намъ не хотѣлось; намъ хотѣлось чѣмъ сынь уступилъ отцу. Наконецъ крикъ, шумъ, гамъ съ каждымъ днемъ спановиался сильнѣе и сильнѣе — наконецъ Карлъ уложилъ свой чемоданъ, со слезами на глазахъ, бросился отцу на шею и отправился въ Гещингенъ.

Отецъ, проводивъ его, говорилъ: „То-то славный малый! Карлъ славный малый! Онъ человекъ, настоящій человекъ! Вы, женщины, этого не понимаеете. Онъ человекъ!“

Шахматную игру продолжали они черезъ письма, пошному чѣмъ отецъ — щеперь-щѣ прошу швоей внимательности, Юлія — отецъ клялся своею головою, чѣмъ Карлъ долженъ отдать свою руку Адели — ты знаеешь, какъ онъ ее любишь; но пошному самому Карлъ говорилъ: *не хочу!* и клялся также своею головою, чѣмъ этого не бузещь.

Таковы-шо мужчины!

Но зачѣмъ же, башюшка — кричали мы всѣ при — зачѣмъ не покажете вы ему Адели хоть разокъ, одинъ разокъ? Если онъ увидишь ешу милую дѣвушку однимъ взглядомъ, однимъ соннымъ своимъ глазомъ, ручаемся, чѣмъ онъ влюбится въ нее по уши.

„Нѣтъ! онъ долженъ повиноваться, не выдавъ ея.“

„Карль! Карль!“ говорили мы: „да по-
смотри ты Адель хоть разокъ, одинъ ра-
зокъ. Она прекрасна, какъ Рекка, невинна,
какъ Текла, мила, какъ Ангель! посмотри
ты ее хоть разокъ.“

„Не хочу ее видѣть. Я видѣ не рабъ ея.
Не хочу ее видѣть.“

По этому хорошо, что наконецъ оны
ошъ насъ уѣхалъ.

Ощецъ въ каждомъ письмѣ грозилъ сыну,
воскликая: „Шахъ Царю!“ а сынокъ, вмѣсто
шого, чщобъ ошодвинушъ своего Царя, вос-
клмцалъ также: „Шахъ Царю!“

Развѣ такъ играютъ?

Но всего смѣшнѣе при шомъ было, ко-
гда мы, поперывъ шерпѣнѣ, говорили что
нибудъ прощивъ сына, или писали прощивъ
ощца — шогда ощецъ защищалъ сына, а
сынъ ошца.

Въ шо время у насъ у самихъ было
много хлопотъ: надобно было моего обожа-
щедя, искавцаго моей руки — сердцемъ вла-
дѣль онъ давно, самъ шого не зная — позна-
комишъ врямымъ пущамъ съ моимъ дядей, и
снискашъ ему благосклонность его. Они уль
видѣлись, но мой женихъ ему не понравилъся,
пошому что, обращаясь со мною, по словамъ
дяди, какъ съ нравкою: *на трона мейя*, смот-
рѣлъ мнѣ въ глаза, обожалъ меня, какъ бо-

гнью, и ошь одного движенія бровей можь шрепешаль, какъ ошь грозы.

„Посмошрѣла бы шы, каковъ будешь Карль въ шакомъ положеніи!“ восклицаль громогласно дядя.

„Дядюшка!“ говорила я: „для каждаго человека пробьешь часъ, и если бь шешушка пошрудилась расказашь....“

„Расказашь, воспрушка! Я взяль жену прошивъ воли моего ошца, прошивъ воли ея ошца, да врьдъ ли не прошивъ собшвенной моей и ея воли; а моя жена шаки была кое-чшо! да! скажи мнѣ, чѣмъ шы докажешь своему поклоннику, чшо шы Ангель? чшо шы пьешь ни больше, ни меньше, какъ правяной кузнечикъ, вшь не болѣе мошылка, и всякій день спановишься шяжешію ближе къ насѣкомому? Ты моешь руки чаще, неже-ли Турокъ, и учишь каждое ушро чувспвишельныя мѣша изъ Жанъ-Поля, чшобъ ими штеголяшь вечеромъ передъ швоимъ обожашемъ, съ унылою гримасою на лицѣ, кошорая очень ешпешшвенна, пошому чшо ноги швои шшиснушы въ узкихъ башмакахъ. Вошь все добро, кошорое шы принесешь въ домъ къ мужу. Повѣрь мнѣ, если бь не швое прида-ное, и не швои пашь шысячь шаеровъ — повѣрь мнѣ, Генріеша, — онь себѣ на умѣ.“

Я должна была очень краснѣшь, Юлія.

Короче, дядя приказалъ мнѣ наконецъ сдѣлать помолвку; но свадьбу велѣлъ опло-
жнить до шѣхъ поръ, пока не ворошится
Карлъ изъ Франціи. Несправедливо было бы,
говорилъ онъ, чѣшобъ мы здѣсь пиروвали, ко-
гда шамъ борюшся на нуши смерти.

Карлъ съ Прусскимъ войскомъ былъ при
Люценѣ, при Бауценѣ, во всѣхъ сраженіяхъ.

Можешь предсхавишь себѣ, Юлія, чѣш
чувсшвовала бѣдная мамъ его, и какъ мы съ
нею спрадали.

Дядя сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ — про-
клиналъ войну и плакалъ, но украдкою;
когда же выходилъ къ намъ, шю надобно бы-
ло имѣшь при немъ два лица, какъ у Януса,
или какъ у Индійскихъ исшукановъ. Все
было не по немъ. Если мы грусшили, онъ
кричалъ: „а, къ чоршу! понимающъ ли жен-
щины, чѣш такое ошечесшво!“ Когда мы
улыбались, онъ говорилъ: „желалъ бы я знашь,
каково шеперь на лицѣ у Карла“ — шакъ,
чѣш наконецъ наши лица похожи были на
шѣ, какія Живошсець шолько чѣш обрисо-
вываешъ, и еще никшо не знаешъ, чѣш изъ
нихъ выйдешъ.

Между шѣмъ любовь моя, перейдя шу
важную эпоху, въ кошорой мнѣ казалось,
будшо я живу не на землѣ, должна была пой-
ши шакъ шихо и смиренно, какъ ходяшь за;

зываетъ на похороны; а женихъ мой, во время нашего горя, не зная, угождать ли своей любви или нашей печали, дѣлалъ такое странное, слабодушное лице, что я чувствъ было ему не оказала.

Ты не можешь представить, какъ отъ души порадовались мы, когда наконецъ взявъ былъ Парижъ, и намъ, какъ уликамъ, можно было выснавивъ опять рога и лица свои изъ раковины.

Но въ это самое время вышла у меня съ женихомъ ссора. Надобно же мнѣ было знать, далеко ли заводишь его гнѣвъ.

Да, онъ пошелъ далеко, какъ мужчина; и у меня спало сердце разрывавъ отъ раскаянiя и досады, а шумъ дѣда шребовалъ, чшобъ на лицѣ моемъ видны были любовь, радость, шоржество и крпность.

„Мое лице вѣдь не газета, дядюшка!“ сказала я наконецъ. „Мало ли чего не случится въ жизни, о чемъ со всѣмъ не пишуть въ газетахъ.“

— „За вѣно должна ты благодарить Бога; ты ведешь войну съ швоишь лицомъ, глазами, бровями и лбомъ; на швоишь губахъ злоба выснавила свои знамена и бивачные отны горятъ на щекать швоишь. Бьюсь объ закладъ, что ты нѣтъ съ неделью ни разу не сморѣлась въ зеркало, Генриета?“

Я поскорѣе подбѣжала къ зеркалу и испугалась самой себя. Тогда заключила я миръ съ дядей и съ женихомъ.

Тогда получили мы письмо отъ Карла, въ которомъ писалъ онъ, что собирается ѣхать домой. Пять лѣтъ мы его не видали. Сидя въ кружку, спрашивали мы другъ друга, каковъ онъ долженъ быть теперь, и къ лицу ли ему сабельный рубецъ, полученный въ Саксоніи. Мы не знали, на кофрой щекъ впошь рубецъ; но все соглашались, что мужескому лицу шакже идешь рубецъ отъ сабли, какъ двушкѣ ямочки на щекахъ.

Дядя не хотѣлъ показашь, какъ ему нравились нашъ разговоръ; однако не вытерпѣлъ и сказалъ пріятельнѣе шоновъ: „всѣ двушки неравнодушны къ сабельнымъ рубцамъ; впрочемъ впо самое лучшее изъ всего, что имъ во сердцу.“

Карла ожидали мы ешедневно, почти съ каждымъ часомъ; но онъ все не ѣхалъ.

Одна изъ насъ шроихъ всегда спояла у окна и караулила; мой женихъ, которому вдругъ вздумалось ревновашь меня къ Карлу, долженъ былъ часпо спояць на часахъ, когда мы убрали Карлову комнату всѣмъ, что могло быть для него мило.

Но его все не было. Мы начинали сердиться, а онъ все не ѣхалъ.

Дядя говорилъ: „будьше, какъ я; я объ немъ совсѣмъ не думаю.“ Но онъ маршировалъ по залу взадъ и впередъ, насвистывая себѣ походный маршь, и только объ немъ и думалъ. Я чинила на его лицѣ все, что вершалося въ его головѣ. Когда блистали глаза его — Карлъ ему рассказывалъ такой нибудь геройскій свой подвигъ. Когда ноги его приходили въ сильное движеніе и свистъ раздавался звучнѣе и быстрѣе, а шрубку держалъ онъ, какъ саблю — я гонова была голову прозакладывашъ, что онъ дѣлаешъ съ Карломъ своимъ прислупъ къ непріятельской башшарей. Когда же переставалъ онъ свисташъ и маршировалъ, а останавливался съ мрачнымъ взглядомъ — то разговоръ былъ объ Адели.

„Дядюшка!“ сказала я однажды: вошь вы шеперь думаете о Карлѣ и объ Адели! за минушу же съ шрубкою въ кулакѣ осаждали вы съ Карломъ башшарей.“

Онъ не могъ не смѣяться, видя, что его шакъ подцѣнили.

Наконецъ, когда Карлъ все еще не ѣхалъ, потерялъ онъ шерпѣніе, и по своему духу прошиворѣчія, спалъ намъ говоритъ, со всѣми признаками нешерпѣливости, одну длинную рѣчь за другою — о шерпѣніи, о ребячесшвѣ женцинѣ, кошорья, если бѣ возмож-

но было, въ шѣсныя предѣлы однихъ сушокъ гошовъ были бы впискашь и дюжины двѣ любовныхъ интригъ, какія обыкновенно ведутъ для пробы передъ помолвкой, и свадьбу ихъ, и всѣ крестины, и всю жизнь; а все для того, чшобъ узнашь, къ лицу ли имъ подвѣчное плашье, чепецъ роженницы и саванъ. „Бьюсь объ закладъ, что у Генриешы гошовъ для Карла особый нарядъ, въ кошоромъ она хочешъ приняшь его, и для того — то ей шакъ не шерпишя, пока онъ прѣвдешъ.“

Чудно, милая Юлія! не понимаю, какимъ образомъ, при всѣхъ своихъ преувеличеніяхъ, дядя всегда меня угадываешъ.

„Намъ бы надобно бышь мужемъ и женою, милый дядюшка: шакъ хорошо мы другъ друга угадываемъ.“

„Мнѣ и безъ того опъ шебя не легко!“ закричалъ онъ, и шумъ, завернувшись въ халашъ, убѣжалъ.

Наконецъ онъ прѣвхалъ. Рубецъ на щекъ шель ему шочно, какъ двушкѣ ямочка, и какъ хорошо сидѣлъ на немъ мундиръ! Подсвѣдѣльный же Англійскій конь, на кошоромъ онъ, какъ вихрь, промчался по двору, придавалъ ему что-то возвышенное. И когда я передъ нимъ сподла и смошрѣла ему въ лице, щполненное славы и величія — благородное,

мужественное лицо, тогда спрашивала я у самой себя, почему бы мнѣ давно въ него не влюбилась, давно, за пять лѣтъ; но тогда не слыхала бы я перваго *ты*, которое такую сладость напѣваешь на душу; не почувствовала бы огня перваго поцѣлуя на губахъ своихъ — и я нѣжно прижалась въ объятія жениха своего, который спомалъ возлѣ меня, я увѣрена, для того, чтобы подкармливать мои взгляды.

Мы пошатили Карла къ чайному столу, и пусть долженъ онъ быть рассказывать. Молодой человекъ научился въ чужой землѣ приличіямъ. Бывало, не посидишь пяти минутъ съ нами: шеперь сидишь и безъ просьбы. Когда будешь еще походить, то я прогоню своего будущаго супруга и повелишеля: пусть пройдеши мила на двѣ и узнаешь, что чайный столъ совсѣмъ не то, что бивакъ — пусть научишься быть усидчивѣе съ нами.

Изволь подумать, Юлія; съ пріѣзда Карлова мы начинаемъ уживаться съ дядей, и Богъ въдаешь какъ легко! Онъ вдругъ сдѣлался такимъ добрымъ, что ко мнѣ и мужу моему не надо быть лучше. Но Карлъ не могъ оспаться съ ними въ ладу и недѣли. Ровно черезъ недѣлю, отецъ началъ читать азбуку: *A, a*; на другой день *D, E, de, Ade*; на пре-

тій *L, E, le, Adele!* Тутъ вдругъ всему конецъ!

Недавно дядя спалъ чипашъ похвальное слово всему женскому полу, а все, чшобъ высказашъ добродѣтели Адели. „Уней сполько добродѣтелей, Карль, сколько въ алфавишъ буквъ, начиная съ того, что она *Ангель*.“

Мнѣ въ самомъ дѣлѣ показалось любопытнымъ знашь, можешъ ли дѣвушка, хотя бѣ и Адель, собрать въ себѣ сполько добродѣтелей. Я начала: А — Ангель. Б — „большивость, дядюшка!“

„О, нѣтъ! Избави Богъ! эшо швоя добродѣтель; Аделина же — благочестіе.“

Дядя прошелъ весь алфавишъ два раза и кошѣлъ начинать въ шрешій.

„Боже мой!“ сказала я съ удивленіемъ: „эшо ужъ слишкомъ, кошъ не для сердца дѣвушки, но для ея головы.“

„Въ ней всѣ эши добродѣтели, а самая лучшая ша, что она сама не знаешъ, какъ она добра.“

„Дядюшка! эшо совсѣмъ не добродѣтель; а не знашь самой, какъ прекрасна, вошь эшо прешяжелая дѣвичья добродѣтель, можешъ бышь тяжелѣ всего. Только скажу тебѣ, Карль, если у кого она есть въ цѣломъ свѣтѣ, шакъ эшо у Адели — и у меня, дядюш-

ка!“ И шухъ какъ молнія, пролетѣла я въ дверь, пока не успѣлъ онъ распворить рша.

Но Карлъ не сдался на вычисленіе по буквамъ; а наконецъ, когда все пошло на перекоръ, объявилъ онъ ошцу, съ такимъ видомъ, какой вѣроятно въ полѣ выучился принимаешь на себя, что не можешь, безъ внушрренняго ошвращенія, подумашъ объ Аделаи, по милосши кошорой онъ такъ долго принужденъ бышь въ непрерывномъ разладѣ съ добрымъ ошцемъ своимъ. Короче, онъ сказалъ напрямки: нѣтъ! При томъ положилъ онъ руку на желѣзный свой крещъ, упошребляя его, какъ риторическую фигуру, прошивъ кошорой все краснорѣчіе ошца ничего не значило.

Отець спалъ еще разъ вычислялъ добродѣтели Аделаи, и мнѣ показалось, не по Кишайскому ли алфавишу, пошому что я не могла дождашься конца. Женихъ мой сказывалъ мнѣ, что дядя въ своихъ рѣчахъ сыну испошцилъ всѣ риторическія и даже спихотворныя фигуры — онъ говорилъ про свои седме волосы (у него и шѣхъ нѣтъ), пошому про гробъ, пошому про могилу. Всѣмъ вшимъ фигурамъ Карлъ прошивопоставлялъ свой крещъ, о кошоромъ отець его нѣкогда говорилъ, что онъ и пашнадашмилѣшняго жальчика дѣлаешъ совершеннодѣшнимъ, если

заслужень имъ со шпагою въ рукѣ. Споръ кончился большимъ шумомъ. Карлъ вышелъ изъ комнашы, а опець кричалъ: „если бь у него только не было рубца на щекъ и ашого креша!“

Мы всѣ въ одинъ голосъ сказали: „ашо желаніе не ошь души!“

И онъ въ самомъ дѣлѣ разсердился, когда послѣ шого, вздумалось ему доказать намъ, что самая храбросшь, кошорою выслуживаешся крешъ, происходишь ошь удачи или ошь шого, какимъ кшо образомъ поушру надвнешь свои шуфли; но уже онъ никакъ не могъ добишься, чинобъ мы его выслушали. Телушка возражала ему, что Карлъ и шуфлей никогда не носишь; жена укорила его за шо, что онъ оспориваешъ у сына почешный крешъ, вмрванный имъ у самой смерши; я, шопая ногами и махая руками, зашупалась за рубецъ на щекъ; канарейки шумѣли изо всѣхъ силъ; собаки лаяли; большіе стѣнные часы начали бить, и кураншы заиграли извъшнюю пѣсню: Какъ шихо все поконишя! Мы говорили всѣ вдругъ, и какъ дядя велъ свой голосъ все цѣлыми ношами, а наши голоса учаспились въ чешыре шешидесяшыхъ, шо не мудрено, что наконецъ онъ бросилъ свою бархашную ермолку къ ногамъ жены своей, пошердѣлъ одну изъ шуфлей,

•

которыя употреблялъ вмѣсто фигуры, убѣжалъ въ свой кабинетъ, и одѣвшись, поскокалъ верхомъ къ сосѣду нашему, Главному Лѣсническому.

Однако въ нашемъ домѣ никакой обычай, какъ на небѣ: вдругъ забушуешь непогода — не знаешь, откуда что взялось; потомъ опять вдругъ прояснится и утихнетъ — не знаешь, какими образомъ.

Отецъ ворошился домой, и мы сидѣли уже въпроемъ (моего господина Рейнера не было съ нами), и разсуждали, какъ бы намъ свесши Карла съ Аделью.

Въ первый разъ не сказалъ онъ: „нѣтъ, ему надобно повиноваться, не выдавши!“ а расказывалъ съ веселою миною, какъ будто свадьба, со всеми ея радостями, появилась у него на лицѣ. Онъ насвистывалъ *гросфатеръ*.

„Ну-ка, послушаемъ Генриешу, какъ она думаетъ“ — сказала мать.

— „Ничего нѣтъ слаще запрещеннаго плода“ — начала я: „если бѣ дядюшка, не говоря: ты долженъ женишься на Адели! посадилъ Адель вошь здѣсь за нашимъ столомъ; не вычислая двухъ сошь тридцати добродѣтелей, а шолько одну или двѣ, о которыхъ упомянуто дядюшкой мимоходомъ, каковы, на прѣмѣръ, ея красота, ея гибкій спанъ, пре-

деспные, невинные, исполненные души глаза — если бы их поставилъ въ той фигурѣ, какъ она есть, предъ глаза Карла, то вѣрояно у Карла не было бы рубца на щекѣ и креста; но была бы молодая жена, по имени Адель.“

„Ну же, попробуйте!“ сказалъ онъ.

„Теперь поздно, милый дядюшка! Теперь гордость заславишь его приворишь глаза, уши, сердце и всѣ двери и окна, черезъ которыя влѣзаетъ любовь, и скажешь: шеперь я не хочу, какъ бы она ни была прелестна, какъ бы ни билось мое сердце; не хочу, чшобъ послѣ не сказали они: вошь видишь ли, Карль! Правду говоря, дядюшка, вы не ушерпѣли бы скажешь. И пакъ это не годится. Надобно, чшобъ онъ познакомился съ Аделью, не зная, кто она; а когда полюбишь ее, мы спросимъ, влюбился ли онъ въ ея добродѣтели, или въ какія нибудь маленькія случайности.“

Дядя улыбнулся отъ удовольствія, а жена его сказала: „Адель не позводишь собою такъ располагаешь.“

„Боже сохрани, милая мапушка, чшобъ я эту чистую, невинную душу завлекла въ шаковую интригу! Тетка Адели должна знать о шомъ, а за нее я ручаюсь.“

„Ты думаешь, что кавалеръ желѣзнаго креста очень легкій товаръ.“

„Посмотримъ, какъ онъ шпатель. Тетка Адели прѣзжаетъ въ Нейшпашъ, гдѣ и будешь жить въ загородномъ саду подѣ чужимъ именемъ; ей не хочется дѣлать множество посѣщеній, которыя были бы необходимы, если бы она жила тамъ подѣ своимъ именемъ.“

„Карлъ тоже хочешь вѣхать въ Нейшпашъ къ своему спарому учителю. Ему также надобно было бы объѣхать весь городъ и потомъ бродить изъ дому въ домъ по гостямъ.“

„Вѣдь надобно же тебѣ, Карлъ“ — сказала я ему вчера.

„Нѣтъ, опивчалъ онъ. Я назовусь, вмѣсто Келера Гансомъ или Кунцемъ, и дѣло въ шляпѣ.“

И такъ я дамъ ему письмо къ Юлію. —

„Ахъ, Боже мой! Къ Юлію, Генріета! Мнѣ жъ въ голову не пришло. Ну, кто попадется въ ваши руки, тому не одобровашь.“

„Я попрошу, чтобы она взяла его въ свои руки; ему же обещаю веселое знакомство съ Юліей подѣ его чужимъ именемъ.“

„Юлія пойдетъ съ нимъ гулять — мимо сада Адели — Адель сидитъ у дверей. Тутъ поговорить пару словъ, на возвращномъ пути Юлію скажешь объ Адели пару словъ, и держишь ли закладъ, дядюшка? Карлъ ужъ

самъ найдешь дорогу, чѣшобъ сказашъ шрешье словцо. Держише ли закладъ?"

„Держу! шебъ лучшее плашье на выборы если все кончншся двумя посѣщеніями. Не шы его не знаешь — ему надобно больше.“

„Дядюшка! вы сами не знаете, какъ велико могущество прелесшной дѣвушки въ саду, въ уединеніи, и чѣо значншь пѣніе изъ мнстическаго мрака садовой бесѣдки. Прешнвъ вшой магіи не успомншь ни одннъ молодой человекъ, хотя бы его сердце было сковано все изъ желѣзныхъ крестовъ. Мужество и любовь, повѣрьте мнѣ, дѣши одной машери.“

„Смѣю ли спросншь, ошкуда шы все это знаешь?"

— „Развѣ думаете вы, чѣо Рейнерсъ первый положнлъ сердце свое съ ннжайшею покорностію у ногъ моихъ? Онъ былъ первый, кошорый мнѣ понравнлся.“

„Дѣлайше, чѣо хошнше,“ закрнчалъ онъ шупшь: „съ моей шпороны все кончено, и я бы желалъ“ — онъ умолкъ и ушелъ.

По его нгрѣ на клавнкордахъ — онъ нгралъ все адаміо Баха, кошорое одннъ онъ счншаетъ музыкальнымъ — заклнчила я, чѣо онъ желаетъ удачи моему плану и нво-ему исполненію.

Съ тѣхъ поръ онъ очень ласковъ; самъ кормишь мою бѣзку, и Карлу не говоришь ни слова. И такъ начинай съ Богомъ, милая Юлія! Дѣлай хорошо свое дѣло, чшобъ дядя увидѣлъ, что мы понимаемъ свое, какъ онъ говоришь, ремесло: прежде самимъ обвѣнчашься, а пошомъ вѣнчашь и другихъ.

Карлъ принялъ имя Шмида. О, если онъ только увидишь Адель, только увидишь — можешъ ли онъ успоишь? Прощай, милая!

П. П. Я люблю своего Рейнера ошъ души, милая Юлія, и все то, надъ чѣмъ прежде мы такъ часто смѣялись, я дѣлаю съ такимъ вдохновеніемъ, которое меня возвышаетъ и исправляетъ. Я буду доброю женой, и какъ спанешъ онъ плаишь глаза, когда съ каждымъ днемъ будешъ открывашъ новое хорошее качество въ своей Генріешъ — алфавишь добродѣтелей не въ счешъ. Прощай!

К а р л ъ к ъ Ш м и д у .

Грейцъ.

Ушро вечера мудренѣе! Я здѣсь въ Грейцъ, и чшобъ ты оиашъ не спалъ сырашивашъ, что такое влечешъ меня въ Грейцъ, оиашъ въ Грейцъ, такъ слушай же:

Батюшка мой, котораго люблю и уважаю отъ всей души, съ младенческихъ лѣтъ моихъ назначилъ мою руку для дѣвушки, копорой я не знаю. Лишь только сердце мое сипало наполняшьяся, одна мысль о томъ сдѣлалась мнѣ, шы не повѣришь, какъ несносна! Дѣвушка богаша — говорятъ, прекрасна, умна и добра. Пусть шакъ! но сердце мое противъ нее вооружалось — мнѣ все чудилось, что отецъ мой хочеть обручить меня ея богатству. Изъ того выходило у насъ множество непріятныхъ спычекъ. Я оставилъ родишельскій домъ, но не могъ бышь покоенъ. Мнѣ все казалось, что я долженъ принести жертву отцу моему, который никогда ни въ чемъ меня не ограничиваль. „Посмотри ея только!“ говорили мнѣ мать и родные; отецъ мой говорилъ иначе: ему хотѣлось, чтообъ я повиновался слѣпо.

Вошь печаль, милый мой Шмидъ, копорая была оправою почши для всѣхъ юношескихъ моихъ радостей.

Наконецъ я рѣшилъ увидѣшь ея тайно, и если бъ она мнѣ понравилась, примиришься съ отцемъ моимъ, какъ и слѣдуешь доброму сыну. Сердце мое билось горячею любовью къ родишелю, и очень шягошила меня мысль бышь чуждымъ его сердцу, можешь бышь, изъ одного пустаго упрямства.

Уже я назначилъ день, въ который хотѣлъ ѣхать взглянуть на дѣвушку. Одна вша рѣшимость сдѣлала меня свободнѣе, сдѣлала веселѣе. Тутъ появилось воззваніе Короля къ Прусскому юношесству.

Мнѣ и себѣ открылся новый свѣтъ. Мы поклялись, кровью и жизнью пожертвовать для блага отечества, Короля и независимости.

Я написалъ домой; оповѣсть моего отца ты читалъ и помнишь его. О, какъ онъ былъ намъ радостенъ! Мы могли ославиться вмѣстѣ! И мы ославались вмѣстѣ; щедросць моего родителя сдѣлала то, что многихъ шягоспей мы не чувствовали — только видѣли ихъ. Ты помнишь, какими богачами онъ сдѣлалъ насъ!

Здѣсь, при Грейцѣ, оспался я между убишыми.

Ты долженъ былъ разспашься со мною а между шѣмъ здѣсь — ахъ, зачѣмъ хмуришь чело мое! зачѣмъ въ чувства блаженства моего все еще вмѣшиваешься капля спраданія! — здѣсь пробилъ часъ судьбы моей.

Меня приносятъ въ одинъ домъ. Открываю глаза, и вижу подлѣ своей поспели мать и дочь. Раны мои перевязаны.

„Сколько мы въ состояніи, все сдѣлаемъ для васъ, нашъ милый, благородный воинъ!“

сказала мать, устремивъ на меня глаза свои, наполненные слезами.“

„Ахъ да! мы все сдѣлаемъ!“ повторила дочь, положивъ руку на сердце, и съ такимъ обворожительнымъ состраданіемъ, которое проникло въ мою душу. Смопрю вокругъ себя въ комнахъ, вижу величайшую чистоту, и совсѣмъ не помышляю о томъ, какъ тяжело можешь быть мое пребываніе и всѣ обо мнѣ заботы для матери и дочери.

Не имѣю ни въ чемъ недостатка; вижу для себя во многомъ излишество.

Не знаю, что комната, въ которой лежу, одна у нихъ и есть; не знаю, что мать и дочь другую, шупъ спящую кровать, раздѣляютъ между собою; не знаю, что мое излишество происходитъ отъ залога одежды, безъ которой только можно было имъ обойтись; не знаю, о Небо, что онъ перпяшъ величайшій недостатокъ, между тѣмъ, какъ у меня все есть, и узнаю наконецъ — ахъ! всѣ раны мои снова раскрылись при шакомъ извѣстїи — узнаю наконецъ отъ Хирурга, что мать заложила для меня свое обручальное кольцо и всѣ серебряныя ложки, кромѣ одной, которую мнѣ подавали.

Вѣроятно, не съ первымъ со мною случилось это въ жизни — съ тысячами другихъ людей! Но мать и дочь сидѣли объ воз-

дѣ кровати моей съ такими привѣтливыми, добрыми лицами — ни одна жалоба не носилась на ухахъ ихъ, ни одинъ вздохъ не вырывался изъ груди. Хирургу запрещали они строго сказывать мнѣ объ ихъ бѣдѣ, пошому чшо: „онъ бѣдный былъ ограбленъ на полѣ сраженія!“

И шочно не сказала бы мнѣ Хирургъ, если бь не вздумалъ я, къ его ободренію, дать ему вексель на значительную сумму.

Другой шаконъ же далъ я хозяйкѣ, прося ее размянуть. Она принесла мнѣ деньги. Тотчасъ опложилъ я часть къ уплатѣ за время, въ кошорое меня содержали, и за мѣсяць впередъ.

Опдавая ей, сказала я: „за ваши обо мнѣ заботы, сударыня, за вашу ангельскую доброту, за вашу материнскую ко мнѣ любовь можете заплашить шолько мое сердце.“

Слезы помѣшали мнѣ продолжашь. Она отвѣчала, съ краскою стыдливости на лицѣ — да, шочно стыдливости, чшо нѣсколько денегъ принуждена принять отъ меня: „Нѣсколько я возьму, г. Келеръ, по необходимости, чшобъ для васъ ни въ чемъ не было недоспашка. Но не возьму всего. Ахъ, оставьте мнѣ утѣшеніе — думашь, любезный г. Келеръ, чшо я вамъ оказала какую нибудь услугу.“

Я прижалъ ея руку къ губамъ своимъ, и сказала, что для меня вредно всякое внутреннее движеніе, къ какому добраша ея можешь подать поводъ, и если не хочешь она, чтобы раны мои снова раскрылись, то переспала бы говоришь объ этихъ деньгахъ.

Съ унылымъ видомъ взяла она ихъ и просила меня, съ самымъ искреннимъ участіемъ, бытъ только, ради Бога, покойнымъ.

И шуть - то спаль и жеспоко упрекать себя за свою неделакашность. Я видль, какъ она подѣйствовала на нихъ; уже спали онѣ объ съ этого мгновенія нѣсколь-ко меня чуждашься. Машь, самымъ крошкимъ образомъ, спала мнѣ заговаривашь о наймъ женщины, которая бы ходила за мною въ моей болѣзни.

„Ахъ, сударыня!“ сказала я съ нѣкошорымъ движеніемъ: „я шакъ привыкъ къ вашему дружескому обращенію, что меня бы очень огорчило, если бы я долженъ былъ плашшь за то, что вы своею небесною доброшою шакъ машерински, шакъ охотно для меня дѣлаеше.“

— „Если шакъ,“ сказала она ласково — это опносилось къ слову плашшь: — „шо пущь же никшо, кромъ меня и моей дочери, не оказываешь вамъ и малѣйшей услуги.“

Ахъ! ты не понимаешь, ты, счастливый и вѣсѣтъ несчастный человекъ! ты не испыталъ, что такое для больного состраданіе къ нему чужихъ людей! Твой рубецъ на щекъ былъ шаковъ, что его вылечили воздухъ, кончикъ чернаго плашка и вѣжливосшь Француженки въ Ланѣ.

Мои раны излечались любовью, состраданіемъ прекраснѣйшихъ, самыхъ мягкихъ сердець.

Еще ничего не зналъ я о дочери, кромѣ того, что у нее самый пріятный, звучный голосокъ: окна были все завѣшены, потому что и глазъ мой пострадалъ отъ раны, а кровать спояла шакъ, что всякій разъ, когда подходила ко мнѣ эша дѣвушка, свѣшь былъ сзади ея. Я совсѣмъ и не помышлялъ о томъ, какова она собою. Ея милый голосокъ подкрѣплялъ меня, какъ благодѣтельный сонъ, котораго всю сладость узналъ я шакъ же здѣсь шолько.

Вѣрно никшо сполько не напрягалъ своего ума, промышляя деньги, какъ я здѣсь въ домъ, выдумывая, какимъ бы образомъ мнѣ ихъ давать.

Я употреблялъ множество небольшихъ хитростей, чтобы доставить мнѣ какія нибудь жизненные наслажденія. Ни кушанье, ни вино, ни кофе, не нравились мнѣ, когда не

хотѣли онѣ раздѣлять ихъ со мною; и раза два я дѣйствительно просидѣлъ голодомъ, чѣмъ только мнѣ доказать справедливость шого.

Мнѣ хотѣлось читать. Доспали нѣсколько книгъ, но сдѣлавъ опытъ, я нашелъ чтеніе для себя почти невозможнымъ. Робко и запинаясь, предложила мнѣ наконецъ дочь и въ вѣдомъ свои услуги.

Она и мать говорили очень правильно — и очень мило, прелестно, пошому что все шло у нихъ отъ души, во всемъ была сердечность и простота. Когда же дочь прочитала спроки двѣ, я не сомнѣвался болѣе, что она превосходно воспитана. Ни одно иностранное слово не зашруднило ее. Вышла одна спрока по Англійски. Она остановилась на минушу съ нѣкоторою, ей свойственною робостію, и попомъ прочла совершенно правильно, хотя и вылетѣлъ при помѣ изъ груди полуудержанный вздохъ — дань ея скромности.

Обращая на нее взоръ, я не могъ всмотрѣться въ лице ея, и попросилъ мать, отдернуть занавѣску, подъ тѣмъ предлогомъ, что хочу наконецъ опять увидѣть свѣтъ. Тушь упала свѣтъ на ея лице, и, о мой милый Шмидъ! какія прелестныя черты увидѣлъ я предъ собою! Не знаю, замѣтила ли

она мое изумленіе, но подняла книгу выше. Мнѣ видно было только милое чело и двѣ темновашья, тонкія дуги надъ глазами; лишь изрѣдка поднимались крошкіе, завопивые взоры изъ-за книги, когда я дѣлалъ какое нибудь движеніе.

Думаешь ли ты, что я тогда полюбилъ ее? Нѣтъ, я любилъ и прежде, а если не такъ, то не люблю и теперь — но поверивъ послѣднему, ты сочинишь меня сумасшедшимъ.

Красота ея не прибавила во мнѣ ни одного желанія, ни малѣйшаго.

Мать называла меня иногда, если я упрямился и не хотѣлъ слѣдовать совѣщанью врача: „сынъ мой!“ Дочь, Минна, никакъ меня не называла.

Случайно въ разговоръ узналъ я о днѣ рожденія Минны. Хирургъ снабдилъ меня бумагою. Я написалъ въ Лейпцигъ къ одному купцу, чтобы мнѣ прислали простенькое женское платьѣ со всѣмъ приборомъ, на ростъ дѣвушки высокой и сшашной.

Мой Хирургъ отправилъ письмо, и дождалъ мнѣ сочиненія Шиллера, которыя она очень любила. Скоро получилъ я и платьѣ. Минна, въ день своего рожденія, поутру подошла къ кровати моей и спросила: каково почивали вы? — Не дурно, отвѣчалъ я; только

ко превозмгла меня маленькая забоша, что я въ первый день жизни вашей, милая сестрица, не могу еще въ первый разъ выйти на воздухъ, чшобъ вшомъ день сдѣлался первымъ днемъ моего выздоровленія. За шо хочу я упѣшишь себя кое-чѣмъ другимъ.“

Я далъ ей книги.

„Ахъ, вы не только угадали день моего рожденія, но и мои желанія!“ сказала она, принимая книги, и легкой румянецъ покрылъ ея щеки.

„Такъ вы вѣрно не ошказеше мнѣ и въ другомъ, ради угаданнаго желанія?“

Я робко положилъ передъ собою пакетъ. Это выписано для васъ изъ Лейпцига.

Съ шрепешомъ пропшнула она руку и сказала, запрешавъ еще болѣе: „больному ни въ чемъ не ошказываюшъ.“

„О!“ вскричалъ я: „шакъ пусть я вѣкъ оштанусь больнымъ!“

Она взяла пакетъ и пошла въ смущеніи, однако пошла.

Возвращаясь, была она ласкова по предмету, но держала себя гораздо уже далѣе ошъ меня. О плашѣ ни слова — и не носила его.

Наконецъ Докшоръ позволилъ мнѣ въ первый разъ выйти на воздухъ. Былъ прекрасный осенній день. Минна и мать ея радовались чрезвычайно. Мнѣ было шже ве-

село. Но каково стало тогда, милый Шмидъ, какъ Минна, съ популценными глазами и закраснѣвшими щечками, вошла одѣшая въ мой подарокъ!

„О Минна!“ воскликнулъ я, глубоко пронушый такою прекрасною жертвою добраго ея сердца: „какъ возблагодарить вамъ за все, за все! О, съ какою доброшою празднуете вы день моего выздоровленія!“

Тутъ пошелъ я гулять съ матерью и дочерью вмѣстѣ, и клялся шѣмъ Небомъ, которое въ первый разъ опять увидѣлъ, и шѣмъ, которое блистало изъ глазъ Минны, что оба эти существа, сшоль мнѣ драгоценныя, должны оспашься спутницами всей моей жизни, если я только цѣль возвращусь изъ похода. Имъ однако не сказалъ я ничего.

Для чего было бы прибавлять имъ, къ заботѣ о своемъ существованіи, еще заботу обо мнѣ? Однако, на случай своей смерти, оставилъ я честному Хирургу завѣщаніе, и мнѣ удалось еще, посредствомъ маленькой хитрости, оставить въ рукахъ матери небольшую сумму — за домъ, который считала она пропавшимъ.

Тутъ собрался я въ дорогу. Съ Минною сдѣлаался я шакъ близокъ, какъ только любовь можетъ соединить два сердца. Она взяла отъ меня небольшой женскій уборъ безъ

всякихъ околичностей ; просила даже привезти что нибудь на память изъ Парижа , когда мы тамъ будемъ .

Никакого худаго предчувствія обо мнѣ она не имѣла . Только разлука огорчала ее , а не будущность .

„Я возвращусь, Минна!“ были послѣднія слова мои, когда я сѣлся на лошадь . Она гладила и ласкала коня моего — разъ десять подавала мнѣ руку — на глазахъ ея блискали слезы .

Такъ мы распались . Мать подпираешь шпелюю свою голову и говоришь : „онъ былъ человекъ добрый . Богъ да благословишь его . Но въ чаду великихъ происшествій , между тысячею людей , которыхъ доспашешся ему узнать , онъ забудетъ насъ . Мы его никогда не забудемъ .“

— „И онъ насъ, мамушка ! я увѣрена !“

Мать видишь любовь ко мнѣ Минны ; видишь , что я сдѣлался единственнымъ ея помышленіемъ ; видишь , съ какою увѣренностію полагаешь она, что я возвращусь .

„А если и возвратишься онъ, Минна,“ говоришь мать : „по на одинъ день ; поможь опять увидеть онъ насъ въ свое опечество, гдѣ ждущъ его заботливые родственники, а можешь быть и какая нибудь скорбящая не-вѣсша . Мы же никогда не забудемъ его, Минна.“

•

„И онъ насъ, машушка!“ говоритъ Минна, призадумавшись о словѣ невѣста.

Но въ сердцѣ ея шипѣла надежда, кошорая держишь въ равновѣсіи печаль до того дня, какъ я опять являюсь предъ ихъ домомъ.

Я прѣвхаль не поздно, однако меня ждали уже со дня полученія извѣстія о взятіи Парижа.

„Вошь видише ли, милая машушка!“ восклицала она каждую минушу, прерывая разговоръ.

„Теперь посмопримъ“ сказала она, улыбаясь: „помнили ли вы обо мнѣ въ Парижѣ. Чшо привезли вы мнѣ опшуда?“

„Изъ Парижа ничего, Минна, кромъ своей вѣрности и залога моей любви — этого кольца.“

Я надѣлъ ей на палець простое золотое кольцо съ моимъ именемъ. Блѣдность и румянецъ попеременно являлись на ея лицѣ. Она поникла головою. Грудь ея шрепетала! Еще сомнѣвалась она, чшо значишь это кольцо. Она молчала въ величайшемъ смущеніи.

„А естъ ли у Минны чшо - нибудь мнѣ на память?“

„Чшо же?“ — спросила она съ шрепетомъ.

„Твоя рука, Минна, швое сердце, швоя

любовь, поцѣлуй съ усьмъ швокъ. Неужли нѣшь ничего?"

Она смошрѣла на меня, поблѣднѣвъ.

Тупъ заключилъ я ее въ свои объятія, напечатлѣлъ первый поцѣлуй на усьпахъ ея, просилъ машь благословишь насъ, и былъ на верху высочайшаго челоувѣческаго счастья!

Уже два дня спустя послѣ шого, ошкрыла мнѣ машь, что, если не ошибаешся, опецъ мой былъ ближайшимъ, искреннѣйшимъ другомъ ея мужу; что судьба или подзришельность ошца моего разлучила друзей, и эшо во всю жизнь шягошило глубочайшею печалью ея мужа.

Она почно не ошибалась. Эшо былъ мой опецъ.

„Для чего не говорили вы мнѣ о шомъ прежде?"

„Не должно ли мнѣ было молчать," сказала она: „когда я видѣла вашу любовь къ Миннѣ? развѣ не могли вы на эшой дружбѣ основашь надеждъ, которыя были бы, можешь бышь, шщешны? Мы бѣдны. Я не смѣла даже имѣшь желаній.“

Я рассказалъ машери свои отношенія къ башюшкѣ. Мы всѣ надѣялись, что дѣвушка, съ кошорой хошѣлъ онъ соединишь судьбу мою, можешь бышь уже за - мужемъ, пошому что она была очень богата.

Тутъ прожилъ я съ мѣсяць, наслаждаясь величайшимъ счастьемъ, какое только суждено человѣку.

Лишь только возвратился я домой, ссоры съ отцемъ моимъ возобновились, пока наконецъ не сказалъ я на отпрѣзъ, что никакъ не позволю располагать собою въ этомъ случаѣ.

Послѣ того, казалось, все успокоилось; но по лукавой улыбкѣ одной веселой, любезной дѣвушки въ нашемъ домѣ, которая воспитывалась вмѣстѣ со мною, сужу я, что хопашъ взялся за дѣло другимъ образомъ. Всѣ мои родные, всѣ до одного, настаивали на этомъ жалкомъ союзѣ; почему одна говоришь мнѣ за всѣхъ.

Но я рѣшился весь ихъ заговоръ сдѣлать напраснымъ, и вздумалъ уѣхать въ Нейшпашъ, чшобъ тамъ, дождавшись шебя, поговоришь съ шобою о швоихъ видахъ въ будущее.

По дорогѣ заѣхалъ я къ прежнему Фактору отца моего, человѣку честнѣйшихъ правилъ. Въ разговорѣ коснулся я молодыхъ лѣтъ отца своего и упомянулъ имя Фрейшладъ: шакъ называлъ отца Минны.

„Такъ ты знаешь это имя?“ спросилъ старикъ. „О немъ съ горестію вспоминаешь отецъ твой.“

— „Какъ шакъ?“

„Смажу, коли умѣешь молчань. Твой отецъ и Фрейшильдъ были друзья, настоящіе друзья, какъ говорится, закадышныя друзья. У отца швоего вѣдь нѣшь поддѣльныхъ красокъ. Вошь видишь: отецъ швой любилъ дѣвушку, кошорая, Богу извѣстно, не имѣла шакже ничего въ себѣ поддѣльнаго и была, какъ первая любовь, робка и молчалива. Фрейшильдъ ничего о томъ не зналъ. Короче, Фрейшильдъ посващадся прежде него и помолвилъ дѣвушку. Отецъ швой молчитъ и переноситъ, какъ свойственнo мужчинѣ; дружба не измѣняется, потому что была не поддѣльная. Но въ домъ Фрейшильда приходитъ онъ не часто; причина ша, что не можешь, безъ большого движенія, видѣть женщину, кошорую любилъ.

„За спаканомъ вина — Фрейшильдъ былъ шакже великодушень, какъ отецъ швой, но на-веселѣ безразсудень, не зналъ ни въ чемъ штры, любилъ дразнить — и шакъ за спаканомъ вина говоритъ онъ отцу швоему: знаю, зачѣмъ ты шакъ рѣдко ходишь. Ты любилъ жену мою.“

„Любилъ, отвѣчаешь швой отецъ, и Фрейшильдъ, кошорый можешь бышь слышалъ о томъ одно слово, не замѣчаешь измѣнившася голоса швоего отца, и дразнишь

его любовью, которая съзналась мучением его жизни — дразнишь без пощады, хваляшися, что знала о любви его прежде.

„Отецъ швой горько улыбаешся, а шомъ идешъ все въ гору, говоришь, что гошовъ переломаны ноги, что дружба, при такой любви, не можешъ существовать, и все, что шолько безразсудность, вино и доверчивость говоришь могушь.

„Отецъ швой уходитъ, и на другой день, пославъ къ Фрейшильдъ письмо съ упреками въ измѣнчивости, въ гнусности, увѣжаешъ.

„Фрейшильдъ отвѣчаешъ письмомъ же, но отецъ швой шушишь не любишь: онъ оставилъ письмо нераспечатаннымъ.

„Такъ-шо они распались.

„Черезъ десять лѣтъ — мы уже были на свѣтъ, Карлъ — слышишь швой отецъ, что Фрейшильдъ кончилъ жизнь, удрученный злополучіями. Тутъ сильно забилось у него сердце; онъ распечатываешъ письмо умершаго друга, и находишь оправданіе, совершенное оправданіе. Твой отецъ не говорилъ о шомъ ни слова болѣе, и я думаю, что ему было бы очень тяжко, если бъ ктонибудь при немъ упомянулъ имя Фрейшильда.“

Услышавъ этотъ расказъ, любезный Шильдъ, вмѣсто Нейштана, повхалъ я сюда, чинобъ уговоришь мать и дочь пере-

братъся поближе къ жишельству опца моего : мнѣ будетъ удобнѣе дѣйствоватьъ къ пользамъ нашимъ.

Сегодня прїѣхалъ я сюда. Я хотѣлъ къ тебѣ писать только, чтобы ты не ждалъ меня, но слово за словомъ, вошь тебѣ вся моя исторія.

Приложенное письмо отдай по адресу. Тышь рекомендуюшь меня Юліи, (кошорая, какъ сказывающъ, превеселое созданіе) подъ именемъ Шмида. Ты можешь, если захочешь, присвоишь себѣ рекомендацію. Во всякомъ случаѣ, однако, отдай самъ письмо Юліи : пакъ мною обѣщано.

Ш м и д ѣ к ѣ К а р л у .

Нейштатъ.

Поздравъ меня, братъ Келеръ, поздравъ!

Спало ли вдругъ жаловашъ меня счастье или дурачишь — рѣшишь прудно! Иногда кажешся мнѣ, будшо все вижу во снѣ; пошому что на яву — клянусь небомъ и желѣзнымъ своимъ крешомъ! больше нѣчѣмъ и кляшся : ничего не имѣю лучшаго, кромѣ яснаго неба въ груди, желѣзнаго креша на груди, и сердечнаго друга! — на яву не шакъшо все скоро дѣлаешся, какъ у меня здѣсь.

Поклонись отъ меня твоей Миннѣ, и слушай. Я прїѣзжаю сюда, нахожу здѣсь твое письмо и приношу вложенное къ дѣвицѣ Юліи Коберъ.

Юлія принимаетъ меня, какъ бывало мы въ полѣ подвозъ вина, съ ошверстными объятіями.

„Безъ сомнѣнія, господинъ Шминъ?“ говоришь она, смѣючись, какъ будто бы въ моемъ имени заключалась какая нибудь шушка. И шупъ начинаешь она прунншь надъ моимъ именемъ, какъ бы украденнымъ; надъ моимъ крестомъ, надъ моимъ рубцемъ на щекѣ — и все съ такою веселостію, съ такою непринужденностію, что я самъ началъ также выказывать запасъ своего остроумія.

Дошло до того, что я спалъ подозрѣвать: вѣрно въ письмѣ есть что нибудь о тебѣ, чего я не понимаю. Однако по моему намѣрку она пошчасъ показала письмо, и шамъ не нашель я ничего особеннаго. Меня пригласили къ столу, а послѣ обѣда предложила мнѣ Юлія прогулку, чтобы показать мнѣ окрестности ихъ маленькаго городка. Она повисла на моей рукѣ, какъ будто мы цѣлый вѣкъ жили вмѣстѣ, и мы пошли шакъ прогуливались, не переставая шупншь и хохоташъ.

Вдругъ кто-то закричалъ сзади насъ :
 „Юлія, вы ли это, или не вы?“

Мы останавливаемся, и молоденькая женщина бѣжитъ въ объятія Юліи.

„Ты здѣсь?“

— „И ты? какое счастье!“

„Я въ восхищеніи.“

— „Гдѣ жъ ты живешь?“

„Посмотри — вонъ тамъ.“

„— Кто жъ тамъ это?“

„Моя племянница.“

— „О, какъ прелестна!“

„И какъ добра! А это ты господинъ?“

— „Мой пріятель, г. Шмитъ, который только что изъ Парижа, и можешь служишь претвѣмъ листкомъ нашего трилиственника: такъ онъ веселъ!“

Молодая женщина подала мнѣ доверчиво руку, и мы пошли назадъ къ племянницѣ, которая такъ прелестна показала мнѣ, какъ побѣда послѣ продолжительнаго кроваваго сраженія. Сказала бы я, какъ слава; но она стояла такъ смиренно у дверей, такъ низко намъ поклонилась, такъ ласково, что это сравненіе совсѣмъ нейдетъ. Но такъ была она прекрасна, какъ бы цѣна славы и всѣхъ благородныхъ подвиговъ, какіе видѣлъ свѣтъ. Нѣтъ, нѣтъ! она была такъ прелестна, какъ она сама, безъ всякаго сравненія.

Тетка ея съ Юліей сердечные друзья. Тетку зовушь Розешой, племянницу Делиной.

„И вы, государь мой, должны непременно сказать намъ свое имя, для нашего домашняго упошребленія въ часы веселости и дружества. Какъ васъ зовушь?“

— „Карль.“

„Пусть называется онъ Карлосъ.“

Мы вошли въ садъ, который не что иное, какъ небольшая рощица. По срединѣ маленькій домикъ, въ которомъ внизу двѣ комнашки, а наверху зала.

Не знаю, право, какъ что со мною дѣлалось — только минушь черезъ пашь остался я одинъ съ Делиной. Обѣ подруги, невидшіяся года три, должны были, какъ сказала Юлія, напередъ сдѣлать другъ другу вопросъ объ этихъ трехъ годахъ. Онѣ стали ходить, рука объ руку, взадъ и впередъ по аллеѣ.

Тутъ спадъ я дѣлалъ разныя наставительныя примѣчанія, какъ напримѣръ, что Делина была въ бѣлыхъ башмачкахъ; что ея бѣлое плашьце было все убрано прекраснѣйшими Брюссельскими кружевами; изъ чего, въ большомъ раздумьѣ, заключилъ я, что она должна быть богата и, уже не имѣя духу заглядывать предешной Побѣдѣ въ ли-

це, хотя никогда разсматривала бодро кровавые черны ея на десяти сраженіяхъ.

Подруги ворошились къ намъ и сказали, что объ одномъ годѣ изъ прехъ уже выслушали другъ друга, а мы съ Делиной не говорили еще и прехъ словъ.

Тутъ пошли мы въ залу. Юлія съла за форшепяно и недурнымъ голоскомъ пропѣла пѣсню сирѣльца къ гордому непріятелю. Тутъ спали разговаривать. Пошомъ пѣла пешка, пошомъ и я съ Юліей дуэпъ. Мнѣ и на мысль не приходило скромничать здѣсь на счетъ своего пѣнія и музыки.

Богиня побѣды пылала, какъ роза; изъ чего заключилъ я, что она также поетъ и боишя, чтобы ея не заспали пѣть.

Дѣйствительно такъ и случилось. Она пѣла съ шеткой дуэпъ. Это была побѣдная пѣснь гармоніи, и она почно была богиня побѣды.

Юлія перекружила и перевертѣла всѣхъ и каждаго. Только и слышно опъ нее было: „Карлосъ! Розета! Делина!“ Заспѣвчивость моя спала пропадать; скоро ободрилась и Делина, пошому что веселость и корошкось обращенія безпрестанно возрасшали. Наконецъ она подняла на меня глаза свои, и тушъ я почувствоваль, что погибь невозврашно.

Юлія перевершывала лисшы въ Оперѣ Оберонѣ.

„Делина!“ закричала она: „сюда! Карлосъ вшорой голосъ! Мой любимый дуэсть: Аманда, ахъ! моя ли шы?“

Я пълъ, но право не понималъ, чшд пою, какъ бы въ чаду упорнѣйшаго сраженія: гдѣ была Аманда, про шо знаешь Небо!

Поднялся громкій хохотъ, и пылающая краска на двухъ лицахъ кончила дуэсть.

Тутъ пили мы чай — не пугайся, што еще все одинъ и шощъ же день я шебъ опиcываю. — Меня заставили разливать, по закладу, который былъ мною проигранъ. Тутъ поднялся опять смѣхъ! Онѣ довели меня, въ моемъ горѣ ошъ чаю, почти до ошчаянія (можетъ бытьъ шочно никогда и ни къ кому ближе не шло што слово, какъ въ шо время ко мнѣ!). Обѣ помирали со смѣху и лили на себя чай, а все ошъ шого, что я не умѣлъ или не могъ ни за что порядкомъ взяться. Делина шоже смѣялась, но она помогала мнѣ подѣ рукою, и когда што было замѣчено, шо подняли на смѣхъ и ее за шакое сосшраданіе къ кавалеру, не желѣзнаго креста, а печальнаго образа.

Она хотѣла чшо-шо взять, я шоже, и она нечаянно плеснула мнѣ хидашкомъ на руку.

Тутъ-шо было опять хохошу, особливо когда Делина спала, съ вѣжнѣмъ участіемъ, перевязывать мнѣ руку и назвала меня въ первый разъ Карлосомъ, а потомъ даже Донъ-Карлосомъ. Она красѣла тысячу разъ, но все должна была смѣяться. Однако это разливаніе чаю, обжога и перевязка вѣрно на цѣлый мѣсяць подвинули наше знакомство впередъ.

Насъ пригласили оспашься ужинашь. Юлія хотѣла послашь домой сказать, чшобъ ее не ждали, но Розета не согласилась, потому чшо она рѣшилась жить здѣсь въ совершенной неизвѣстности. Это какъ то успроуди, и мы ошались.

Мы ужинали подъ открытымъ небомъ. Пивіе, шухки, смѣхъ, безконечная веселость, а иногда съ чешверть часа времени шоржественная разсудительность, дѣлали пиръ нашъ прекрасною симпозиєю Древнихъ.

Къ концу пира спали обѣ подруги разсуждашь серьезно о томъ, какимъ образомъ имъ видѣшься, чшобъ не замѣшили въ городѣ присутствія Розеты.

„Донъ-Карлосъ — Делина красѣла каждый разъ, когда меня шакъ называли — Донъ Карлосъ придетъ ко мнѣ завшра пошпру и пошомъ дасишь шобъ знашь; какъ я улажу. Онъ здѣсь никому незнакомъ.“

Была уже почти полночь, когда я провожал Юлію домой.

„Вы подарили меня прекраснѣйшимъ днемъ въ моей жизни, Юлія!“

„Я?“ сказала она значительнo: „да правда, потому что Делина прекрасна, какъ самый прекраснѣйшій день, не такъ ли, Карлосъ?“

Она просила меня, прійти поутру ранѣе; рассказывала о Делининой шешкѣ, о чистотѣ, превосходной, прости душѣ этой женщины, о прекрасномъ воспитаніи, какое дала она племянницѣ. „Она, правда, богата“ — примолвила Юлія: — „и Делина тоже; но если бы она была и бѣдна, это не уменьшило бы ея веселости. Мнѣ хочется съ Делиной познакомиться, какъ можно короче; шешка ея увѣряетъ, что по добротѣ ея сердца, по глубокимъ чувствамъ, по богатымъ, цвѣтущимъ дарамъ природы, не найдешь ей подобной. Станемъ соперничать, Карлосъ, кто изъ насъ больше полюбитъ дѣвушку.“

Я пошелъ въ безпокойствѣ въ свою го-спиницу. Все это, любезный Келеръ, казалось мнѣ сказано изъ тысячи и одной ночи. Тетка богата, племянница тоже богата! Рана руки не такъ болѣла у меня, какъ рана въ сердцѣ. На другой день смотрѣлъ я Сентябремъ. Я пришелъ къ Юліи.

„Карлосъ! вошь какъ я разсудила: если часто буду ходишь съ вами — вы здѣсь чужой — за нами спанушь подсмашривать, куда мы ходимъ. Вечеромъ накинута и покрывало, закушаюсь въ шинельку и пихонько прокрадусь въ вороша. Отсюда недалеко. Я найду васъ шамъ, и вы проводите меня назадъ. Это перескажете вы Розешъ.“

Я схватился за шляпу, чшобъ итши.

Она улыбулась насмѣшливо. Я положила опашь шляпу.

„Нѣшь, подите, подите. День прекрасный.“ Она прогнала меня со смѣхомъ и угрозами, чшо иначе перескажешъ о шомъ Делинѣ.

Чоршь возьми! говорилъ я дорогою: неужли шы сдѣлаася мячемъ двухъ женцинь?

Я пришелъ. Розеша приняла меня какъ нельзя ласковѣе; дружескимъ пономъ сказала мнѣ: „здравствуйше, добрый Карлосъ!“

— „Если я пришелъ рано. . . .“

„Для меня почши такъ; но Делина уже съ часъ времени занимается цвѣтами, садовыми и поѣшическими. Делина! Делина!“

Делина пришла — прекрасна, какъ красивѣйшій день: сравненіе шоме не дурно.

„Здравствуйше, добрый Карлосъ!“ сказала она, шощасъ взглянувъ на мою руку, кошорую обварила наканунѣ.

Мы сѣли въ шѣни, и я долженъ былъ рассказывать имъ о своихъ походахъ. Мы всѣ распрогались, да, всѣ распрогались жестокою судьбою челоуѣка, мужесшвомъ, съ какимъ забываешь онъ прошедшее и не спрашишься будущаго; и эпошъ разговоръ мало по малу возвысилъ наши души, представилъ намъ гораздо лучше виды, нежели эша жалкая жизнь со всѣми ея маленькими огорченіями и мелочными радостями, перенесъ всѣхъ насъ за предѣлы гроба, къ свиданію по смерти.

„Пишая шакую надежду, Карлосъ, Делина, будемъ друзьями, мы и еще нѣсколько шакихъ же просныхъ, мирныхъ сердець; спанемъ любить другъ друга, пока не обратимся въ прахъ, пока опять не увидимся.“

Глаза Розеты блистали слезами, у Делины давно уже онъ наверхывались. Въ одно мгновеніе подали мы другъ другу руки и скали ихъ вмѣшъ. „О, любезный Карлосъ!“ сказала Розета. „Любезная Розета! любезная Делина!“ — „Любезный Карлосъ!“ — „Любезная шешушка!“ шакъ восклицали мы, и я чувсшвовалъ, что эша прогашельная минуша возвысила взаимную нашу искренность болѣе, нежели весь вчерашній день, проведенный въ невинныхъ, исполненныхъ чистаго наслажденія радостяхъ. И когда шешка пошла одѣ-

вашся, Делина сама, съ довърчивою улыбкою, подала мнѣ свою руку и мы продолжали разговоръ. Вдругъ спросила она у меня съ живостію: „почему же мы узнаемъ другъ друга, Карлосъ?“ — „По этому разговору, Делина, по этому мгновению, когда я заглянулъ въ вашу душу, а вы въ мою.“

— „Боже мой!“ сказала она весело: „и если бъ я вамъ напомнила это мгновение?“

„Я сказалъ бы: Делина, въ цѣлую жизнь свою не забывалъ я этого мгновения. Точно не забывалъ, Делина.“ — Я смотрѣлъ быстро въ голубые глаза ея. Она ихъ не пошупила, она не покраснѣла. Чело ея блистало веселиемъ. Не было и слѣда земнаго въ чувствахъ нашихъ.

Мы пошли въ залу, пошому что въ саду стало жарко. Я принялъ предложеніе шешки обѣдать вмѣстѣ съ ними. Уже я чувствовалъ, что принадлежу къ нимъ.

Проходя мимо насъ — я съ Делиной сълъ играшь что-то въ чешыре руки на фортепьяно — шешка сказала: „дѣши, поучите сегодня: Аманда! ахъ, моя ли ты? Вчера это у васъ очень еще не ладилось.“

Делина, въ своей невинности, спала искать ари. Мы пропѣли раза два.

„Такъ сегодня идешь получше?“ спроси-

*

ла шешка и шакъ насмѣшливо , какъ бы на-
мѣкая на самицхъ насъ.

Делина сказала : „сегодня идешь очень
хорошо, милая пешушка!“

— „Право, и Карлосъ не сбивается?“

„Нимало.“

— „О, шакъ вы прелюбезная парочка!“
закричала шешка и убѣжала.

Скажи мнѣ, скажи пожалуйста, Келеръ,
не должна ли мнѣ прійти въ голову сапа-
нинская мысль, что меня здѣсь дурачашь, и
не долженъ ли я былъ вывести себя изъ ду-
раковъ? Иногда казалось мнѣ, что я иду ра-
дужнымъ пушемъ, иногда же, какъ будто на
горячихъ угольяхъ или на колючемъ шернов-
никѣ.

Напримѣръ, шешка за столомъ вздума-
ла рассказывать мнѣ, въ присушествіи пле-
мянницы, что Делина все упрю, пока я не
пришелъ, проговорила ей обо мнѣ и о доб-
рыхъ моихъ качествахъ. „Я нарочно спала
противорѣчишь, Карлосъ, чшобъ посмо-
шрѣшь, какъ эшо на нее подѣйствуешъ, и
она разсердилась на меня, плушовка; крош-
кіе глазки засверкали гнѣвомъ.“

Делина не знала, куда ей смолшрѣшь.
Она краснѣла во весь обѣдъ.

Мнѣ спало досадно на шешку; но на

долго ли? она шакъ добра, шакъ простосердечна.

Вечеромъ явилась Юлія, а съ нею опять радость и смѣхъ. Лишь только Делина поднимала на меня глаза, какъ уже Юлія дразнила ее, а шешка помогала.

„Видишь, Юлія“ — говорила послѣдняя — „сегодня поушпру онъ ей рассказывалъ свои подвиги на водѣ и на сушѣ, какъ онъ боролся со смерщью, какъ онъ помнилъ зноемъ, примерзалъ къ землѣ отъ спужи, и все безъ малѣйшаго вздоха, пока наконецъ добился храбро кроваваго вѣнка побѣды.“

„И при этомъ, Розета, оборачивалъ онъ къ Делинѣ щеку свою съ рубцемъ, который не больше ямки, родящейся отъ усмѣшки?“

„Да конечно; и бѣдная Дездемона (*) слушала, прислушивалась, вздыхала и пѣла: Singt Weidel Weidel Weidel!“

Можешь вообразить, другъ мой Келеръ, каково было бѣдной, милой дѣвушкѣ, которая шущь сидѣла, покушалась защищать себя и меня, но еще болѣе зло увеличивала.

На обратномъ пуни съ Юліей, просилъ я ее щадить нѣсколько Делину.

(*) Дѣйствующее лице въ Шекспировой Трагедіи: *Отелло. Перев.*

„Гошова, сколько возможно, господинъ кавалеръ“ — ошвѣчала она: „но признаюсь, что я съ роду не видывала шакихъ безголо-выхъ, какъ вы оба, вы Карлосъ, и Делина. Вчера, напримѣръ, когда она обожгла вамъ руку, вдругъ спала опирашь лѣвую вмѣсто правой, и вы не замѣшили того, дули на обожженую руку, а здоровую давали терешъ и обсушивашъ. Сегодня опять — ужъ я бы, право, сдѣлала одинъ конецъ, Карлосъ; пришла бы къ тешкѣ и сказала: Розета, я люблю вашу племянницу.“

„А чшо, вы думаете, спала бы она ошвѣчать?“

„Она ошвѣчала бы: эшо я знаю съ перваго мгновенія, въ кошорое вы ее увидѣли.“

„Я боюсь: тешка спросила бы, кто вы?“

„У васъ ешь на-гошовъ ошвѣтъ, кошорый годится для всякаго: Кавалеръ желѣзнаго креста.“

„Но болѣе ничего.“

„Тешка вѣрно знаетъ объ васъ еще какія набудь пріятныя подроности; она говорила мнѣ сегодня: я въ самомъ дѣлѣ думаю, что у Делины съ Карлосомъ выйдетъ не шумка; но можно ли и винишь дѣвушку — шумъ вычислила она мнѣ дюжины двѣ добродѣтелей вашихъ, изъ кошорыхъ, правду сказашъ, я замѣшила развѣ что двѣ.“

Самъ чоршъ не знаешь, въ шупку ли все это или въ правду; но имъ удалось во-гнать любовь, всѣми пушями души, мнѣ въ грудь, и бѣдной дѣвушкѣ поже.

Я проходилъ всю ночь, въ раздумьѣ, по улицамъ, и разъ напкнулся на ночнаго спорожа, которъ въ это время въ правѣ требовашь, чшобъ ему уступали дорогу.

„Любезный другъ!“ сказала я: „клянусь душею, я ничего не вижу и не слышу.“

Въ другой разъ, когда мы опять повсрѣчались, этошь молодець шакъ задудѣлъ въ рожокъ, чшо я перепугался:

Наконецъ рѣшился я, на удачу, послѣдовашъ совѣшу Юліи — явивься, не къ Розетъ, а къ Делинѣ, пошому, чшо если все это была шупка, шогда отшвѣшь шешки сразилъ бы меня.

На другое ушро, не позже шести часовъ, былъ я уже въ рошицѣ и споялъ подлѣ Делины, которая не слыхала, какъ я подкрался. Она обрѣзывала розы и шихо напѣвала мелодію: на вѣкъ, на вѣкъ швоя!

„Аманда, шы моя!“ началъ я: „и шакъ шо былъ не сонъ?“

Она оглянулась, смѣючись.

„Такъ рано, любезный Карлосъ?“

„Такъ рано; кшо знаешь, не поздно ли уже? Любезная Делина, а человекъ проспо-

сердечный; не знаю, какъ мнѣ понимать шешушку и Юлію. Сердце мое полно, шакъ полно чистѣйшаго блаженства, и за всѣмъ швѣтъ я въ недоумѣніи. Желалъ бы, если бѣ вы искренно“ — я взглянулъ на нее; она смошрѣла на меня весело и ласково.

„Тешушка и Юлія не напрасно дразнятъ меня, пошому что — пусть же все обнаружится — я люблю васъ, Делина, ошъ всего сердца. Но надъ мою пламенную любовь не долженъ никшо насмѣхаться, еще менѣ надъ моимъ пламеннымъ сердцемъ.“

„Я увѣрена, что вы не думаете о нихъ ничего худаго, Карлосъ.“

„Думаю или нѣтъ, Делина, это все равно; но какъ вы думаете обо мнѣ, о моей любви — вопъ что спрашивается. Или останусь я съ этого дня на вѣкъ съ вами, или вижу васъ въ послѣдній разъ.“

Она посмошрѣла на меня съ удивленіемъ. „Что это, Карлосъ, любезный Карлосъ? Еще недавно вы дразнили меня шакъ злобно.“

„Но не шакъ я думаю, Делина. Слезы на вашихъ глазахъ, на моихъ шожѣ, а въ моей груди пышитъ пламя безпредѣльной любви моей къ вамъ. И шакъ скажете, долженъ ли я ишши?“

— „О нѣтъ!“

„Но могу ли навсегда съ вами останься?“

Она покраснѣла — шо поднимала, шо опускала глаза свои. Попомъ подала мнѣ одну розу.

Я схватилъ руку, подающую мнѣ цвѣшокъ: „моя ли эша рука вмѣстѣ съ цвѣшкомъ? —

Она успремила на меня взоръ свой.

— „Должна ли я—ошвѣчашь?“ спросила она тихо.

„Мои ли эши слезы, эшошъ шренешъ, эша блѣдностъ, эшошъ румянецъ на щекахъ, эшо бѣющееея сердце? Делина, моя ли душа швоя?“

Она выронила цвѣшокъ и подала мнѣ руку. „Карлосъ!“ сказала она: „какъ неопышна я, што такъ рано измѣняю своему сердцу!“

Я обвилъ руку вкругъ ея спана, и воскликнулъ: „Ахъ, скажи мнѣ все; въ моей груди буншуютъ сомнѣнїя!“

„Развѣ я и шо не слишкомъ уже много сказала, мой милый Карлосъ!“ Она ошворотилась на минушу, а попомъ опяшь спала смошрѣшь на меня съ уныло-предешною улыбкою. „О!“ сказала она нѣжно: „неужли вы всѣ пакъ немидосерды къ первому волненїю моего бѣднаго сердца? Тешушка измѣнила уже мнѣ, Карлосъ! Гдѣ скрпшь мнѣ спыдъ лица моего, если не на эшой груди, ошъ

копорой ожидаю себѣ вѣрности, любви и счастья ?“

Она оперлась головою на мое плечо. Наши руки сплелись. Уста мои коснулись ея щеки. Она тяжело вздохнула и хошѣла опсторонить свою щеку. Тутъ я заключилъ ее въ свои объятія, и прощяжный поцѣлуй запечатлѣлъ уста наши.

„О Делина моя!“ сказалъ я, прижимая милую къ груди своей. Она обвила руку вокругъ моей шеи и лепетала тихо, съ поникшей головою: „любезный мой Карлосъ!“

Тутъ подняла она голову, посмотрѣла на меня съ улыбкою, прижала мою руку къ груди своей, и сказала: „теперь дай те мнѣ опдохнуть одну минуту.“

И все это, Келерь, казалось мнѣ сновидѣнемъ, или просто видѣнемъ, или волшебствомъ.

Съ часъ оставался я одинъ. Ея плашье бѣлѣлось сквозь вѣшвей.

Наконецъ появилась пешка въ кустарникѣ и шла къ ней.

Вотъ теперь-то все объяснится! думалъ я, топнувъ ногою, и тихо пошелъ въ слѣдъ за нею.

„Ахъ, пешушка!“ сказала она: „какъ вы меня приспыдили! Онъ знаетъ все, знаетъ, что я его люблю. Онъ здѣсь.“

„Знаешь все? шакъ онъ тебѣ сказалъ, что любишь себя?“

„Ахъ, шешушка, и я открыла ему свое сердце!“

„Слава Богу! Ангель любви ниспосылаешь благодать на главу твою. Гдѣ жъ онъ?“

Я выступала — склонилась на колѣна; но шешка закричала: „вѣшь! вѣшь! Карлосъ! Признайтесь только, любите ли вы шочно Делину?“

„Можете ли спрашивать?“

„Ну, шакъ дайше вашу руку!“ Она сложила наши руки, и съ слезами произнесла надъ нами свое материнское благословеніе.

„Я даю вамъ Ангела непорочности, дорогой мой Карлосъ. Дай же ему кольцо твое, милая.“

И я отдала кольцо, которое получилъ на память отъ своей умирающей матери, единственное отъ нее наследство.

Тутъ бросила она Делину въ мои объятія и съ торжествующею радостію сказала: „вошь вамъ невѣста, а если Богу угодно, черезъ мѣсяцъ и жена! Но шеперь спупайше и расскажите Юліи.“

Я еще стояла, думая, что она все таки наконецъ меня спроситъ, кто я шакъ. Но она прогнала меня.

Я пришелъ къ Юліи, объявилъ ей сухо свою новостъ. Она обняла меня, спала шапцовашъ вокругъ меня по комнашъ.

Эта вѣрно спросишь! думалъ я.

„Мнѣ надобно писашъ письмо“ — сказала она. Ровно въ двѣнадцатъ часовъ ожидаю васъ у вашей невѣсты.

Я пошелъ, и повѣришь ли ты, что на улицѣ спалъ я ужасно проклинашъ все въ мірѣ, пошому что мнѣ чудишся, шущъ все еще сидишь дьяволъ, и вдругъ онъ выскочишъ.

Спокойно взялся я за перо и написалъ къ шебъ эшъ спроки; шенерь ударила половина двѣнадцатаго.

Понимаешъ ли ты шущъ что нибудъ? Дьяволъ въ засадѣ, но Делину мою вырву я изъ самаго ада. Прощай!

Ю л и я к ъ Г е н р и е т ѣ .

Нейштатъ.

Пишу наскоро нѣсколько спрокъ, съ верховымъ. Карлъ сдѣлалъ шоржешвенную помолвку съ Аделью. Но эша дѣвушка шочно Ангель, и швой Карлъ шоже — мужешвенный Ангель, кошорый сладишъ хошъ съ какимъ дракономъ. Намъ будущъ однако съ нимъ

хлопоты: онъ каждую минушу опкрываешь ротъ, чшобъ сказаъ намъ, что онъ не Шмидъ, а Келеръ. Но пусть говоришь, что хочешь, мы ему не повѣримъ; также не узнаешь онъ и того, что ненавистная Адель сдѣлалась его невѣстой. Ты сочинительница комедіи, ты же должна и кончить ее. Прощай. Никогда не удастся тебѣ видѣшь влюбленныхъ болѣе, нежели они. Но, правду скажешь, сердца ихъ попались въ руки такихъ женщинъ, которыя, въ случаѣ нужды, могли бы замѣнить Амура, если бъ шарому мальчишкѣ вздумалось сложить съ себя должность. Такая бѣда конечно была бы горька нашему полу, потому что эти мгновенія, когда улыбка наша пользуется всемогуществомъ, а поцѣлуй нашъ поднимаетъ на седьмое небо, ахъ! не въ эти ли только мгновенія можемъ сказаъ: мы счастливы! Прощай!

Ш м и д ъ к ъ К а р л у .

Нейштатъ.

Дѣло началось смѣхомъ, и оканчивается смѣхомъ же.

По прошествіи трехъ, счастливейшихъ дней въ моей жизни, въ которыя наслаждался я въ объятіяхъ Деланы, вздумалось мнѣ

сказашъ пешкѣ: „но вы не спрашиваете даже, кто я шаковъ?“

„Ахъ, да! хорошо же! скажите — вы не женашы?“

„Да!“

„Честный человекъ?“

„Да!“

„Будете ли вѣрны своей невѣстѣ?“

„Да!“

Она сдѣлала пренизкій поклонъ. „Больше мы ничего опъ васъ не` пребуемъ.“

Но у меня ничего нѣтъ, ничего, кромѣ этого желѣзнаго креста; я шакой бѣднякъ, что . . .“

„Однако Карлосъ! — невѣста ваша богаша. Спыдитесь! кто будешъ говорить, что онъ бѣденъ, когда имвешъ шакую возлюбленную?“ — Она оставила меня и ушла.

Черезъ три дня попалъ я на Юлію. — „Вижу, Юлія, что вы смотрите на меня всегда съ большою охошою смѣянься, какъ бы что васъ къ тому подстрекало, а я спую, какъ чурбанъ, и, право, самъ себя не понимаю. Но бьюсь объ закладъ, Юлія, что вы шаже мало обо мнѣ знаете.“

„Чего жъ бы я не знала, Карлосъ, посмотри!“

„Пусть и малосъ: что я шакое, что у меня ешь, и чего не ошдамъ я ни за

что въ мірѣ, и вошь почему: одна спашья въ помъ числѣ называется: честная душа моя. Эта именно спашья и заспавляешь меня шеперь говоришь о себѣ. Вошь моя ошспавка — въ ней все, что шолько можно сказаць обо мнѣ.“

Я началъ чишашь:

„Предъявишель сего, Карль Вильгельмъ Шмида, вольноопредѣлившійся спръдокъ, единшвенный сынъ покойнаго Пасшора Шмида въ Дризенѣ, что въ Пошсдамской области, роспомъ пяши фушовъ осьми вершковъ“ „Тушь слѣдуюшь мои подвиги, Юлія, на водѣ и на сушѣ, и награда дѣль моихъ, эшопъ крестъ. Тушь все, все добро, какое шолько я имѣю, кромѣ еще одного добраго пріашеда, по имени Келеръ, кошорый познакомилъ меня съ вами переданнымъ мною письмецомъ — и шо кошѣлъ онъ прежде привезши вамъ самъ, но такъ случилось.“

Она хохошала безъ умолку.

„Кажешся, вы эшопу не вѣрите, Юлія, или шупъ ешть что нибудь. Только я не хочу Делины укрась. Вы не знаете, какую шоску нагоняете своимъ смѣхомъ на мою душу. Заклинаю васъ, выслушайше меня.“

Тушь посмошрѣла она пристально и серьезно мнѣ въ глаза, на кошорыхъ висѣли слезы.

Она прочишала мою опспавку всю, и спала качашь головою, какъ будшо бы не вѣрила.

„Вы получили привезенное мнѣ письмо опъ“

„Опъ моего лучшаго друга изъ Грейца, въ приложеніи вошь къ вшому письму.“

Я вынуль швое письмо, и прочишаль ей шо мѣсто, кошорое опносилось къ нашему дѣду.

„И въ самомъ дѣлѣ вшо выходишь не шушка,“ сказала она въ размышленіи.

„Ну, слава Богу!“ сказалъ я.

„Такъ вы почно называетесь Шмидъ?“ спросила она, вздыхая.

„Шмидъ!“ сказалъ я съ досадою. „Опдаю вамъ чесшь свою залогомъ шого, чшо говорю правду, а если и шушь не повѣрите, шо велише спросишь о моемъ имени шоварищей моихъ, изъ кошорыхъ здѣсь двое. Я гошовъ помогашь разыгрывашь комедію; но не шакую, въ кошорой наконецъ я долженъ явшись обманщикомъ, хопя бы цѣною шого была рука любимой мною дѣвушки, Делинина.“

„Но вшопъ сабельный рубчикъ на щекъ?“

„Чшо жъ онъ?“

„О много! очень много значишь!“

Меня хотѣли заспавишь еще разъ пересказать, какимъ образомъ попало мнѣ въ руки письмо, а ты остался въ Грейцѣ. О письмѣ я повторилъ, а ошъ расказа швоего пушешествія опдѣлался цоклономъ.

„И шакъ“ — повторила она при раза: „и шакъ — и шакъ вы г. Шмидъ?“ Она говорила это съ шяжкимъ вздохомъ. Я споля на угольяхъ, а она, какъ будто на яичныхъ скорлупахъ, переходила ошъ форшепяно къ окну, и ошъ окна къ сполу, перебирая пальцами складки швоего плашья, въ видимой шоскъ, и моя шоска усилилась до невѣрояшности.

Она посмошрѣла опяшь на меня и покчала головою. „И шакъ вы г. Шмидъ?“

„Какъ же вы познакомились съ другомъ вашимъ, Карлосъ?“

Я расказалъ ей прогашельное происшествіе, кошорое соединило сердца наши. Она слушала, играя мизинцемъ около губъ, и была расшрогана.

„Добрый Карлосъ!“ сказала она и подала мнѣ руку.

Имя Карлосъ было для меня шушь, какъ лучъ солнца сквозь ужасную бурю. Но шогда опяшь начала она свою процессію на скорлупахъ, ошъ форшепяно къ окну и ошъ

окна къ сполу, говоря безпрестанно: „и шакъ г. Шмицъ!“

Наконецъ закричалъ я съ сердцемъ: „Юлія! если даже молнія гошова поразишь мою голову, чшо я предвижу: шо заклинаю васъ, не оспанавливайшесь нанесши мнѣ впошъ ударъ. Вѣдь я человекъ!“

Она посмотрѣла на меня, взяла за руку и сказала крошкимъ голосомъ: „Добрый, благородный Карлосъ! Прошу васъ — оставьте меня!“

Она опять спала дергающъ свое платье, и раза два очень сильно, попомъ шопнула ногой, наконецъ захохотала и покашлялась на софу ошъ смѣху, которому не было конца.

„Ахъ, Боже мой!“ сказала она, подавая мнѣ опять руку: „Насъ поддѣли, но не васъ. Я иду къ Розетѣ — черезъ часъ или побольше, приходите сюда и вы, любезный Карлосъ!“

Она, смѣючись, надѣла шляпку, взяла свой зонтикъ и пошла.

Черезъ часъ пошелъ я сюда же. Делина стояла у дверей, и увидѣвъ меня, порхнула ко мнѣ съ нѣжною ласкою. Я посмотрѣлъ ей въ глаза, и не нашелъ ни слѣда безпокойства. Юлія съ Розетой заперлись въ особой комнатѣ.

Наконецъ вышла Розета: „здравствуйше, Карлосъ! — Здравствуйше, Розета! — Здравствуйше, Юлія!“

Онъ, смѣючись, оставилъ меня съ Делиной одного.

„Что такое у нихъ еще?“ сказала милая дѣвушка, улыбаясь.

„Вѣрно что-нибудь объ насъ.“

„О, нѣтъ! Прежде говорили онъ громко и очень серьезно, а потомъ смѣхъ уже не прекращался. Разговоръ ихъ касался какой-то Генріешы, съ кошорою вѣрно хопашъ онъ сыграшъ какую нибудь шушку, безъ ея вѣдома.“

За споломъ объявлена была женцинъ, которая прислуживала, моя помолвка съ Делиной. Тетика спросила меня, гдѣ я съ Делиной думаю жить. Она рассказывала о ея имѣніи. Спросили Делину; она съ милымъ румянцемъ на лицѣ ошвѣчала, что хорошо, если бѣ мнѣ понравилась деревня, въ кошорой она родилась и провела свою юность; но гдѣ бѣ ни жилъ Карлосъ“ — прибавила она: — „я буду съ нимъ счастлива.“

О нашей свадьбѣ говорили, какъ о весьма близкомъ дѣлѣ, но не смотря на мои наспоянія, не могъ я узнать никакой въ шомъ связи.

*

Тетка ошвела меня въ спорону. „Я даю вамъ Делину, Карлосъ. За это общайше мнѣ еще недѣлю ни о чемъ Делины не спрашивашь, а если она вамъ что и скажешъ, шо никому, кшо бь шо ни былъ, шого не пересказывашь. Поклянись и положише руку на желѣзный вашъ крестъ!“ — Я поклялся, и ничего не знаю, кромѣ шого, что деревня, принадлежащая Делинѣ, настоящій рай земной — не знаю даже ея названія. Делина не говоритъ мнѣ ничего, думая, можешъ бышь, что мнѣ все извѣстно. Пройдешъ недѣля, и я буду счастливейшимъ на землѣ человекомъ.

Мое письмо вѣрно заспанешъ себя еще въ Грейцѣ. Да сопуществуетъ тебѣ богиня убѣжденія и швоя Минна, предъ лице швого отца! Прощай!

Г Е Н Р И Е Т А К Ъ Ю Л И Я .

Фихтенвальдъ.

Ну, что мы надѣлали, Юлія! Нѣтъ, шшого я тебѣ никогда не прошу!

Я получила швое письмо со съ верховымъ. Весь домъ нашъ наполнился радостію, хоша дядя и не хошѣлъ признашся, что принимаетъ въ шомъ участіе.

Черезъ два дня попомъ, получила я и швое подробное описаніе. Тушь началъ дядя чишашъ длинныя поученія о гауптѣйшей изъ всѣхъ спрасшей, о любви, и о помъ, что шакой человекъ, какъ Карлъ, повѣсилъ свой желѣзный крестъ на самомъ слабѣйшемъ мѣстѣ груди своей. Онъ кричалъ на всѣхъ насъ, но удовольствіе сверкало изъ глазъ его, что наконецъ Адель, имъ сердечно любимая Адель, будешь его невѣсткою.

„Три дня!“ вскричалъ онъ сердито: „Три дня только! Это мнѣ досадно, и когда онъ прѣдешь, смѣйся надъ нимъ Генріеша, какъ можно болѣе смѣйся. Если бъ я былъ на его мѣстѣ, то замѣшилъ бы, говорите, что хощите, замѣшилъ бы, что меня проводяшь. Смѣйся надъ нимъ, хотя бы краска бросилась ему въ лице, какъ школьнику.“

Не смотря на то, велѣлъ онъ убраться получше въ наши комнаты, выписалъ множество рѣдкихъ плодовъ и винъ, накупилъ шайно сошню предешныхъ вещицъ: цѣпочекъ, браслетъ и перешней, и едва ли, веселостью и дѣшельностью, не превзошелъ моей бѣлки, но и припомъ не забывалъ дѣлать намъ одно поученіе за другимъ.

Однажды поушру — шы уже не писала ни слова, и дядя спалъ между шѣмъ безпокопться — вдругъ отворяется дверь, и Карлъ

спойшь передъ нами, какъ уличенный школьникъ.

„Скажише,“ закричала я: „не шакъ ли онъ смотришь, какъ будто позади него спряшана невѣста, кошорую хочешъ онъ ввеси къ намъ шайкомъ?“

Кровь бросилась ему въ лице. Онъ по-смошрѣлъ на меня очень сердито за то, что я вопросомъ своимъ уничтожила всѣ, пригошвенныя имъ вшупленія.

„Карль!“ сказала мать: „ежели у тебѣ ешь подъ спудомъ невѣста, по говори: сегодня мы расположены ко всевозможнымъ прощеніямъ.“

„Да, башюшка,“ началъ онъ въ смущеніи: „любовь ешь“ — „Свистокъ“ подхвашилъ ошець: „который героевъ и кавалеровъ заманиваетъ въ шенеша, какъ перепелокъ. И какъ вшому нельзя бышь иначе, по веди свою невѣсту, если она подъ рукою, и все будешъ ладно.“

„Башюшка!“ сказалъ онъ еще въ большемъ изумленіи.

„Все будешъ ладно!“ воскликнула мать.

„Будешъ ладно!“ — шешка.

„Ладно!“ — я. Мы очень искусно предшвили вхо, и пошомъ всѣ вдругъ захошшали.

„Башюшка!“ сказалъ онъ опашь, посмашривая на насъ.

„Онъ дальше ничего не помнишь!“ закричала тетка: „Бѣдняжка, неужели только и будешь, что: бабюшка!“

— „Вы общаете, бабюшка?“

„Да, да, кто бы ни была твоя невѣста; пусть явится къ намъ; потому что если ты, какъ мужчина пвердый, рѣшился не сошвѣтспововать моимъ желаніямъ . . .“

— „Ахъ, бабюшка, я не могъ.“

Бѣдняжки спало мнѣ жаль. Такъ онъ еще не знаешь, думала я, что его возлюбленная и Адель, одно и то же. Тетка громко смѣялась, мать чуть не плакала, отецъ улыбался, предвидя свое торжество, и воскликнулъ: клянусь тебѣ, все будешь ладно, все прощено. Веди твою невѣсту!“

Карлъ однимъ скачкомъ убрался изъ дверей.

Тутъ мать серьезно запрещала всѣмъ хохотать.

„Можно ли запрещать? можно ли удержаться?“ кричалъ дядя, а слезы уже сверкали на его глазахъ.

Всѣ мы условились, лишь только она появилась, какъ бы съ радостнымъ испугомъ закричать: „Адель!“ и броситься въ ея объятія, будто бы ничто не могло быть естественнѣе.

Черезъ четверть часа услышали мы, что она идетъ уже въ передней, и вдругъ вошла

премиленькая, прехорошенькая дѣвушка — по щекамъ капились слезы, глаза пощупавны, съ робкимъ, смиреннымъ поклономъ еще на порогѣ, упомята такъ, что Карлъ долженъ былъ ее поддерживать; но въ ней ни одной, ни одной чершты Аделиной.

„Башюшка!“ сказалъ Карлъ: „вонъ она, ваша спарая знакомка и моя вѣрная ушъипельница, когда я при мѣсяца, раненый лежалъ въ Грейцѣ.“

Подумай же, какъ мы изумились !

Ни одна рука, ни нога не пошевелилась во всей залѣ; мнѣ кажется, большіе, свѣтныя часы оспановились и канарейки выглядывали неподвижно изъ за рѣшетокъ.

У всѣхъ насъ былъ шуманъ передъ глазами; но шѣмъ двоимъ на порогѣ было конечно еще хуже нашего.

Я совсѣмъ не могла сообразить, какъ все это случилось. Однако черезъ минушу зашмѣнія, опомнилась я, бросилась къ незнакомкѣ, заключила ее въ свои объятія и сказала: „успокойшесь напередъ, милая!“ Пошомъ подвела ее къ машери, у кошорой уже слезы и любовь блиспали изъ глазъ, и сказала: „это машушка вашего Карла.“ И шущь оспавила я прелестную дѣвушку въ объятіяхъ машери.

Какъ бы ни должна была разрѣшишься загадка, кошорой я конечно не понимала, но дѣло въ томъ, что должно было прерваться это ужасное молчаніе. И точно, это помогло. Мать обняла дѣвушку, и сказала съ самымъ выразительнымъ радушіемъ: „милая дочка! любезная дочка! мы любимъ тебя душою!“

Она подвела ее къ мужу, и сказала: „это добрый отецъ швоего Карла!“

Онъ прижалъ дѣвушку къ груди своей, и — каковъ онъ всегда — едва мысль, что держишь въ объятіяхъ невѣсту своего сына, проскользнула въ его сердце, какъ уже онъ, не оспановясь на этомъ первомъ чувствѣ, предался влеченію доброй души своей. Лице заблестало радостію, глаза наполнились слезами, и шуть вышла сцена, въ кошорой я больше люблю дядю, нежели всѣхъ другихъ людей. Сердце его запрыгало отъ радости, отъ печали, отъ любви, отъ всѣхъ прекраснѣйшихъ чувствованій. Никакая невѣста вѣрно не была съ бѣльшею любовью принята въ домъ жениха, какъ незнакомка въ нашемъ.

Карлъ съ восторгомъ поцѣловалъ у меня руку. Онъ видѣлъ, что я первая переселила поску и показала шуть природѣ.

„Знакомка? сказалъ ты, Карлъ?“ спросилъ

опецъ, когда излилъ уже всѣ сердечныя свои ласки на новую свою дочку.

„Фрейшильдомъ назывался опецъ моей Минны.“

Тутъ съ продолжительнымъ, горестнымъ ахъ! прижалъ еще опецъ разъ дѣвушку къ груди своей, и поспѣшно спросилъ: „жива ли твоѣ мать, милая?“

Она стояла на порогѣ. Карлъ подвелъ ее съ почтительностію, испинно чистосердечною, къ опцу своему.

„И такъ сестра моя, любезная сестра моя! Спросише всю мою семью, вскричалъ онъ съ жаромъ: какъ я бѣшенъ, какъ подозрителенъ, какъ жестокъ, какъ непримиримъ! Все это лишило меня друга!“

Почти всѣ мы бросились къ ногамъ его, когда онъ сказалъ это, и ему крѣпко опъ насъ доспалось.

Наконецъ возстановилось спокойствіе. Я подсперегала минушу развязки. Уже въ глазахъ дяди чипала я о шомъ вопросъ; но, вѣроятно, и онъ чипалъ въ глазахъ моихъ. Вдругъ съ комическою миною закричалъ онъ: „Видишь, какова Генриета! хочеть меня употребить вмѣсто кошачьей лапы, чпобъ достать ей кашпаны изъ полымя; но я не скажу ни слова, хотя бѣ во вѣкъ не узналъ, чпо было между Аделью и Карломъ.“

„Между Аделью и мною? какъ такъ?“

Мы всё успремились на него съ любопытствомъ.

Онъ также съ удивленіемъ смотрѣлъ на насъ.

Тутъ въѣхала карета во дворъ. Я закричала: „Адель!“ и закричала изо всей силы, потому что узнала ея экипажъ.

„Злой!“ сказала я Карлу: „такъ ты обманулъ насъ!“ и побѣжала къ каретѣ.

Аделина шепка посматрѣла на меня, смѣючись, и сказала: въ другой разъ дѣлай лучше описаніе примѣшь. Она представила мнѣ молодаго воина и сказала: „Карлосъ, женихъ Делины! Но развѣ нѣтъ у него на щекѣ рубца? Развѣ не зовушь его Карлосомъ? развѣ нѣтъ у него желѣзнаго креста? Не онъ ли почто прозывается Шмидомъ? Не онъ ли вручилъ свое письмо Юліи, которая велишь кланяться и надъ побою посмѣяться? Не онъ ли другъ вашего Карлоса? Недѣля уже прошла, Карлосъ“ — продолжала она, обращаясь къ молодому чело-вѣку, которій стоялъ въ изумленіи, какъ и я: „вашъ другъ, Келеръ, долженъ былъ привезти къ Юліи письмо, вашъ другъ Келеръ долженъ былъ влюбиться въ Адель, Адель должна была влюбиться въ вашего друга Келера. Но судьба опредѣлила вамъ Адель, а моею

Адела благороднѣйшаго челоуѣка! Здѣсь будешь ваша свадьба! Пойдемъ-ше. Дядя швой дома? То-шо будешь ворчашь; но самъ виновашь: зачѣмъ дѣлаешь свои порученія такимъ безголовымъ, какъ“ — она спукнула меня по лбу. Теперь нѣтъ изъ насъ никого, кому бы не было нечаянности.“

„Тебѣ будешь еще новая, Розеша!“

Мы пошли въ комнашы. Оба друга бросились обниматься, и каждый представилъ другому свою невѣсту. Тушь, когда все было пересказано и весь домъ наполнился смѣхомъ — о Юлія! зачѣмъ ты не пріѣхала? Твой злой женихъ! — Тушь закричалъ дядя, кошорый спрахъ; какъ смѣялся, и спрахъ, какъ былъ весель: „кто держишь закладъ, я всѣмъ сдѣлаю нечаянность!“

У спаричка было что-то на-гошовъ: онъ давно перемигивался съ управителемъ, и тушь снова мигнулъ ему, шопъ вышелъ, пришелъ и кивнулъ головою — но я все не знала, что такое. „Всѣмъ сдѣлаю нечаянность!“ кричалъ дядя. Онъ олворилъ дверь въ залу. „За мной! за мной!“ повшорялъ онъ.

Мы вошли въ залу, шамъ споялъ Паспоръ, и было все пригошовлено къ вѣнчанію. Я начала дрожашь, какъ осиноый листъ.

Въ шоскъ поклялась я, что буду добра,

как Царица Танаквила, а если возможно, буду еще лучшею женою.

Управитель подалъ мнѣ на поднось свадебный вѣнокъ, я взяла дрожащею рукою и надѣла его на голову Минны.

„Никакъ не можешь опивкнущь устраи-
вашь свадьбы!“ сказалъ дядя, смотря на ме-
ня, смѣючись.

Когда же при молодя пары спали предъ алтаремъ, вдругъ наступила тишина, у всѣхъ на глазахъ навернулись слезы, и всѣ съ благоговѣніемъ сподли предъ Богомъ, Кошорый, въ защиту прошивъ скорбей жизни, далъ бѣднымъ людямъ любовь! Уже при дни съ тѣхъ поръ, какъ сдѣлалась я женою, ни разу еще не смѣялась. Само небо поселилось въ груди моей, и когда мы, молодя супруги, сходимся вмѣстѣ, шо съ тихими радостными слезами заключаемъ другъ друга въ объятія и говоримъ: „мы не знали блаженства; оно для насъ лучшая нечаянность.“

II.

С Л О В Е С Н О С Т Ъ :

Г Е Н І Й И Х А Р А К Т Е Р Ъ .

Умъ постигаетъ, понимаетъ, объемлетъ, судитъ; дарованіе исполняетъ или усовершенствуетъ; Геній шворитъ.

Геній есть совершенство понятія; ибо совершенство понятія соспоитъ въ высшей степени дѣятельности сей силы и всѣхъ способностей, на которыя она разливается. Характеръ есть совершенство воли и свободы; ибо совершенство той и другой заключается въ силу, въ поспоянствѣ и въ независимости отъ дѣйствія.

Можно обладать умомъ вѣрнымъ, свѣтлымъ, обширнымъ, спройнымъ, не имѣя и искры генія; можно имѣть волю мудрую, правильную; можно даже, при счастливыхъ обстоятельствевахъ, вести жизнь умно расположенную, исполненную добрыхъ дѣяній, не имѣя ни силы въ характерѣ, ни могущества и швердости въ волю.

Сила характера можешь, нѣкошорымъ образомъ, вознаграждать слабость генія, увеличивая силы понятія внимательностію

особенною, упорною, исключительною, и сосредоточивая все способности души. Сила гения не столь часто может вознаграждать бессилие характера; однако же она может сообщить ему возвышенность и весь пылъ восторга.

Во вѣлахъ общественной жизни, одна власть гения, безъ могущества и силы характера, недостаточна, даже бесплодна. Чудеса доблести, успѣхи челоуѣка Государственнаго, замыслы великаго Полководца, зависящъ болѣе ошъ послѣднихъ, чѣмъ ошъ первой. Во области Наукъ и Искусствъ совсѣмъ противное: слабый характеръ, соединенный во одномъ лицѣ съ гениемъ мощнымъ, образуешь такую противоположность, которая печалишь и оскорбляешь всѣхъ друзей добраго и прекраснаго.

Благопріятныя обстоятельства развивающъ гений; обстоятельства противныя развертываютъ, образуешь характеръ. Есть роды произведеній, для которыхъ гений заимствуетъ очень много у силы характера, а пошому иногда кажется, что и несчастливныя обстоятельства развивающъ гений.

Я думаю, что отличительность (оригинальность) болѣе происшекаетъ ошъ характера, нежели ошъ гения. Отличитель-

ность гения, есть, собственно, нѣкоторое извѣстное движеніе, сообщаемое ему характеромъ. Это есть либо нѣкая смѣлость, которая иногда перерождается въ своеволие; либо простота и добродушіе; либо особый опшѣнокъ мрачный и угрюмый; либо рѣзкая веселость; либо сильная и снрасстная чувствительность; либо нѣкоторое добродѣтельное негодованіе.

Одни, одаренные силою гения и характера, часто не знаютъ мѣры; другіе, покорные расчешливой умѣренности, нерѣдко не имѣютъ силы. Въ мнръ господствуютъ сіи два рода несовершенствъ. Одинъ изъ сихъ родовъ можно назвать динамизмомъ, а другой модераншизмомъ. Динамизмъ, въ отношеніи къ пониманію и дѣяніямъ, спарается не подчиняться вліанію обратныхъ дѣйствій (réactions); хочешь поступать свободно, какъ будто бы онъ дѣйствовалъ одинъ, и будто ничто не можешь дѣйствовать на него. Онъ уклоняется отъ истины, пошому, что всѣ его сужденія исключительны; онъ испровергаетъ порядокъ пошому, что, думая явить силу необыкновенную, не признаетъ правилъ и пренебрегаетъ ими. Модераншизмъ такъ сильно убѣжденъ въ необходимости обратнаго дѣйствія, что весьма часто оковываетъ самое дѣйствіе; такъ спрашивается

чрезмѣрностей, что, изъ опасенія впасть въ оныя, едва осмѣливается дѣйствовать; такъ боясь всего, нарушающаго порядокъ, что не дѣлаетъ ничего рѣшительнаго и сильнаго для сохраненія порядка. Сила, безъ мѣры, дѣйствуетъ какъ сила одинокая, какъ будто бы дѣйствіе одной идеи не предполагало и не должно было влечь за собою дѣйствія другихъ идей, и слѣдовательно, какъ будто бы не должно было принимать ихъ въ уваженіе. Сила безъ мѣры есть воля безъ понятія, такая сила, которая вступаетъ въ область силъ физическихъ и перешагиваетъ бытъ нравственной силою. Мѣра безъ силы была бы направленіе безъ движенія, мысль безъ воли. Какъ мѣра безъ силы, такъ и сила безъ мѣры суть признаки слабости, одна — слабость воли, другая — слабость понятія. Сила въ соединеніи съ мѣрою, мѣра въ сочетаніи съ силою образуютъ совершенство чловѣка въ цѣлости, совершенство генія и совершенство характера.

Человѣкъ, который переименуе свой умъ или характеръ есть карикатура самого себя. Въ немъ пробиваются иногда черты первобытныя, но безъ всякой между ними соразмѣрности. Такъ мѣра безъ силы, переходящая въ чрезмѣрность, производитъ ро-

босць ума и робосць воли. Сила безъ мѣры раждаешъ преувеличеніе идей, изувѣріе чувствованій, надушосць и пухлосць выраженій, прошивоположосць дѣяній. Но первая есть каррикатура благоразумія и правильности ума; другая — энтузіазма, пламенности и швердосци.

Ни великій геній, ни характеръ великій не бывають безъ нѣкоторой степени энтузіазма. Въ семъ необычайномъ состояніи, которое вмѣстѣ есть и предшесствующій признакъ и естесшвенное слѣдсшвіе всякаго дѣйсшвительнаго величія, свѣшисць для души одна лучезарная почка; всѣ прочія чувствованія, всѣ прочія идеи подернушы нѣкотораго рода полусвѣсомъ. Идея свѣшлая, которая есть средосчочіе всѣхъ спрасштныхъ движеній души въ состояніи энтузіазма, сія идея есть въ то же время почка, около которой толпяшся всѣ другія чувствованія, и съ кошорой душа обозрѣваетъ неизмѣримый Океанъ неясныхъ идей. Если бы идея свѣшлая не сущесшвовала, а были бы однѣ идеи темныя, то душа не могла бы знашь ни чего она желаетъ, ни что она любитъ; и въ такомъ состояніи нельзя сохранишь здраваго разсудка. Если бы сущесшвовала одна только свѣшлая идея, и не было бы идей неясныхъ, то не было бы и энтузіаз-

на; ибо все тогда имѣло бы опредѣлительность, постоянство, и следовательно все было бы ограничено.

Итакъ съ воображеніемъ, которое даетъ могущество генію, должна бытъ соединена нѣкоторая часть ума, чтобы геній не сдѣлался спраннымъ или сумасброднымъ; а съ силою мощною и обдуманною, которая даетъ силу характеру, должна бытъ соединена нѣкоторая часть воображенія, чтобы характеръ не перемѣнился въ упорство; и чтобы онъ, не опшущая опъ своихъ правилъ, умѣлъ сообразоваться съ обстоятельствами, которыя должны управлять его поступками и успѣхами.

Бываютъ геніи, которые управляются преимущественно умомъ; бываютъ также, надъ которыми господствуетъ воображеніе; однако жъ во всякомъ случаѣ только сѣдѣ способности, будучи усовершенствованы до возможной степени, въ состояніи шворить и производить. Одна опыскиваетъ безконечное подѣ формами конечными, скрывающими оное, и обрѣшаетъ истинное; другая осуществляетъ безконечное въ формахъ конечныхъ и обрѣшаетъ прекрасное. Вся другія способности души, каково бы ни было ихъ достоинство, образуютъ только даро-

ваніе. Изъ нихъ самая противоположная ге-
нью. еспіа остроуміе (Pesprit).

Для челоуѣка съ гениемъ, у котораго
родилась мысль высокая, свѣшная и живая,
все существующее только въ его умѣ или
воображеніи, существуетъ уже дѣйстви-
тельно; а все дѣйствительно существую-
щее для другихъ въ видимомъ мірѣ и въ
обыкновенной жизни, для него существуетъ
только какъ удобство или препятствіе оп-
редѣленно къ исключительному предмету
его спрасныхъ маклонностей и мыслей.

Трудъ надъ швореніемъ гениальнымъ, какъ
надъ усилій воображенія и мыслей, есть
состояніе самое счастливое для челоуѣка;
въ сіе время мы должны имѣть чувствованіе
своихъ силъ и въ то же время чувствованіе
совершеннаго преданія всего существа на-
шего чему-то, что — есть мы, и что од-
нако я и не мы. Мы пераемъ свое я, и
никогда не ощущаемъ шакъ сильно своего я,
какъ въ подобныхъ случаяхъ: впечатлѣніе,
которое происходитъ въ душѣ отъ первой
идеи о составленіи произведенія искусства,
должно сходствованъ съ впечатлѣніемъ пер-
ваго свиданія любви.

Но чѣмъ больше было наше блаженство
во время сочиненія, тѣмъ сильнѣе наша пе-
чаль по окончаніи. Предъ нами открывалось

безконечное, а шущь мы видимъ границы конечнаго.

Ученіе пишашь геній, предупреждаетъ его заблужденія, и ходъ его дѣлаетъ вѣрнымъ; но оно шущишь его собственный блескъ и спираешь его первоначальный цвѣшь. Мы несовершенно — *мы* сами; и шѣшь болѣе истины и красоты нашихъ книгъ сущь опраженія опражений. Геній древности и геній новѣйшій не идушь другъ подѣ друга, подобно Адаму и Арешузу, не соединясь; но геній древности налагаетъ свой цвѣшь на геній времянь новыхъ. Мы почти не знаемъ, что былъ бы геній самъ собою, безъ наставника, безъ руководителя, передъ лицомъ одной природы.

Впрочемъ мы видимъ Писателей и Художниковъ, кошорые, являясь послѣ прехъ тысячъ лѣтъ образованности, находятъ средство бышь оригинальными; но ещѣ и пакіе умы, кошорые не были бы оригинальными, если бы они и предупредили всѣхъ другихъ въ порядкъ времянь, и кошорые даже тогда не превзошли бы и самой обыкновенной природы. Истинная опличительность необходимо предполагаетъ незнаніе сей опличительности. Такова была оригинальность Лафонтена. Все пишешь, колъ

скоро мы знаемъ, что мы оригинальны, или, что еще хуже, хотимъ быть шаковыми.

Истинный гений проявляется иногда въ простомъ словѣ, и тогда это слово заключаетъ въ себѣ что-то глубокое, можно сказать, высокое. Это есть лучъ молніи, который глазамъ открываетъ пропасть, или освѣщаетъ обширный горизонтъ и высоты незамѣченныя.

Кажется, что самыя лучезарныя мысли гения суть произведенія, какъ сказать, избирательнаго сродства, споль же скрышаго, сколько сильнаго. Онѣ суть двѣ идеи, которыя никогда не сближались, и которыя однако же по естествену своему сполько для сего соединенія приличны, что насъ удивляетъ и ихъ долгое разлученіе, и незапное соединеніе. Такъ два человека, созданныя одинъ для другаго, которые никогда не видались, съ первой минутой свиданія привлекають другъ друга навсегда.

Писатели, которые ниже своего вѣка, умирають при самомъ рожденіи. Писатели, идущіе наравнѣ съ вѣкомъ, превозносятся, читающася съ жадностію и скоро предаются забвенію. Одни сполько гения бывають выше своего времени. Имъ однимъ принадлежитъ слава: всѣмъ другимъ достается въ удѣлъ извѣстность. Они сохраняють свои

права на гениальность даже и въ послѣдующихъ вѣкахъ, когда люди, узнавъ болѣе, чѣмъ они, озаренные новыми свѣдѣніями, опередаютъ ихъ.

Творенія Писателей гениальныхъ погружаютъ насъ въ какую-то меланхолію, согласующуюся съ покровомъ грусти въ который облечена вся природа. Какъ одна, такъ и другая пронспекаютъ ошъ шайныхъ соотношеній гениа и природы, а сіа опношенія ошъ безконечнаго. Не одиъ вѣчныя горы, не одно море съ своею необозримостію, рѣки съ ихъ быстрымъ, неутомительнымъ теченіемъ, вѣковыя деревья, обширные, непроходимые лѣса пробуждаютъ въ душѣ какую-то грусть. Каждое мѣсто въ природѣ, каждое мгновеніе, даже самое свѣжее и блестящее, носятъ на себѣ пошъ же оппечашокъ меланхоліа и переливаютъ ее въ душу; ибо въ нихъ шайна что-то спокойное, величественное, безконечное, и подѣ формами разнообразными, подѣ игрою живою, поражающею чувства, сокрышы силы, которыхъ не видимы, и которыхъ существованіе ешъ шайна сознаваемая, но непроницаемая.

(Изъ Ансильона.)

ЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ.

О ЦАРСТВѢ ПРОЗЯВАЕМЫХЪ ВЪ ЕВРОПѢ.

Изъ Риттера.

(*Окончаніе.*)

Природа распроспранила распенія по земному шару даѣе, нежели шо могли сдѣлать досель шрудъ и спараніе челоѡвка, — но не въ шакой повсемѣшности по всѣмъ сшихіямъ, какъ породы живошныхъ. —

Мало есть мѣстъ, гдѣ бъ вовсе не при-мѣшно было слѣдовъ прозябенія. Сюда принадлежашъ нѣкошорые одинокія высокія скалы на Океанѣ, подверженныя безпреспаннымъ бурямъ, на конхъ Форсперъ, обѡхавшій кругомъ Земнаго шара, не видалъ ни одной горски земли. — Высокія, снѣгомъ и льдомъ покрышыя равнины на Альпійскихъ горахъ и около сѡвернаго и южнаго полюса, — безпреспанно волнуемый вѣшрами сынуцій песокъ великихъ пущынь Сагары и Коби, — вновь образованные коралловые оспрова въ Южномъ морѣ, кои шолько чшо возвысились изъ подъ воды, — и массы лавы, въ недав-

нія времена излившіяся изъ жерлъ Эпны, Везувія и другихъ вулкановъ. Кромѣ сихъ мѣстъ, земля вездѣ производитъ расшенія. Мхи, лишай, морская шрава приносятъ цвѣтны и плоды въ шакихъ мѣстахъ, гдѣ, кажешся, вся природа находишся въ мершвомъ состояніи. Здѣсь распространяются немногія породы ихъ въ безчисленномъ множествѣ экземпляровъ, какъ бы въ вознагражденіе другаго недоспашка. Ими облакаются швердвѣшія каменные массы; — они разводятся въ подземныхъ пещерахъ, въ рудокопняхъ, въ коихъ не сіяетъ никогда лучъ солнечный, — ихъ находяшъ въ холодныхъ поясахъ и подѣ экваторомъ, при жерлахъ огнедышащихъ горъ, въ сѣрныхъ и горячихъ источникахъ, и на днѣ морскомъ обширными лѣсами. Однажды выбросило бурей 15000 возовъ морской шравы на одну деревню, лежащую на Англійскихъ берегахъ. Во многихъ даже пуспныхъ, гдѣ поверхность покрывается только швердымъ пескомъ и голышами, встрѣчаютъ еще шамъ и сямъ нѣкошорыя сочныя расшенія, низменные кушарники, сабуръ и молочай. Если же когда шакія спраны освѣжаются дождемъ, то шощасъ послѣ шого появляющся во множествѣ роспки, по большей частш луковичныхъ расшеній, шамъ, гдѣ въ про-

долженіе многихъ дѣшъ не было ни одного растенія.

Даже шамъ, гдѣ нѣтъ никакого прозѣбенія, можеть оно появляться различнымъ образомъ, смотря по темперашурѣ и свойству почвы съ большею или мѣньшею скоростію. Такъ, часто подъ снѣгомъ, на Альпійскихъ горахъ лежащимъ, произрастають прекраснѣйшія цвѣшныя растенія, и пошчасъ начинають цвѣсти, лишь шолько солнечная теплоша освободить ихъ отъ бремени, на нихъ лежащаго. На вновь образовавшихся карадловыхъ утесахъ въ Южномъ морѣ, гдѣ едва вспрѣчаются мхи и кушарники, расшеть кокосовая пальма, коей сѣмена занесены шу-да волнами, и въ шѣни ея вскорѣ принимаются новыя растенія.

На границѣ прозѣбеніе трудно, какъ и на горахъ Альпійскихъ; скорѣе распространяеться оно на гнейсъ, еще скорѣе на сланць, а особливо на извести. Всего медленнѣе произрацаеть засшывшая лава. Въ продолженіе уже многихъ столѣтій поверхность нѣкошорыхъ массъ на Эпнѣ совсѣмъ еще гола, между шѣмъ какъ другія, изверженныя изъ жерла дѣшъ шысячу назадъ, производянтъ, шолько въ разсѣлинахъ, деревья и кушарники. Тѣмъ роскошнѣе бывають на лавѣ расше-

нiя, когда она достигнешь извѣстной способности прозябенiя.

Кромѣ почвы — важнѣйшею причиною разнообразiя въ прозябенiи есть климатъ. Подъ 60 градусомъ сѣверной широты, за десятиимѣсячною зимою, слѣдуетъ вдругъ, безъ весны, короткое жаркое лѣто, въ продолженiе коего термометръ поднимается иногда по Реомюру до 36° ; все уже зелено, лишь только распахаетъ послѣднiй снѣгъ на поверхности; все чрезъ 6, или по большей мѣрѣ чрезъ 8 недѣль, покрывается опять льдомъ и снѣгомъ. Здѣсь поверхность (покрытая первозданными горами, гораздо древнѣйшими флоровыхъ) усѣяна только небольшими, тонкими слоями земли. Самый большiй и единственнiй лѣсъ на Исландiи имѣетъ деревья только отъ 6 до 12 аршинъ въ вышину, между коими шалстѣйшiе стволы, по 100 лѣтъ расшущiе, толщиной только въ руку.

Въ странахъ между поворотными кругами, гдѣ царствуютъ вѣчная весна и лѣто, растительное царство два раза въ годъ углубляетъ землю, которая безпрестанно принимаетъ новые зародыши, и съ юношескою силою выгоняетъ ихъ до высоты исполинской, возбуждающей удивленiе. Такъ на высотѣ отъ 3 до 9000 фузовъ, въ горахъ Андскихъ

около Квишо, Гумбольдтъ нашелъ восковую пальму (*Ceroxylon andicola*), имѣющую въ вышину 200 фушовъ. Баобабы или обезьянникъ хлѣбъ, который Голберри нашелъ еще въ цѣлости на Зеленомъ мысѣ при рѣкѣ Гамби, имѣлъ 104 фуша въ окружности, — на высотѣ 30 фушовъ, выходили первыя его вѣтви, — главныхъ было 27, каждая ошъ 30 до 40 вершковъ въ діаметрѣ; онѣ наводили тѣнь на 56 фушовъ вокругъ. Каштановыя деревья въ Сициліи, плащаны на Востокѣ извѣстныхъ.

Въ жаркомъ поясѣ, на высокихъ мѣстахъ, расписельная земля ешъ даже на новыхъ каралловыхъ утесахъ, кои, по Форшперу, сдѣлались островами вѣроятно немногія сполѣвшія пому назадъ.

Сколь различно мѣстопребываніе растений или ихъ физическое распространіе (водныя растенія, Альпійскія, долинные и ш. д.), столь же различно и ихъ распространіе въ отношеніи къ странамъ, ими занимаемымъ, или ихъ географическое распространіе. Впрочемъ распространія сіи не всегда бывающъ въ одинакомъ содержаніи. Иныя растенія, напр. кокосовая пальма, рощущъ на голыхъ утесахъ, но на маломъ пространствѣ; между тѣмъ какъ многія другія, напрощивъ, принимающа шолько на высогахъ, но во всѣхъ поясахъ, въ Лапландіи и

на Арабатъ; нѣкоторыя же разводятся на всякой почвѣ и почши во всѣхъ климатахъ. Иныя породы покрываютъ сплошь все пространство, какъ коверъ напр. Исландскій и олений мохъ, саникомъ 100 видовъ вереска (*Erica*) и клюквы (*Vaccinium*) въ сѣверныхъ странахъ; ситникъ (*Scirpus*) ровные берега Каспійскаго, Азовскаго и Балтійскаго моря и Финскаго залива; солнце-цвѣтъ (*Cistus*), преимущественно же ладанный (*Ladaniferus*) въ обширныхъ степяхъ Испанскихъ и Португальскихъ. Больше тысячи различныхъ видовъ кукуличника (*Orchis*) по горамъ и долинамъ Перуанскимъ; 170 видовъ аспрагала (*Astragalus*) въ теплой Сибири.

Иныя, напрошивъ, находяща поодиначкѣ, или только въ небольшомъ количествѣ, но по всѣмъ странамъ древняго и новаго міра, лежащимъ подъ швами же параллельными кругами. Такова большая часть растений, которыя распушъ на сѣверъ отъ 50° сѣверной широты, и принадлежатъ Европѣ, Азій и Америкѣ, между швами какъ многія страны имѣютъ свои собственные роды растений, напр. Сѣверная Америка бальзамическую пополь (*Populus balsamifera*). Восточная Сибирь кленъ (*Acer Tataricum*), и ш. д.

Преимущественно, важны лѣса по вліянію ихъ на образъ жизни и удовольствіе

потребностей, какъ для челоѣка вообще, такъ и въ частности для ошдѣльныхъ народовъ — важны потому, что деревья и кусты, прочными своими стволами возвышающіеся надъ снѣгомъ въ зимнее время, представляющъ, кажется, собою опредѣленныя границы, и могутъ давать понятія о климатѣ. Въ наблюденіяхъ надъ симъ предметомъ есть еще много промежутковъ. Здѣсь слѣдуютъ достопримѣчательнѣйшія описанія важнѣйшихъ родовъ деревьевъ и кустарниковъ.

Х в о й н о й л ѣ с ѣ .

І. а) Ель (*pinus abies*), повсемѣстная обитательница въ Европѣ до 67° ; была прежде въ Исландіи, но теперь вывелась; на сѣверѣ она составляетъ пространныя лѣса, на югѣ рѣдка и вообще встрѣчается здѣсь только на высотахъ.

б) Приморская сосна (*pinus maritima*). Это дерева весьма много на югѣ; начинается, какъ и пихта, съ 45° южной широты и покрываетъ песчаные морскіе берега, отъ коихъ и получила свое названіе; она растетъ пирамидально. —

с) Пихта, *p. picea*, растетъ въ Россіи не дальше 60° ; въ умѣренной Европѣ составляетъ прекраснѣйшіе лѣса.

d) Сосна, *p. sylvestris*, до 67° на Лапландских Альпахъ, въ Россіи и во всей Европѣ; на югъ только на высотахъ.

e) Уродливая сосна, *p. pumilis*, никогда не расцвѣтъ по равнинамъ, а только по высочайшимъ хребтамъ горъ, по Альпійскимъ, Судешскимъ, Карпатскимъ; ею заключающся лѣса.

f) Кедръ, *p. sembra*, расцвѣтъ также только по Альпійскимъ хребтамъ, на Пиренейхъ, Карпатскихъ горахъ. Зерно вкусное, смола бальзамическая.

g) Пальмъ *p. pinea*; стволъ похожъ на пальму, безъ вѣтвей, съ круглою верхушкою; въ южной Франціи расцвѣтъ по-одиначкѣ; впрочемъ оны 46° на югъ повсемѣстно, большими лѣсами, преимущественно на Альпахъ, Пиренейхъ и при Тагъ. Зерно, похожее на миндаль, ѣдятъ.

h) Лисивеница, *p. latix*, составляетъ на сѣверѣ большіе лѣса до 68° , — ея много и въ средней Европѣ; на югъ рѣже; — разводима въ Италіи, Франціи; изъ нее пригоновляють шерпеншинъ, манну, гумми. Дерево въ водѣ крѣпнеть, какъ камень.

II. Тисъ, *taxus baccata*, подъ 60° имѣеть нужду въ человѣческой помощи; въ Пепербургскихъ садахъ укрываютъ его, перезимовываетъ и въ Голландіи хорошо. Расцвѣтъ

только въ умеренныхъ странахъ, а на югъ нѣтъ.

III. Можжевельникъ, *Juniperus communis*, растетъ деревомъ на хорошей почвѣ, кустомъ вездѣ, даже до каменистой почвы на крайнемъ сѣверѣ и югѣ.

Л и с т в я н н ы й л е с ь .

I. (a) Облиственный дубъ, *quercus robur*, не растетъ уже въ Далекараинѣ, а въ Финляндіи до 62°, въ Россіи до 60°, впрочемъ изрѣдка и кривой; — во всей умеренной Европѣ, — но въ самыхъ южныхъ странахъ нѣтъ его.

(b) Малорослый дубъ, *Q. humilis*, кустами покрываетъ цѣлыя поля въ южной Европѣ, въ Апеннинѣ, Босніи, Кроации, Греціи.

(c) Белотъ, *Q. belot*, живописное дерево южной Европы; достигаетъ только до средней высоты; листья зимою не опадаютъ; плоды его вкусомъ похожи на каштаны, подобно плодамъ почти всѣхъ другихъ видовъ дуба южной Европы.

(d) Кошенильный дубъ, *Q. coccifera*, на равнинахъ Португальскихъ, около Мадриша, Монпелье, въ Провансѣ, Италіи, растетъ и въ Каринтіи; доставляетъ кошениль.

(e) Пробочное дерево, *Q. suber*, начинается въ Испаніи около Байонны, растетъ

намъ цѣлыми лѣсами, по всей Испаніи, Португаліи, Тосканѣ, Италіи; доставляетъ пробки изъ своей ноздрѣватои коры, которую и сдирають каждыя 8 — 10 лѣтъ.

II. Букъ, *fagus sylvatica*, до 60° ; уже въ Смаландіи и Курландіи очень рѣдокъ.

III. Грабъ, *carpinus betulus*, въ южной Швеціи, очень рѣдко въ Смаландіи; въ Россіи до 57° ; вездѣ въ южной Европѣ.

IV. Липа, *tilia Europaea*, до 63° въ Россіи; въ Польшѣ и южной Россіи большими лѣсами, впрочемъ южнѣе вездѣ.

V. а) Вязъ, *acer pseudoplatanus*, на горахъ и равнинахъ въ средней Европѣ, на сѣверѣ должно ходишь за нимъ, — на островахъ Греческаго Архипелага и Кандіи соспавляетъ прекрасные лѣса.

б) Чернокленъ, *a. campestre*, только въ южной Швеціи и средней Россіи.

с) Кленъ, *a. platanoides*, едва за 62° .

VI. Илемъ, *ulmus campestris*, едва за 60° на сѣверѣ; по всей Европѣ.

VII. а) Ясень, *fraxinus excelsior*, почти до 62° въ Швеціи, — въ Россіи только до 60° , — вездѣ только по одиначкѣ.

б) Маннйй ясень, *f. ornus*, растенъ дикій не далѣе 44° , преимущественно въ Тосканѣ, Церковной области и Калабріи. Изъ него испекають извѣстная маппа lacrimis,

(слезистая и зернистая манна), и прубчатая; — за сѣмъ деревомъ щцательно ходить.

VIII. а) Олъха, *betula alnus*, до 60° въ Швеціи и Россіи.

б) Береза, *b. alba*, растеть по самымъ сѣвернымъ пространствамъ и за обитаемою Европою, впрочемъ очень мелкая. — На сѣверѣ она составляетъ большую часть лѣсовъ, — въ Исландіи только рощи; она принимается вездѣ на горныхъ болопахъ въ полярныхъ странахъ, на прясинахъ, степяхъ, — больше всего отъ 40° до 60°; въ Турціи, Италіи рѣдко; въ Португаліи только на сѣверѣ на Серра-де-Герезъ. Крылатое сѣмя уноситъ вѣтеръ на величайшія высоты горныя и на утесы, не такъ какъ тяжелыя сѣмена дуба. Уродливая береза, *betula nana*, только въ Лапландіи.

IX. а) Осина, *populus tremula*, на всякой почвѣ въ сѣвернѣйшей Лапландіи, въ Россіи на сырыхъ ровныхъ горахъ, подъ полярнымъ кругомъ, — на югѣ только на высотахъ.

б) Тополь серебристый, *populus alba*, — кое-гдѣ въ южной Швеціи, въ Россіи только до Ливны.

в) Осокорь, *p. nigra*, съ недавнихъ временъ завелся въ Швеціи; въ Россіи до 60°.

d) Черный пополь, *p. nigra Italica*, въ Россіи пополько до Тавриды и Аспрахани; — въ Англии, Дании, Италіи и Франціи много.

X. a) Верба ломкая, *salix fragilis*, по всему Сѣверу, въ Исландіи, Швеціи, Норвегійи и Россіи, даже на островахъ Ледовитаго моря и на Новой землѣ.

b) Верба козья, *s. carnea*, въ Исландіи, Лапландіи и Россіи, и на островахъ Ледовитаго моря.

c) Вешла, *s. pentandra*, растеть даже въ Лапландіи деревьями въ 6 — 8 фузовъ въ вышину. Вообще ивовыя породы принадлежатъ собственно къ прозябаемымъ обитателямъ странъ полярныхъ, — въ Швеціи однако 10 породъ ивы распушь пополько въ видѣ кустовъ, и бывають едва въ аршинъ вышины, изъ коихъ 6 принадлежатъ собственно сѣверной Швеціи и Лапландіи, — на всѣхъ Альпійскихъ горахъ принадлежатъ онѣ къ послѣднимъ обитателямъ утесовъ, вплоть до снѣжной границы.

XI. Черемуха, *prunus padus*, сіе прекрасное дерево растеть въ множествѣ до Лапландіи и около Архангельска.

XII. Чинарь, *platanus orientalis*, на Кандіи въ Архипелагѣ; въ Македоніи растеть прекрасными лѣсами; много его и въ умѣренной Европѣ.

*

XIII. а) Маспиковое дерево, *pistacia lentiscus*, по берегамъ Прованскимъ, въ Испаніи, Португаліи и Тосканѣ дикое. Имъ пользуются здѣсь — однако жъ не такъ, какъ на островѣ Хіосѣ въ Архипелагѣ, который долженъ ежегодно доставлять Султану 300.000 фунтовъ мастики.

б) Терпеншинное дерево, *terebinthus*, въ Тавридѣ дикое около Балаклавы, еще только на Хіосѣ, Кипрѣ и въ Сициліи; доставляетъ шончайшій терпеншинъ.

XIV. Лавръ, *laurus nobilis*, въ Таврии и южной Россіи дикій; также около Байонны, Ліона; около Лиссабона растетъ отъ 20 до 30 фуш. въ высоту; по всей южной Европѣ; перезимовываетъ въ кустахъ въ Пфальцѣ и около Верлицы.

XV. Самшитъ, *buxus sempervirens*, очень много на Кавказѣ; также около Ліона и въ южной Франціи, въ Испаніи и Италіи; спиволь его полщиною въ руку.

XVI. Сияель, *scringa vulgaris*, происходитъ изъ Персіи; дикая въ Швейцаріи, по Галлеру, ведется съ душистыми своими цвѣтами, на открытомъ полѣ даже около Фалуна въ Швеціи, — въ мѣсахъ, извѣстныхъ по сырнѣ своимъ испареніямъ; — въ Россіи до 60°.

XVII. Черная бузина, *sambucus nigra*, до 57° вездѣ, только по одиночкѣ.

XVIII. Барбарисъ, *berberis vulgaris*, по всей Европѣ, даже на Исландіи нрѣдко; въ Швеціи развелся недавно, — въ Россіи рѣдко; — впрочемъ есть растеніе обыкновенное.

XIX. Шиповникъ, *rosa canina*, по всей Швеціи и Лапландіи и всей Россіи до 60°; въ Лапландіи есть еще 3 рода розъ.

XX. Кожевенное дерево, *rhus coriaria*, въ Таврии дикое, но не высокаго росту, также въ Португаліи на Серра-де-Эспредлъ очень одичалое, на югѣ воздвмывается щцательно.

XXI. а) Ясминъ лечебный, *jasminum officinale*, въ Тавридѣ, южной Швеціи, Италіи и Испаніи, дикій.

б) Ясминъ кушовой, *jasminum fruticans*, дикій въ Южномъ Архипелагѣ.

XXII. а) Кипарисъ, *cupressus sempervirens*, въ Каринтіи, южной Венгріи, Тавридѣ, Греціи, Испаніи, Франціи и Италіи дикій; въ Калабріи и Сициліи большими лѣсами; — на Сѣверѣ ходящъ за симъ деревомъ, и между лѣмъ часто оспаешся оно кустомъ; впрочемъ до 50° растешъ деревомъ въ садахъ.

б) Кипарисъ Португальскій, *c. lusitana*, въ сѣверной Португаліи, южной Франціи дикій, въ Англии ведешся въ садахъ.

XXIII. Миршъ обыкновенный, *myrthus communis* отъ 46° на югъ, на всѣхъ поляхъ въ Испаніи, Аленшейо, Калабрии, Греціи, Кандіи; тамъ же расшущъ многіе виды шимянки, *thymus*, лаванды, *lavandula*, шалфея, *salvia*, розмарина, *rosmarinus*, кустами, и наполняютъ воздухъ бальзамическими испареніями.

XXIV. Трагаканшъ, *astragalus tragacantha*, кустъ въ родъ деревъ въ южной Европѣ, Алгарви, на Эпнѣ, въ Греціи и Кандіи; не много въ Европѣ; доспавляетъ камедь, называемую шраганшъ.

XXV. Солнцецвѣтъ ладанный, *cistus ladaniferus*, на югъ отъ Мадриша по всей Испаніи и Португаліи (рѣдко въ южной Франціи) съ своими распроспершими вѣтвями и большими бѣлоснѣжными цвѣтами, покрываетъ многія поля и наполняетъ ихъ бальзамическимъ своимъ запахомъ. Смолу его, родъ манны, собираютъ и ѣдятъ.

XXVI. Каперсы, *sarraris spinosa*, извѣстные своими пряными и похожими на маслинны плодами; низкій кустарникъ на каменистой почвѣ въ Тавридѣ; воздѣлывается на Гіерскихъ островахъ, въ Далмаціи. На Маіоркѣ, Сициліи, въ Италіи во множествѣ дикіе.

XXVII. Обыкновенная рябина, *sorbus aucuparia*, послѣ березы обыкновенное дерево на Сѣверѣ; въ Лапландіи повсемѣстно, на Исландіи имѣешь въ вышину отъ 6 до 8 футовъ; во всей Россіи, на всѣхъ Альпійскихъ высотахъ въ Европѣ, даже на Серра-де-Герецѣ; но въ Португаліи ея нѣтъ. Изъ ягодъ ея жидели полярныхъ странъ пригошворяють себѣ крѣпкій напитокъ.

XXVIII. Горная или глухая смородина, *ribes alpinum*, составляетъ величайшее ягодное богатство Лапландіи; красная смородина, *rubrum*, дикая до Лапландіи; въ садахъ облагоуживается.

XXIX. Ежевика, *rubus fruticosus*, въ Швеціи не сѣвернѣе Готландіи; но *r. chamaemorus*, морошка, на всѣхъ порфяныхъ болошахъ и каменистыхъ мѣстахъ сѣвернаго пояса.

XXX. Верескъ, *erica vulgaris*, рѣже на югѣ, впрочемъ другими породами его, гораздо красивѣйшими, покрываетъ пространныя поля въ Испаніи, на югѣ отъ Кантабрійскихъ горъ. Обыкновенный верескъ растетъ частымъ подкушарникомъ на сѣверѣ и по большей части горныхъ высотъ.

XXXI. Черника, *vaccinium myrtillus*, растетъ въ множествѣ около Архангельска и

въ средней Швеціи. Брусника, *vitis idaea*, находится по всему сѣверу до о. Вайгача.

XXXII. Плющъ, *hedera helix*, рѣдко до Готландіи, расцвѣтъ въ Пешербургѣ только подъ кровлею; цвѣтешъ и приноситъ плоды только въ теплѣйшихъ странахъ.

XXXIII. Омела, *viscum album*, сіе чужеродное растеніе, водится, только рѣдко, въ Зюдъ и Вестманландіи; изрѣдка въ Липсвѣ, и не сѣвернѣ Россіи.

О царствѣ животныхъ въ Европѣ.

Физическое разселеніе.

Всѣ стихіи, окружающія земной шаръ населены живошными — воздухъ, вода и земля.

Воздухъ во все теплое время года населяютъ безчисленные живошныя; въ немъ роются цѣлыя облака мухъ, кои выходятъ изъ болошъ и зашрудняютъ дыханіе, какъ-то въ Лапландіи, въ Венгерскихъ болошахъ, при Дунавѣ, и на всѣхъ жаркихъ болошискихъ берегахъ; — въ болошахъ Каринійскихъ водится споль много подонокъ, что ихъ ежегодно возятъ шельгами и удобряютъ землю. Воздухъ есть настоящая стихія для крылатыхъ пщицъ; милліоны невидимыхъ живошныхъ наполняютъ оный, и въ недавнее время открыли даже воздушныя живошно-растенія (зоофиты).

Въ водѣ живешь и движешься все, отъ льдинъ Арктическаго моря до моря, подъ аквашоромъ лежащаго, — на поверхности, и въ неизмѣримой глубинѣ, — моря и рѣки наполнены водными живошными; даже спремисельные водопады имѣють своихъ особенныхъ обитателей; источники и озера на вершинахъ Альпійскихъ содержатъ въ спуденыхъ водахъ своихъ лососей и Альпійскую форель; болота наполнены миллионами земноводныхъ и червей.

Суша заселяется вездѣ живошными, изъ коихъ многія живутъ въ извѣстной глубинѣ ея, и никогда почти не выходятъ на поверхность, какъ напр. крошкы, земляныя мыши (*sphalax*); другія водятся только на величайшихъ вершинахъ, какъ напр. каменный козель, серна; а сурокъ любитъ одинокіе ущесы, кои, подобно оспровамъ, возвышаются надъ лдяными морями Альпійскими.

Каждому классу живошныхъ предназначена, кажешся, для жилища особая стихія; но во всякомъ классѣ есть нѣкоторыя породы, коимъ предназначена другая стихія. Такъ, изъ млекопитающихъ рѣчная выдра, водяная крыса, водяная землеройка, киты, морскія собаки, тюлени въ рѣкахъ и моряхъ, летучая мышь больше въ воздухѣ, междѣ на землѣ. — Птицы возм-

шаюшя надъ поверхноспію земли въ воздухъ; а спроусь принадлежишь къ землѣ, какъ пегуаны къ водѣ; между пѣмъ какъ ястребы, коршуны и орлы паряшь въ вѣдрѣ, сова живешъ въ пещерахъ и скалахъ, многочисленный родъ болошныхъ и плавающихъ пщицъ на водѣ. И между пщицами ешь, какъ между млекопитающими или распеніями, обитаемли Альпійскихъ вершинъ, напримѣръ; бѣлая куропашка (*tetrao lagopus*), ягняшникъ, Альпійскій воронъ. Рыбы, земноводныя и черепокожныя, привязаны болѣе къ мѣсту своего пребыванія: имъ всѣмъ нужна извѣстная степень сырости для ихъ содержанія; но многія лешучія рыбы поднимаюшя спаями въ воздухъ, какъ приплодница (*trigla*), скорпена (*scorpaena*), голомянка (*callyonimus*), и долгоперъ (*exocoetus*); угорь живешъ на землѣ и поляхъ; ползучій окунь (*perca scandens*) въ Оспъ-Индіи, взлѣзаетъ, посредствомъ своихъ 17 иглочашыхъ чешуй, на опахаловидныя пальмы. Земноводныя живутъ въ водѣ и на землѣ, иныя въ сокровенныхъ пещерахъ, другія въ горячихъ источникахъ, другія на деревьяхъ, напр. игуанна и хамелеонъ, а лешучая ящерица (*draco volans*) поднимается, какъ лешучія рыбы, въ воздухъ.

Черепокожныя во множествѣ родовъ покрываютъ морское дно проспранными лѣса-

ми и буграми; весьма немногіе роды ихъ поднимаются (какъ Альпійскіе обипашели) до поверхности морской на свѣшъ дневный. Иныя могутъ подниматься и опять погружаться, какъ напр. кораблики (*nautilus*); другія, какъ напр. аргонавты (*argonauta*), плавають по поверхности. Блещящіе моллюски Южнаго моря, nereиды, медузы, морскія перья и проч., милліонами носятся по поверхности моря и освѣщаютъ ночи. Насѣкомыя и черви живутъ во всѣхъ спихіяхъ, — многія растенія служатъ имъ жилищемъ, многія изъ нихъ гнѣздятся во внутренностяхъ другихъ животныхъ. Глисты пузырьныя, круглыя, щепинистыя и песемочныя; въ мозгъ и благородныхъ часпяхъ онаго, какъ многоголовая глиста у овецъ, и угри у свиней. — Очевидно, сколь великое вліяніе имѣетъ сіе физическое расселеніе на самую животную экономію.

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ РАССЕЛЕНІЕ.

Географическое расселеніе животныхъ отлично отъ физическаго.

Человѣкъ не принадлежитъ исключительно никакому климату: во всѣхъ поясахъ, при всѣхъ дѣйствіяхъ климата, остается онъ шѣмъ же человѣкомъ. На льдинахъ свѣ-

верныхъ, на пылающихъ сшепахъ песчаныхъ, подъ экваторомъ, живешь онъ, размножаешься и образуется.

Ни одинъ родъ живошныхъ не распространенъ сполько по всѣмъ частямъ земли, какъ родъ человѣческой. Каждый родъ живошныхъ имѣетъ свою спрану, къ коей онъ кажется, принадлежитъ. Каждое живошное есть чадо шой земли, на коей оно обитаетъ. Тигру опредѣленъ жаркій поясъ, и онъ живетъ подъ линією; сѣверному оленю ледяной поясъ, и онъ живетъ въ сѣвернѣйшихъ пустыняхъ, начиная съ Шпицбергенскихъ. Весь родъ собаки (*canis*) водится болѣе въ холодныхъ и умеренныхъ поясахъ; родъ кошки (*felis*) въ жаркихъ.

Вліяніе климата на живошныхъ извѣстно; какъ въ царствѣ прозябаемыхъ, такъ и въ царствѣ живошныхъ, разнообразіе формъ начинается съ Юга, — между родами различія гораздо явственнѣе; цвѣта темный, черный и бѣлый, изъ живошныхъ у барсовъ, шакаловъ, обезьянъ, — изъ пшицъ у попугаевъ, колибри, — изъ рыбъ у породъ золотощишныхъ рыбъ и проч., — изъ насѣкомыхъ у Суринамскихъ и Оспъ-Индскихъ — постепенно возвышающа и наконецъ переходя въ чистый лазоревый, пурпуровый, золотистый и огнистый. Шершавыя щепины за-

мѣняющія шончайшими шелковыми волосами, шолсныя шкуры шонкими кожами; мѣсто пуховыхъ пшиць аркшическаго пояса занимающъ здѣсь полунагіе попугай, коршуны, казуары и ш. д. Въ мѣсто неповорошлявыхъ, шихихъ шраводныхъ живошныхъ являющія въ жаркихъ поясахъ живошныя плошодныя.

Число родовъ увеличивается также какъ и у расшеній; въ холодныхъ климашахъ живешъ шолько опъ чешырехъ до пяти живошныхъ млекопишающихъ; — сѣверный олень, бѣлый медвѣдь, сѣверная лисица, и пешрушка, можешъ бышъ ласточка и бѣлка. Въ умѣренномъ поясѣ до 38° сѣверной широты, уже 158 родовъ, — а южнѣе слишкомъ 250. Еще разишельнѣе сіе приращеніе разнообразія у пшиць, земноводныхъ, (а особливо змѣй) и насѣкомыхъ, коихъ роды спашовящя цочши безчисленными.

Но живошныя не прикрѣплены къ землѣ никакъ, какъ расшеніе. Большая часшь изъ нихъ перемѣняешъ свое пребываніе.

а) Въ опредѣленные времена года, шопря по климашу и пищѣ, большешо часшю съ юга на сѣверъ и на оборощъ, подобно переселеніямъ сѣверныхъ оленей изъ долинъ въ горы, или сайги, бѣлки и пѣвчихъ пшиць изъ Европы въ Африку и Азію, рыбъ (семги

и бѣлуги) снизу вверхъ рѣкъ, сельдей изъ сѣверныхъ морей, породы мышей и саранчи; или б) другіе по инстинкту, часто отъ востока къ западу, не приближаясь впрочемъ къ полюсамъ, подобно нѣкопорымъ изъ вышеупомянутыхъ, преимущественно же песчуршечья и мышинная породы.

Людьми произведена великая перемѣна въ распространеніи животныхъ по Европѣ.

1) Нѣкопорыя породы животныхъ, по воздѣланіи земли, остались въ извѣстныхъ только полюсахъ, какъ напр. дикій баранъ, серна, бобръ, лось, медвѣдь; другія совсѣмъ изъ Европы изгнаны или испреблены, кромѣ немногихъ, напр. каменный козель (только кое-гдѣ), безоаровыя козы и кабанъ, волкъ изъ Англій, левъ изъ Греціи.

2) Иныя породы совсѣмъ вышли изъ естественнаго своего соспоянія, и сдѣлались домашними, какъ лошады; или только опчашши, между шѣмъ какъ первоначальныя ихъ породы оспаюся въ естественномъ своемъ соспояніи, хотя и не вездѣ по Европѣ, какъ по: осель, быкъ, коза, овца, свинья, кошка, сѣверный олень, собака. — Собака, какъ вѣрнѣйшій спутникъ челоуѣка, распространилась съ нимъ по всѣмъ пяти частямъ Свѣта, отъ экватора до Экимовцевъ, Камчадаловъ, Пашагонцевъ и Опагишлянъ.

**Повсемѣстно распространившіяся домашнія
животныя.**

1) Собака (*canis familiaris*) вездѣ; косматыя, корошконогія собаки на сѣверѣ; лысыя, долгоногія, длиннорылыя породы преимущественно на югѣ; въ умѣренномъ климатѣ есть всякія; одичалыя при большихъ спадахъ въ Турціи.

2) Лошадь (*equus caballus*), необходимое домашнее животное, даже въ сѣверной Исландіи въ большомъ количествѣ; въ Лапландіи шабунами пускаются на волю по лѣсамъ, до наспуленія снуги, и тогда возвращаются они къ людямъ. Въ сѣверной Россіи, какъ въ Швеціи, малорослы, сухощавы, некрасивы, но неупомимы въ бѣгѣ; въ Андалузій, Неаполѣ и Турціи, горды и величественны. Настоящей первоначальной породы въ дикомъ состояніи нѣтъ нигдѣ; но есть одичалыя въ шабунахъ Донскихъ, и во многихъ мѣстахъ по Венгріи, Веспфаліи и ш. д.

3) Быкъ (*bos taurus*) водится даже въ сѣвернѣйшихъ поселеніяхъ Финмаркейскихъ; до 60° кормятъ его преимущественно лиспьемъ, мхомъ, прутьями, лишаями и рыбой; но сему они бывають малорослы, тощи, выраждаются, безъ роговъ. Особенно вели-

ки роспомъ въ Украйнѣ, Швейцаріи, Даніи ; искусственно ошкармливають ихъ въ Англіи и Голландіи; коренная порода, дикій буйволъ (urus или bison), водилась прежде въ Германіи ; шеперь оспаешся только въ нѣкошорыхъ лѣсахъ Лишовскихъ и Польскихъ.

4) Разселеніе овцы (ovis) и козы (capra) одинаково. Это ешь почти вездѣ домашнее животное, и никогда не дичаешъ вновь, живешъ въ Испаніи (слишкомъ 12 милліоновъ), въ Тавридѣ (7 милліоновъ), въ Англіи (25 милліоновъ), на о. Исландіи ; въ Турціи, Апуліи, зимою и лѣшомъ, на ошкрышомъ воздухѣ. Въ Европѣ ешь очень многія ихъ породы: а) Свверная овца имѣешъ ошь 1 до 5 роговъ, доспавляешъ грубую и жесткую шерспь, по большей часпи ошь 66° до 50°. Европейская овца доспавляешъ въ Испаніи и Англіи шончайшую шерспь. б) Черкасская съ курдюкомъ, въ Россіи по Окѣ и Дону, въ Польшѣ и Тавридѣ. в) Виншорогая овца (strepsiceros), съ изогнушыми впередъ рогами, обшпашельница ошрова Кандіи и ошрововъ Архипелажскихъ въ большомъ количествѣ, разводшся въ Венгріи, Валахіи, и да же въ Австріи.

Коренная порода, вѣроятно, ешь дикій баранъ (capra ammon), водящійся на высокихъ

горахъ юга и еще въ большемъ количествѣ въ Сибири; она очень велика и бодрѣ.

5) Коза (*capra hircus*) не такъ далеко распространяется на сѣверъ, но за то на югъ гораздо болѣе овцы; она легко дичаетъ, Коренная ея порода есть дикій козель (*capra asgargus*), также какъ безоардовая коза, на Кавказѣ и въ Португаліи.

6) Осель (*equus asinus*) ведется лучше въ теплотѣ, нежели въ холоду; ошь сего южнее, нежели лошадь, (какъ коза относится къ овцѣ); въ Швеціи и Россіи рѣдокъ, — расселенъ не такъ далеко, какъ лошадь; коренная его порода есть дикій осель или онагръ (*onager*) большими стабунами въ Таширанъ, забываетъ изрѣдка и къ Русской границѣ.

7) Свинья (*sus scrofa*) распространилась болѣе коренной породы своей, вепря, — климатомъ мало измѣняюща, въ Турціи особенно велика и дика.

8) Кошка (*felis catus*), ручная, живетъ ночью въ однихъ климатахъ съ дикою, ибо изъ всѣхъ домашнихъ животныхъ приближается она наиболѣе къ дикому сословію; въ недавнія времена распространилась она даже на сѣверъ.

Повсемѣстно распространившіяся дикія жи-
вотныя.

1) Волкъ (*canis lupus*), изъ всѣхъ далеко распространившихся дикіихъ животныхъ, есть единственное поспоянно плотоядное; ибо медвѣдь и лисица питаются по бѣльшей части растеніями; онъ шернаго цвѣта, на сѣверѣ сѣраго, а зимою бѣлаго.

2) Лисица (*canis vulpes*), ведется далѣ другихъ четвероногихъ животныхъ на сѣверѣ. Красная и бурая лисица (алорех), по всей Европѣ; черная лисица на о. Исландіи, въ Норвегійи и Лапландіи; песецъ (*lagopus*), или каменная лисица, на Сѣверномъ мысѣ, бываетъ также изъ синя-сѣраго цвѣта, зимуетъ на Новой землѣ и даже тогда, какъ бѣлые медвѣди опшуда уходящъ.

3) Медвѣдь (*ursus arctos*), буроватый и черный до 66°, въ Испаніи, Савоіи, на Альпійскихъ и Карпатскихъ горахъ, въ Польшѣ и по всему Сѣверу. Разность — серебристый медвѣдь въ Польшѣ, бѣлый медвѣдь (*maritimus*) въ холодномъ поясѣ; переходитъ по льдинамъ.

4) Рысь (*felis lynx*) единственное шигриное животное холоднаго пояса, изъ рода кошекъ, очень быстрое; далеко распространилось, но только по одиначкѣ.

5) Лѣсная куница (*mustela martes*) въ южной Лапландіи, по всей Европѣ. Каменная куница (*foina*) только въ умеренномъ климатѣ.

6) Ласточка (*mustela vulgaris*), разселась по цѣлой Европѣ; горностаей же (*m. erminea*) только на сѣверѣ. Лѣтшомъ онъ бываетъ желтобурый, а зимою бѣлый.

7) Заяцъ (*lepus timidus*), живетъ по всему Сѣверному свѣту; на сѣверѣ и Альпійскихъ горахъ, зимою онъ бѣлѣетъ. Кроликъ (*citriculus*), только на югѣ отъ 55°, въ песчаныхъ промоннахъ; въ Швеціи ведется только въ домахъ.

8) Обыкновенный олень (*cervus elaphus*), въ Сѣверной Швеціи; на о. Исландіи нѣтъ; отъ 64° по всей Европѣ. Косуля (*capreola*), также лань (*dama*), только до 56°.

9) Бѣлка (*sciurus vulgaris*), по всей Европѣ; въ Лапландіи цѣлыми спаями, на сѣверѣ, особенно въ Сибири, прекраснаго бѣлаго цвѣта; переходить.

Животныя, по известнымъ мѣстамъ живущія.

А. Живущія болѣе въ сѣверномъ климатѣ.

1) Сѣверный олень (*cervus tarandus*) на Шпицбергенѣ и по всемъ берегамъ Ледовитаго моря, не юнѣе 61° въ Европѣ. По

большей части ведутся ручные большими лабунами; впрочемъ и въ естественномъ сообщеніи многими сошными въ горахъ Норвежскихъ, многими тысячами въ лѣсахъ Сибирскихъ, и Сѣверо-Американскихъ. Переселяется.

2) Лось (*servus alces*) не хорошо выдерживаетъ спужу; не ведется нигдѣ до полярнаго круга. Немногія, встречаемыя въ Лапландіи, забываютъ только изъ Финляндіи, на югъ до Кангоры, въ Пруссіи. Онъ переселяется.

3) Россомаха (*utrus gulo*), вездѣ на сѣверъ, на югъ ведется до Липвы, впрочемъ рѣдко въ Европѣ.

4) Соболь (*mustela zibellina*), вездѣ въ Лапландіи и сѣверной Россіи.

5) Лешага (*sciurus volans*), ведется столько же далеко, какъ и рысь.

6) Песчурка (*marmota lemmus*), преимущественно въ Лапландскихъ и Финскихъ горахъ, ведется на пространствахъ 10° широты, едва на нѣсколько градусовъ выше полярнаго круга, на югъ до 60°; переселяется большими стадами съ востока къ западу.

В. Живущія въ среднихъ и южныхъ странахъ древняго міра.

7) Каменный баранъ (*capra ibex*).

8) Серна (*antelope rupicapra*).

9) Сурокъ (*arctomys alpina*).

Сія животноя проживають только на високихъ Альпахъ Европейскихъ, въ Испаніи, Франціи, Гельвеціи, на Карпатскихъ горахъ, Гемъ и Уральскихъ рудныхъ горахъ, но только на югъ оны 55°.

10) Порешня (*lutra vulgaris*), водится даже въ Лапландіи, впрочемъ по всей южной Европѣ.

11) Хомякъ (*mus cricetus*), только въ средней Европѣ, въ Венгріи, северной Германіи, Франціи, Польшѣ, Украинѣ и южной Россіи.

12) Ежъ (*erinaceus europaeus*), не далѣе 60° на северъ.

13) Дикобразъ (*hystrix cristata*), только въ южной Испаніи и Италіи.

14) Бобръ (*castor fiber*), живетъ на югѣ до 43°, по Ронъ, въ Вестфалии и Галиціи, но только по одиночкѣ, — также въ Пруссіи, Литвѣ, Лифляндіи, Россіи. Общежительный бобръ живетъ еще въ Лапландіи, на северъ оны полярнаго круга, какъ и въ Северной Америкѣ.

15) Буйволъ (*bos buffelus*); самыя холодныя изъ странъ, въ которыхъ живетъ оны, суть Италія и Венгрія; въ Турціи живетъ много ручныхъ, дикіе въ верхней Азій.

16) Обыкновенный верблюд (*camelus dromedarius*), и и двугорбый (*bactrianus*), разводятся только в южной России, Тавриде и Бессарабии, какъ домашнее животное; — но и тамъ въ суровую зиму скрывается подъ кровлею; дикій въ верхней Азии.

17) Шакалъ (*canis aureus*), много в Румелии, в Малой Азии и Индии большими стадами.

18) Сайга (*antilops saiga*) не дальше 50° на северъ в Европу; в болотистыхъ степяхъ и степяхъ Венгерскихъ, Польскихъ и Русскихъ.

19) Геношь (*viverga genetta*) в южной Испании и Румелии.

20) Обыкновенная обезьяна (*simia silvanus*), в утесахъ Гибралтарскихъ одичала и разводится; впрочемъ попала сюда изъ Африки.

М. П.—нз.

А Н Т И К Р И Т И К А.

ПИСЬМО КЪ Г-НУ ИЗДАТЕЛЮ МОСКОВСКАГО
ТЕЛЕГРАФА (*).

Прочтя въ 14-мъ Но Московскаго Телеграфа лестный отзывъ о переведенной нами книгѣ: *Размышленіе объ Искусствѣ и Художникахъ*, счишаю за нужное благодарить васъ, милосливый государь, отъ лица своего и соспрудниковъ, и вмѣстѣ оправдаться предъ читателями вашего Журнала въ нѣкоторыхъ погрѣшностяхъ, кошеря вы находите въ сшасныхъ моего перевода. Не принимаю въ дурную спорону вашихъ замѣчаній, но позволяю себѣ думать, что многіи изъ осуждаемыхъ вами выраженій кажутся неправильными только, когда взяты ошдѣльно. Сей образъ осужденія сосшавляетъ давнишній предметъ распри между Писателями и

(*) Я послалъ сіе письмо къ самому Г. Целевому, но онъ не имѣетъ досуга напечатать у себя въ скоромъ времени возраженій, къ нему присланныхъ (N 18 Моск. Телеграфа ошд. г. с. 158): я рассудилъ за благо не приводить его въ излишнее затрудненіе и помѣстивъ свое письмо въ другой Журналъ. —

Рецензентами: но онъ менѣе чѣмъ гдѣ-либо долженъ имѣть вѣсто, когда судяшь о книгѣ, коюрой предметъ (какъ видно даже изъ вашего разбора) новъ въ нашей Словесности, и коюрая по этому подвергнешся болѣе, чѣмъ другая, опасности показаться странною при взглядѣ поверхностномъ.

Въ доказательство выписываю нѣкошорыя изъ замѣченныхъ вами выраженій: „*коренной* родоначальникъ живописцевъ.“ — „*Плеоназмъ!*“ воскликнешъ читатель Телеграфа. Но читатель книги, нами изданной, имѣетъ право возразитъ ему: что родоначальниками Живописцевъ называють Жюшшо, Перуджино, Микель-Анжеля, Рафаэля и проч. — а здѣсь идетъ дѣло о Чимабуэ, кошорый всѣмъ имъ предшествовалъ, и пошому названъ *кореннымъ* родоначальникомъ.

„*На скатъ* своихъ дней.“ Если сіе выраженіе можешь казаться страннымъ, это пошому, что мы привыкли сравнивать конецъ жизни съ закатомъ солнца. Но я не виновать, если моему Авшору вздумалось сравнитъ жизнь человѣческую съ шествѣемъ по горѣ, кошорой *скатъ* есть старость — что и подтверждается окружающими словами: тогдашніе люди на *скатъ* своихъ дней *припоминали* весь *цуть* прошекшей своей жизни. *Дни* здѣсь вѣдѣе вмѣсто жизни, вѣкъ —

шакъ шочно , какъ берешся въ выраженіи: преськаю дни и проч.

— *Тривѣчанныхъ* власшелиновъ. Эшо слово , хоша еще не упошреблялось , но сосшавлено по образцу словъ , давно упошребительныхъ: двусмысленный , двуязычный , шприсвяшый , шпривъный , и не будешь непошняшно , когда чшашашель узнаешь , чшо здѣсь говорштся о Папахъ , вѣчанныхъ шройшвенною короною.

„Половину нашей *самости*.“ Чшобъ эшо выраженіе имѣло полный смыслъ , должно было присоединшть къ нему предъидущее: изысканія мудрецовъ приводяшть въ движеніе одинъ мозгъ , одну шолько половину нашей *самости*. — Чшо касаеться послѣдняго имени , шо вѣрно было бы спраннѣе для перевода Нѣмецкаго *unser selbst* сказать: нашего *я*; припомъ если мѣшшюименіе *то же* послужило корнемъ для выразишельнаго имени *тожество* , нѣшъ причины , почему ошъ мѣшш. *самъ* нельзя произвесши шакже сущесшвишельнаго.

Такимъ образомъ о сихъ выраженіяхъ можно сказать , чшо посшавлены не на *мльсть* , шолько поукуда не припомнимъ мѣшша , гдѣ шояшъ они. Чшо касаеться несвойственныхъ выраженій и оборотовъ , замѣченныхъ вами , можно въ пользу ихъ привесши упо-

требленіе. Пусть оно послужитъ мнѣ защитною противъ обвиненія въ преступномъ желаніи — бытъ оригинальнымъ.

Позвольте спросить васъ, М. Г., почему не скажете, напр. *выросли изъ лѣтъ* ученія, когда говорится: *выросли изъ плащя*, *вышли изъ ученія* (*)? — почему не скажете: Альбр. Дюреръ, *по коемъ я* горжусь названіемъ Германца, когда этими словами избываемъ оборота болѣе длиннаго, и когда говорятъ: *по немъ* онъ пошелъ въ люди и проч. — Для чего не употребить *словно*, когда замѣните его можно только звукомъ неприличнымъ: *какъ будто*? Въ впомъ положусь на ухо всякаго чинашеля. — Для чего также не скажете въ слогѣ возвышенномъ: неизмѣримыя пространства *воздуховъ*, когда сѣ слово употребляется въ множественномъ въ нашей Литургіи, когда Французы говорятъ *les airs*, Нѣмцы — *die Lüfte*? Вы, можете быть, спросите: развѣ есть нѣсколько *воздуховъ*? — но небо одно, вода одна; между тѣмъ не говорится — ли; небеса, воды?

Вамъ кажется спраннымъ, почему у меня сказано: *допирающій гроба*, а не *гробы*. Почему, что шого требовала благозвучность

(*) Болѣе примѣровъ можно найти въ курсѣ Словесности Г. Никольскаго.

періода; къ тому же, вамъ, я думаю, извѣстно, что окончаніе на *a* во множественномъ принадлежишь многимъ именамъ вещей мужскаго рода, вшораго склоненія. Говорится и пишется: домъ, дома, рогъ, рога, городъ, города и п. д., до безконечности.

Далѣ замѣчаете: „мѣшаясь съ *роговою* (?) музыкой.“ — Охотно соглашусь назвать мое выраженіе ошибочнымъ, какъ скоро вы покажете мнѣ лучшее для сего вида духовой музыки, въ которомъ никакіе инструменты, кромѣ *роговъ*, не участвуютъ.

„Въ шрудѣ *неугомонномъ*.“ Сей эпипетъ гораздо сильнѣе, чѣмъ *неусыпный* или *неутомимый*. Согласенъ, что онъ просонародный; но стихотворцы его облагородствовали, подобно множеству выраженій, какъ: *лихой*, *удалой* и проч. Возьмите слово: *перевѣдаться*, употребляемое въ самомъ низкомъ разговорѣ. Какое благородство получаете оно въ замкѣ *Смальгольмѣ*, гдѣ Поэсъ говоритъ:

Не въ кровавомъ бою *перевѣдаться* мнѣ
За Шотландію съ Англіей онъ и проч.

„*Сельжее* поколѣніе масперевъ.“ Не вижу, почему это слово непростительно, когда мы почто въ томъ же смыслѣ говоримъ: *сѣвѣжя* войска, *сѣвѣжя* мысли, чувствованія —

въ прошивоположенности жстоощеннымъ, спарымъ, прищупленнымъ.

„Облака *блѣгучія*.“ Если вамъ не нравишся образование сего прилагательнаго, шо могу указать на множесшво другихъ, упошибельныхъ въ шой же самой формѣ, какъшо *летучій*, *зыбучій*. Если не одобряете выражаемой онымъ каршины, шо не знаю, почему хуже себя предшавишь, что облака бѣгущь, подобно спруямъ, нежели лешащь или несущся. — Ксшани припомню здѣсь выраженіе : *могучіе* столпы, которе вы охуждаете именно въ шомъ случаѣ, гдѣ оно всего болѣе у мѣста: ибо на стр. 116 у меня сказано: *могучіе* столпы (*die mächtigen Säulen*) своимъ *плѣнительнымъ величіемъ* невольно привлекали къ себя мои взоры. Дѣйствительнo, изящество колонны основано на шомъ, что ея незыблемость, могущество, съ какимъ она поддерживаетъ зданіе, дѣйствующь на насъ совокупно съ прелестью округлости и красошой ея размѣровъ.

„Воображеніе *столбѣнъетъ*.“ Въместѣ съ симъ выраженіемъ должно откинушь все подобныя, какъ напр. духъ упалъ, умъ тупѣетъ, память изощряетъ — не смотря на давно сдѣланное примѣчаніе, что о способностяхъ души мы не можемъ говорить иначе, какъ метафорически.

Я хотъ бы привести вамъ подобныя до-
воды въ пользу выражений: *рѣчистый* спа-
рецъ, *имекитые* живописцы, *раздуміе*, *оди-
нокія* моленія, которыхъ никишо не назоветъ
обвешшалами, еще менѣе прѣспонародными
(*); но споръ о словахъ довольно длился.
Позвольте мнѣ шеперь, по праву Перевод-
чика, прибавить нѣсколько словъ къ вашему
мнѣнію о самомъ сочиненіи, нами изданномъ.
Не буду говорить о томъ, что первый долгъ
Рецензента, желающаго дать ясное понятіе
о книгѣ, есть соблюденіе ясности и краш-
кости въ своемъ слогѣ; не буду оспанавли-
ваться на иныхъ мѣстахъ вашего разбора,
которыя для многихъ покажутся сбивчивы-
ми, какъ напр. (Телегр. No 14 ошд. I стр.
164) изящное сказывается *сердцу* въ несо-
вершенно-понятныхъ *представленіяхъ* —
при чемъ должно замѣнить, что предста-
вленія происходятъ не въ сердцахъ, а въ умѣ—
или (ibid.): книга Вакенродера не оспанавли-
ваетъ порыва (*Художника*) на *голово*
остовъ Художествъ — сравненіе нѣсколько

(*) Слово *истый* малоупотребительно; но оно во-
первыхъ имѣетъ передъ словомъ *истинный* преиму-
щество крашкости; во-вторыхъ напоминаешь важ-
ное происхожденіе *истины* отъ существительнаго
слова *естъ*.

щемное. Попрошу васъ обратиться вниманіе на такое мѣсто, кошорое можешь подати понятіе *превращеніе* о вышепоманутомъ сочиненіи. (См. Телегр. Но 14. *ibid.*) „У насъ, Художники нѣкопорые, можешь бышь, не поймушь Вакенродера, ошавяшь его книгу, какъ ошвлеченную, неговорящую о томъ, что толковали мы въ школь, заставаля ихъ дерзкою рукою смалевызвать великіе образцы и мѣряя циркулемъ безсмертныя произведенія Рафаэля и Корреджіо.“ Прочтя сіе, подумаешь, что Вакенродеръ опшвергаетъ школьное ученіе, между тѣмъ какъ онъ хочешъ шолько дополнитъ оное. Изученіе Искусства, равно какъ и Природы, имѣешъ двѣ спороны — опышную и духовную — кошорыя одна безъ другой равно недосшашочны. Обращаясь къ сказанному вами, каждый по праву спросишь: „для чего не измѣрять изображенія Живописцевъ, когда мы измѣряемъ и подлинное шѣло человѣческое, дабы узнашь взаимное опшношеніе внѣшнихъ его частей?“ Даже — „неужели было бы менѣ дерзко для ученика шворить свои каршины, нежели списывать великіе образцы?“ И наконецъ — „шощь, кто, презрѣвъ правила опыта, примешся судишь о произведеніяхъ Искусства, не испытаешъ ли судьбу Федровой собаки, кошорая, прельщаясь

воображаемою яспвою , лишилась настоя-
щей? “

Надѣюсь, Мил. Гос., что вы съ своей
споронѣ не примете въ дурную спорону
замѣчаній, мною сдѣланныхъ, и не откаже-
тесь дать мѣсто въ Телеграфѣ моему пись-
му къ вамъ и оправданію предъ публикой.

Впрочемъ имѣю честь пребыть вашимъ
покорнымъ слугою

В. Т.

Октября 24

1826.

P. S. Выраженія : *переначать съизнова*
и *пестрорасписанныя рамы* замѣчены вами
совершенно справедливо : ибо первое есть
плеоназмъ, а во второмъ приличіе бы, вмѣ-
сто *рамы*, поставишь *стекла*.

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я .

ТАНКРЕДЪ ВЪ ОЧАРОВАННОМЪ ЛѢСУ.

Отрывокъ изъ XIII пѣсни Освобожденнаго Иерусалима.

Танкредъ послѣдній долгъ отдавъ
 Своей Клориндѣ милой,
 И все еще по ней страдалъ
 И не собрался съ силой;
 Едва онъ могъ носитьъ шеломя,
 Броню и мечъ тяжелой;
 Но честь зоветь, и сердце въ немъ
 Опыгагой закипѣло.
 Танкредъ, душевныхъ полный силъ
 И думы, славой льстящей,
 Тѣлесну силу ощутилъ
 И — въ пушь къ волшебной чашѣ.

Безмолвно, тихою спопой
 На явную опасность
 Идешь — въ душѣ его покой,
 Въ опровергомъ взорѣ ясность.
 Уже и лѣсъ очамъ предсталъ,
 А онъ не ужасался;
 Уже и громъ загрохоталъ
 И доль поколебался,
 И . . . вздрогнулъ не хоща герой.
 Опомнясь, снова къ цѣли;

Идешь, глядишь и вдругъ естѣной
Пожары лѣсъ одѣли.

И, шагъ назадъ, Танкредъ стоитъ

И думаешь съ собою :

„Что можешь здѣсь мой жечь и щипъ ?

Погибель предо мною,

Ужель повѣришься мнѣ ей

Ужель огнямъ опдашься ?

Я жизни не щажу моей,

Я съ ней гошовъ распашься,

Гдѣ долгъ велишь мнѣ защищашь

И честь и многихъ благо ;

Танкредъ умѣешь распознать

Геройскій духъ съ ошвагой.“

„Но какъ въ шапры ни съ чѣмъ прѣйши ?

Что скажешь о Танкредѣ ?

И гдѣ намъ лѣсъ другой найши ? —

Готфредъ въ нуши къ побѣдѣ

Препонамъ врагъ. . . . Когда жъ другой

Смѣльи меня найдешся ? . . .

Бышь можешь, сей пожаръ густой

Огнемъ безвреднымъ льешся ;

Бышь можешь, онъ игра лишь чаръ.

Рѣшусь и пушь ошкрою!“

Сказаль и ринулся въ пожаръ

Безшрепешный душою.

И онъ ужъ шамъ, и не палишь

Пожаръ его випяи ;

И онъ не знаешь, что сей видъ,

Что ошощъ пламень чащи ;

И онъ опомнишься не могъ
 И вѣры дашь видѣнью.
 Пожаръ исчезъ и снѣгъ возлегъ
 И мракъ гусшой надъ снѣью;
 Но лишь минуша прошекла
 И лѣсъ разоблачился,
 Разсыялась гусшая мгла
 И съ нею снѣгъ сокрылся.

Дивился рыцарь молодой,
 Но сердцемъ не смущался;
 Онъ швердою сшупаль ногой,
 Онъ въ чашу углублялся,
 И взоромъ шайны вопрошалъ
 Обвороженной сѣни.
 Все тихо, рыцарь не встрѣчалъ
 Ни чудъ, ни привидѣній;
 И не было ему преградъ,
 И шолько лишь порою,
 Нависшихъ дровъ широкій рядъ
 Пушь заграждалъ герою.

Онъ далъ, и предсхаль очамъ
 Полкругомъ долъ широкій;
 Ни деревца не видно шамъ;
 Лишь кипарисъ высокій,
 Какъ пирамида, возсхавалъ
 Въ срединѣ доли гордо.
 Танкредъ къ нему, все озиралъ
 И надъ корою швердой
 Увидѣлъ шайны письма,
 Какими предавалъ

Въ Египтъ въ древни времена
Завѣсну мысль скривали.

„Межъ сихъ невѣдомыхъ письменъ
И шайнаго гаданья
Прочель Сирійскихъ онъ племеньъ
Знакомы начертанья :
„О ты, всшупившій въ смершннй доль,
О дерзоспннй воишель !
Зачѣмъ ты возмущашь пришель
Почіющихъ обишель ?
И шабъ мы свѣша лишены,
О ! сжался же надъ нами !
Герой ! живые не должны
Веспъ брани съ мершвецами!“

Еще Танкредъ не ошгадалъ,
Чшо крылось подъ словами ;
Еще онъ, полный думъ, сполялъ,
И; слышишь, межъ листьами,
Дыханье вѣтра пронеслось,
И листья зашепшали,
Какъ будшо кшо-шо имъ сквозь слезъ
Навѣялъ вздохъ печали,
И звуковъ скорбь перелилась
Въ ошверспннй слухъ героя,
И въ сердцѣ жалосшь ошдалась,
Оно чущъ бѣтсся, ноя.

Но чувшва скорби унялись;
Онъ мечъ шяжеловѣсной
Поднялъ, ударилъ въ кипарисъ
И, зрѣлище чудесно !

Изъ древа кровь бѣжишь ручьемъ
 И землю обагряешь,
 Танкредъ содрогся, но мечемъ
 Удары удвояешь,
 Рзвившись съ шайны сняшь покровъ ;
 И слышишь спонъ унылый,
 Какъ будто голось мершвецовъ,
 Исшедшій изъ могилы.

И слышишь жалобную рѣчь :
 „Остановись, жестокий ;
 Я пала разъ, швой острый мечъ
 Далъ раны мнѣ глубоки ;
 Давно ли духъ ошъ шѣла мой
 Ты ошлучилъ, воишель ?
 Зачѣмъ же дерево, судьбой
 Мнѣ данную обишель,
 Мучишель, хочешь сокрушишь ?
 Ужели въ мшящей злобѣ
 Не дашъ покойно опочишь,
 Врагамъ швоимъ и въ гробъ ?

„Клоринда прежде я была,
 И въ эшомъ лѣсѣ дикомъ
 Я приспанъ не одна нашла ;
 Здѣсь въ множествѣ великомъ
 Твои, мои враги живушь —
 Всѣ павши у Солима ;
 Насъ сила приковала шушь
 Къ древамъ непосшижима,
 И въ эши вѣшви и листы
 Проникъ духъ жизни новыи.

Брось мечъ, когда не хочешь ты
Убійцей быть, суровый!

Вольпой, увидѣвшій во снѣ
Дракона или Химеру
Въ разлившемся кругомъ огнѣ,
Не полну дастъ имъ вѣру,
Но вполвину убѣжденъ
Въ обманѣ сихъ явленій,
Все силился, все хочешь онъ
Бѣжать отъ привидѣній;
Сколь призраки его спрашашъ —
Рожденъ сновъ и ночи!
Такъ рыцарь страхомъ былъ объятъ;
Блуждали смущно очи.

И мысль, одна другой мрачнѣй,
Въ душѣ его тѣснилась;
И ужасъ распростерся въ ней;
Длань тихо опустилась,
Мечъ выпалъ скорбь смѣнила страхъ;
Представилась Тангреду
Клоринда грустная, въ слезахъ,
Съ упрекомъ за побѣду,
За смерть и видѣть онъ не могъ
Пошочковъ крови алой,
И скорбь взрывалъ въ немъ каждый вздохъ
И сердце замирало.

Такъ безбоязненный герой,
И смерть спокойнымъ окомъ,
Не разъ выдавшій предъ собой
Въ мечехъ, въ бою жестокомъ,

Задрепеталъ ошь милыхъ слезъ,
 Ошь вздоховъ милой пѣни. . . .
 Межь пѣмъ вспалъ въперъ и унесъ
 Булашь его ихъ сѣни.
 Печальный — онъ идешь назадъ,
 Ооставилъ лѣсь дремучій,
 И видишь, на пуши булашь
 Лежишь его могучій.

Танкредъ ишии обрашно въ лѣсь ;
 Волшебный не рѣшился,
 Не смѣлъ покова сняшь съ чудесъ,
 И въ спавки возвратился.
 Собравшись съ духомъ говорилъ
 Передъ вожапымъ брани :
 „Ты слышалъ вѣрну вѣшь ; я былъ
 Въ лѣсу очарованій ;
 Я видѣлъ все, все испышалъ,
 И не смущался духомъ,
 И шуму спрашному внималъ
 Неоробѣвшимъ слухомъ.“

„Я къ лѣсу шагъ, и предо мной
 Пожаръ, крушясь клубами,
 Возросъ, расширился сѣтной
 И, вижу, межь огнями
 Чудовищъ возсшающъ полпы
 На охраненье сѣни ;
 Я все презрѣлъ и въ лѣсь споны ;
 Сшихъ огонь и пѣшь видѣній ;
 Я далъ въ лѣсь, — на лѣсь легла
 Зима со мглою ночи ;

Еще — и разсупилась игла
И свѣшь узрѣли очи.

„Повѣришь ли? въ древа проникъ
Духъ жизни непонятный;
У нихъ естъ чувшва и языкъ;
Я слышалъ голось внишный,
Ошдавшійся въ душъ моей
Мучительной шоскою;
Я видѣлъ съ ужасомъ очей
Бѣгущу кровь спруею.
Я слабъ, Гошфредъ, и предъ шобой
Признашья не спыжуся,
Я слабъ, и въ сѣни роковой
Ни вѣшви не коснуся.“

VI.

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ И ПОЛИТИКА.

О состояннн Греціи въ 1825 году.

(Отрывокъ изъ Путешествія Джемса Эмерсона въ
Грецію.)

12 Марша 1825 года, ошправились мы
изъ Мальшы въ Корфу, и 16-го прибыли въ
заливъ, лежащій предъ симъ городомъ. Видъ
былъ очаровашельный: вдали, на востокъ, воз-

вышались Пиндъ и Албанскія горы, коихъ луспья, обнаженныя вершины воздымались надъ облакавшимъ ихъ ушреннымъ шуманомъ; въ лѣво, высоты Корциры (Корфу), покрытныя свѣжею зеленью, сосставляли прелестный груншъ для живописнаго города и крѣпости, — которыя, споя на двойной скалѣ, господствуютъ надъ заливомъ. Часъ города, сначала представляющаяея глазамъ, подаетъ весьма выгодное поняшье о семъ оспровѣ; видна обширная площадь, на которой находится великолѣпный дворець, построенный во время управленія послѣдняго Губернашора, Лорда Мейшланда. Влѣво видны высокіе зубцы крѣпости и у подножія оной старый Венеціанскій дворець, въ коемъ помѣщается нынѣ Іонійскій Университетъ. Впередѣ представляется зеленая площадь съ Греческимъ фонтаномъ, съ кошорой открываешся прелестный видъ на море и лѣсистыя возвышенія, сосставлявшія нѣкогда древнее Царство Алкиноя. Вправо, рядъ хорошихъ строеній съ колоннадою, отдѣляетъ сію часъ города отъ стараго, кошорый однако же, мало по малу, шакже получаетъ лучшій видъ.

Кромѣ еспешственныхъ красотъ страны сей, здѣсь мало предметовъ, обращающихъ на себя вниманіе путешественника. На раз-

стояни двухъ миль отъ города, недавно открытъ близъ моря маленькій храмъ, который, по его положенію, почитаютъ посвященнымъ Нептуну. Нынѣ проложена къ нему Англичанами большая, великолѣпная дорога; она проходитъ чрезъ масличныя, персиковыя и померанцевыя лѣса, и мѣстами открывается съ оной предѣстный видъ на море.

Нынѣ Корфу можешь считаешься столицею Греческой Имперашуры, какъ попому, что по учрежденіи Университета, сей островъ заступилъ мѣсто Хиоса, такъ и по той причинѣ, что шеперь находишь на ономъ множество Грековъ съ отличными дарованіями. Первѣйшій между ими естъ Аванасій Псаллида, котораго единоземцы его почитаютъ достойнѣйшимъ соперникомъ знаменитаго Кораа. Университетъ, основанный на самыхъ выгодныхъ для учащихся правилахъ, (издержки каждаго студента состояющъ бездѣлицу), былъ открытъ 13 Ноября 1824 года. Онъ имѣетъ четыре Факультета: Богословскій, Юридическій, Медицинскій и Философскій. Онъ обязанъ существованіемъ своимъ неупомимымъ прудамъ Канцлера Лорда Гильфорда, и шеперь содержится еще почти единственно его щедростію. Библиотека, состоящая почти изъ 4000 томовъ, естъ исключительно его подарокъ, но

еще важнѣе цѣнишь должно время и вниманіе, которое сей почтенный мужъ посвящаетъ Университету. По спашушамъ, всѣхъ Профессоровъ надлежало бы избирать изъ Грековъ, однако же двое изъ нихъ, а именно, Профессоры Правовѣдѣнія и Изящныхъ Наукъ, Англичане. Профессоры носятъ одежду древнихъ Греческихъ Философовъ; одѣваніе студентовъ также старинное и живописное, однако же употребляется только шьми, которые достигли степени Филологовъ, а младшіе, воспитанники Грамматической школы, ходятъ въ обыкновенныхъ своихъ плащяхъ. Впрочемъ приятно видѣшь, что успѣхи сего заведенія соотвѣтствуютъ ожиданіямъ его покровителя. Нижніе классы наполнены учениками, а филологическій классъ уже состоить изъ 200 человекъ, болѣею частію, прибывшихъ съ твердой земли Греціи и изъ Корфу. Число учащихся непрерывно умножается. (И такъ здѣсь уже положенъ путь самый блистательный къ образованію Грековъ!)

Послѣ приятнаго двухдневнаго путешествія вдоль береговъ Албаніи, Салпа-Мавры и Кефалоніи, мы бросили якорь на Зантскомъ рейдѣ. Сей островъ весьма живописенъ, преимущественно со стороны противоположа-

щей берегу Элиды. Хотя высоты онаго крупны, но покрыты богатымъ лѣсомъ, и по зеленымъ утесамъ, поросшимъ шѣнистыми маслянистыми лѣсами, онъ еще заслуживаетъ древнее имя свое *Nemorosa Zakynthus*.

Городъ Зантъ имѣетъ 16,000 жителей, лежитъ у подошвы горъ, споящихъ въ полукругѣ и образующихъ гавань, и представляетъ красивый видъ, потому что всѣ дома въ ономъ бѣлые. Горы, окружающія оный, состоятъ изъ породы бѣлой глины и повсюду, гдѣ онъ не совершенно вершиками, или гдѣ земля не смыта горными потоками, усажены маслинами и виноградными лозами. За ними находится знаменитая долина Закинтосъ, превосходнѣйшимъ образомъ обработанная, покрытая красивыми загородными домами и окруженная живописными возвышенностями; отсюда предъставляется богатый видъ на Ионійскія гавани и отдаленныя Румелійскія горы.

Произведенія острова Зантъ драгоценны; на немъ есть два рода маслинъ и 40 родовъ винограда. Плоды одной изъ сихъ породъ, подъ именемъ коринокъ, вывозятся ежегодно на 57,000 ф. ст. — Впрочемъ всѣ плоды на семъ островѣ превосходны; на немъ распушь дыни, персики и абрикосы во множествѣ, но за то большая часть

употребляемаго хлѣба ввозишся изъ другихъ мѣспъ. Жишели, коихъ число полагають до 40.000, принадлежатъ, какъ говорять, къ самымъ безнравственнымъ изъ всѣхъ обитателей Ионійскихъ острововъ, доказательствомъ чему служить множество вѣтълицъ, обезображивающихъ окрестныя высоты. За два года передъ симъ, весь народъ, по приказанію Ионійскаго Правленія, былъ обезоруженъ, и съ тѣхъ поръ спокойствіе не было нарушено.

На семь островъ предпринимають тѣ же улучшенія, какъ и въ Корфу; и здѣсь превосходныя большія дороги и чистота въ городѣ свидѣтельствуютъ о присутствіи и стараніяхъ Англичанъ. Весьма пріятно видѣть чрезвычайныя усовершенствованія, учиненныя въ короткое время на семь островъ. Не долге, какъ за десять лѣтъ предъ симъ, онъ былъ зрѣлищемъ кровопролитія, безначалія и нищеты; нынѣ же распространеніе торговли, безопасность лицъ и собственности, размноженіе публичныхъ зданій, большія дороги, важныя доходы и всеобщее довольство, повсюду замѣчаемое, дѣлають сей островъ предметомъ зависти и удивленія.

23 числа, съѣли мы на небольшое судно и приспали къ берегу Греческой твердой земли, у маленькой деревни Кларенцы, лежа-

щей на берегу древней Килены; здѣсь некогда стоялъ значительный городъ, что доказываютъ нѣсколько развалинъ зданій и церквей; теперь Килена состоитъ только еще изъ пяти или шести бѣдныхъ хижинъ, и по тому имѣетъ еще нѣкоторую важность, что служитъ удобнымъ мѣстомъ складки для небольшой торговли, которую отсюда ведутъ съ островомъ Зантомъ. Говорятъ, что Англійскіе Герцоги Кларанскіе получили названіе свое отъ сего города, потому что одинъ изъ Герцоговъ Кларанскихъ вступилъ, посредствомъ брака, въ родство съ Геннегаускимъ домомъ, къ которому принадлежала Филиппина, супруга Эдуарда III.

Полагаю нужнымъ остановиться здѣсь на моемъ путешествіи, и сообщить краткое обозрѣніе положенія политическихъ дѣлъ во время моего прибытія. Извѣстно, что съ начала Греческой революціи, ни одинъ походъ не былъ начатъ съ такими блестящими надеждами на счастливый успѣхъ и при столь благополучныхъ обществешестввахъ, и что ни одинъ не кончился столь несчастливо и не содѣйствовалъ столь мало къ пріобрѣтенію свободы, какъ прошлогодній. Главною шому причиною было то, что Греки теперь должны были сражаться не съ своими, столь часто побѣжденными про-

шивниками, Турками, но съ Египтянами ; что полководцы сихъ послѣднихъ не только имѣли воинскую прозорливость, но и были знакомы съ землею и Греческимъ національнымъ характеромъ — между тѣмъ, какъ Греческіе Капитаны были не иное что, какъ предводители крестьянъ, привыкшихъ къ разбойничьей войнѣ. Счастіе, сопровождавшее досель всѣ предпріятія сихъ полководцевъ и опасеніе потерять часть своей важности при учрежденіи регулярныхъ войскъ, побуждало не слѣдовать сей системою единственной, которая представляла имъ возможность вопрошившись обученнымъ Египетскимъ войскамъ, шакъ, что при началіи похода новая національная гвардія соспояла не болѣе, какъ изъ 500 человекъ. Греки провели зиму въ обыкновенномъ своемъ бездѣйствіи. Величайшее бѣдствіе, уничтожившее всѣ ихъ старанія, было несогласіе вождей ; каждый, забывая о выгодахъ общественныхъ, думалъ только о своихъ собственныхъ. Сіе несогласіе превратилось наконецъ въ открытую междоусобную войну, шакъ, что мятежники готовились занять Наполи ди Романію. Сіе возмущеніе было укрощено не ранѣе, какъ въ Декабрѣ, и совершенно воспрепятствовало завоеванію Папруса.

Турки иначе воспользовались зимнимъ временемъ. Омеръ-Паша былъ переведенъ въ Салоники, а на его мѣсто вступилъ Паша Ларисскій съ неограниченною властію и достаточными средствами, чтобы набрать войско для завоеванія Западной Греціи, коея Пашалыкъ ему былъ обещанъ. Онъ съ твердосію началъ наборы, между тѣмъ, какъ Египтяне готовились съ такою же дѣятельностію. Нельзя ушвердительно сказать, обѣщала ли Порта Египетскому Пашѣ Морею, въ случаѣ завоеванія оной. Несомнѣнно только то, что Мегмедъ-Али все старанія свои направилъ на сію точку, и отъ этого они имѣли счастливѣйшій успѣхъ.

Однако же, до начала Февраля, обстоятельства казались благопріятными для Греціи. Тотъ же самый корабль, который возвратилъ Кондуріюшши въ Неполи ди Романію для занятія оставленнаго имъ мѣста, отвезъ начальниковъ мятежа, Колокопрони и поборниковъ его, на Идру, гдѣ монастырь Святаго Николая, лежащій на утесистой вершинѣ одной изъ дичайшихъ горъ сего острова, назначенъ былъ ихъ шемяцею. Греческое Правительство имѣло въ полномъ владѣніи всю Морею, за исключеніемъ Пашраса, который теперь находился въ сильной блокадѣ, и незначущихъ крѣпостей Ко-

рона и Модона; также и вся Западная Греція находилась въ рукахъ сего Правительствва. Четвертая часть займа уже прибыла въ Грецію; ожидали остальныхъ частей. Сверхъ того открытъ былъ еще новый заемъ въ Англии, такъ, что казна Правительствва была снабжена достаточными средствами къ походу. — Но подъ конецъ Февраля случилось первое несчастіе. Ибрагимъ Паша присталъ къ берегамъ Морей, между тѣмъ какъ Греческій флотъ, копорый могъ бы ему въ помъ воспренятствовать, осаждалъ Папрасъ, и будучи слишкомъ поздно о помъ уведомленъ, оставилъ свою позицію только лишь въ день его высадки на берегъ. Все было спокойно до 20 Марша, когда Ибрагимъ, получивъ подкрѣпленіе, съ значительнымъ осаднымъ корпусомъ выступилъ противъ Наварина. Однако же Греки «адьялись, сильными мѣрами, мужествомъ своихъ воиновъ и твердостью крѣпости, отразили всякое нападеніе.

Въ Западной Греціи обстоятельство были еще несчастнѣе. Здѣсь, какъ извѣстно, Одиссей, сильный вождь Ливадійскій, отказался отъ послушанія Правительству и, по видимому, соединился даже съ врагами отечества. Пространная, почти неприступная пещера, огражденная пушками, снабженная оружіемъ, съестными припасами и водою, про-

испекавшею изъ источника во внутренность оной, служила ему, соединившемуся съ нимъ Англичанину Тредони и его приверженцамъ, безопаснымъ убѣжищемъ; онъ взялъ съ собою семейство и сокровища свои; въ то же время возобновилъ онъ прежнія дружескія свои сношенія съ Пашею Негропонскимъ. Невозможно утвердительно сказать, въ чемъ состояли его намѣренія; однако же Правительство объявило его измѣнникомъ, и послало бывшего Капитана Гуру съ Апшическимъ войскомъ, чтобы принудить его къ послушанію. Уже произошло нѣсколько легкихъ стычекъ между ими; войска Одиссея все болѣе и болѣе оставляли его, частію зашѣвъ, чтобы не сражаться пропавъ единоземцевъ своихъ, частію же убѣжденные увѣщаніями Гуры. Въ сіе время Румели-Валеси съ 15.000 человекъ войска прибылъ въ Арпу. Ежечасно ожидали, что онъ двинется впередъ; несмотря на то, полагались совершенно на мужество войскъ, занимавшихъ пѣнины, и не опасались взятія Миссолонги.

Вотъ положеніе, въ копоромъ находились политическія дѣла въ Греціи; однако же прежде, нежели я пушусь въ дальнѣйшій путь, скажу нѣсколько словъ о трудности и способахъ путешествія по Греціи. Морей, за исключеніемъ пространства нѣсколькихъ

миль вдоль берега, состоятъ вся изъ горъ, взгроможденныхъ одна на другой, и на пуши ошь западнаго къ восточному берегу ошь Кларенцы до Наполи ди - Романѣи чрезъ Эладу, Аркадію и Арголиду, мы не встрѣтили ни одной долины, имѣвшей болѣе Англійской-мили въ окружности, кромѣ маленькой горной равнины на которой лежитъ Триполица. Тамъ нѣтъ большихъ дорогъ, потому что Турки, обладая сею спраною, почитали устроеніе оныхъ грѣхомъ, и извиняли врожденную лѣность всегдашнею своею поговоркою: „если бы Богу угодно было, чтобъ мы передвигались съ мѣста на мѣсто, то Онъ далъ бы намъ и большія дороги.“ Впрочемъ сей недоспашокъ въ большихъ дорогахъ есть нынѣ одно изъ предохранительныхъ средствъ для Грековъ, потому, что ни одно войско не можешь глубоко проникнуть въ ихъ землю. (Правда, что Ибрагиму удалось съ корпусомъ войскъ своихъ проникнуть сквозь долины, прорѣзывающія средину Морен до Триполицы и Аргоса, однакоже онъ не успѣлъ овладѣть горными пространствами на сѣверъ и югъ ошь оныхъ; Греки безпрестанно ошескупающъ въ оныя: ошь того-то и нынѣшній несчастный походъ въ соразмѣрности стоилъ имъ весьма мало людей). Чрезъ горы пролегають одиѣ шроинки, по кото-

рыль ходящъ лошаки и лошади, употребляе-
мая въ горахъ, но ѣздить по снѣгу степамъ
не безопасно: онѣ иногда саужашъ къ спокѣ
горной воды, и покрыты шашками, скольз-
кими камнями, по коимъ однако же лошаки
ходящъ съ удивительною твердостью.

На слѣдующее утро продолжали мы пу-
тешествіе наше въ Триполицу. Дорога раз-
нообразна и удобна. Она долго тянулась по
вершинамъ горнаго хребта, съ котораго от-
крывается пространный видъ въ широкую
долину, орошаемую Алфеемъ, который, уси-
лившись многими ручьями, долго извивался
у подошвы сихъ горъ, и наконецъ скрылся
между ними. Путешествіе наше продолжа-
лось цѣлый день, сопряжено было съ труд-
ностями, и вело насъ чрезъ дороги, кото-
рыя издали казались непроходимыми. Однако
же при солнечномъ закатѣ, мы достигли
равнины, на которой находятся древнія раз-
валины Манпиней и Тегем, и новѣйшія, на-
чиная съ Триполицы. Послѣ нѣкоторой ос-
тановки у воротъ для предъявленія паспор-
товъ, насъ впустили въ городъ, и Полціія
ошвела намъ квартиру, которая хотя была
довольно худа, но въ сравненіи съ тѣми, гдѣ
мы приспавали дорогою, могла назваться
великодѣпною. До 1821 года, Триполица, въ
которой амьль пребываніе Паша Морейскій,

почиталась главнымъ городомъ сего полуострова. Она лежишь на равнинѣ, которой, кажешся, сама природа назначила бышь прелестною, но по недостатку въ обработываніи, она предшавляетъ совершенно пому прошивное. Живописныя горы образуютъ амфитеатръ, имѣющій въ ширину 5, а въ длину отъ 6 до 7 миль; и эта страна, которую воздѣланіе могло бы превратить въ рай, нынѣ предшавляетъ совершенную пустыню, на которой только изрѣдка видны деревья. Видъ Триполицы, подобно прочимъ Греческимъ городамъ, не весьма красивъ. Родъ высокой садовой стѣны, оную окружающей, двѣ; при полуразрушенныя башни и слабая, невыгодно стоящая крѣпость, составляютъ всѣ ея укрѣпленія, которыя однако же съ великимъ трудомъ были завоеваны въ началѣ войны. Улицы по большей части узкія, однако же чище обыкновеннаго, потому что омывающся многими ручьями. На базарѣ спомнѣ много лавокъ, наполненныхъ товаромъ, состоящимъ преимущественно изъ оружія и одежды, которыя здѣсь лучшей доброты и дешевле, чѣмъ въ другихъ городахъ Морей. Большая часть города лежишь въ развалинахъ, особенно тѣ улицы, которыя прилегаютъ къ городскимъ стѣнамъ. Однако же нѣкоторыя изъ важнѣйшихъ

Турецкихъ домовъ сохранены; а дворець, построенный Вели-Пашею, сыномъ Али-Паши Янинскаго, занятъ нынѣ Полиціею. Сей городъ вообще предсхавляетъ картину бѣдности, нечистоты и разрушенія. Гражданское правленіе въ ономъ, какъ обыкновенно, есть элархіальное, а многочисленный гарнизонъ находится подъ командою Коменданша крѣпости, Генерала Ксандеса. Греческія церкви построены скудно, хотя многія изъ нихъ украшены барельефами и сполпами, взятыми изъ сосѣдственныхъ развалинъ Маншиней. Изъ существующихъ еще Турецкихъ мечетей, одна превращена въ Ланкашерскую школу, а другія въ анбары. — Въ самое шое время проѣзжали чрезъ Триполицу, по дорогѣ въ Наваринъ, Президентъ Исполнительной власти Кондуріюши, и Князь Маврокордапо, и ошголосокъ пушечной падьбы, которою ихъ привѣщивали, по амфитеатральному положенію горъ, раздавался съ неописаннымъ величешвомъ. — На другой день мы оправились въ Наполи-ди-Романіо. Дорога шла чрезъ спранныя дефилеи и крутыя скалы; наконецъ взобрались мы на послѣдній горный хребетъ, ошдѣлявшій насъ отъ Навпайскаго залива. Видъ съ онаго былъ весьма величешвенъ, а вокругъ простирались самыя пыщія, ошдѣльныя горы.

Данный рядъ верблюдовъ тихо извивался вверхъ по крутизнамъ, между швъмъ, какъ легкой въперокъ приносилъ къ намъ звонъ колокольчиковъ и тихое пѣніе. Обогнувъ еще одну горную вершину, мы увидѣли Егейское море, которое покоилось подъ мирными небомъ, между швъмъ какъ Навплійскія скалы воздымались надъ прибрежными утесами. Когда мы приближались еще на полмили, представилась намъ прелестнѣйшій видъ Аргосскаго залива, съ лежащими при устьѣ онаго островами Идрою и Спеціею, между швъмъ какъ Наполи-ди-Романія, Керинтось, Аргось и Лернейскія болота лежали предъ нашими ногами; вся сія картина ограничивалась отдаленною цѣпью Энидаврскихъ горъ. Теперь дорога помянулась крушо внизъ по берегу, и спустя полчася, мы приехали къ берегу у Навплійской таможенной лавки, съвъ на маленькое судно со всѣмъ нашимъ обозомъ.

Навплійская гавань, въ сѣверной части залива, образуется крушимъ утесомъ, вдавшимся въ море. Она защищается городскими баштареями и крѣпостцею, построенною на скаль посреди залива. Городъ со стороны моря весьма красивъ; дома высоки, но не видны наружностью, и построены у самой воды, вдоль сѣверной стороны упомянутого

крушаго ушеса. На другой высокой горѣ, нѣсколько подаѣе къ востоку, которая еще сохранила названіе Паламиди, спойшъ большая башпарея, командующая городомъ и гаванью. Крѣпосица сія здѣсь почитается неприступною, и можетъ быть, неприступна для солдатъ, каковы Греки и Турки; послѣднихъ могли лишь голодомъ принудить къ сдачѣ оной, когда оставалось только еще семь Турецкихъ пушекъ. Укрѣпленія около города всѣ построены Венеціанцами, и состоятъ изъ огромной, нынѣ развалившейся стѣны, прехъ морскихъ башпарей и одной башпарси на ушестъ, на кошоромъ выстроень городъ. Одна изъ нихъ, командующая входомъ въ городъ, называется *сухопутною* и имѣетъ семь хорошихъ 43-фунсовыхъ пушекъ; другая, *морская*, нынѣ превращена въ арсеналь и литейный дворъ; претія командуешъ городомъ съ западной стороны и входомъ въ гавань; на ней стояшъ пять превосходныхъ 60-фунсовыхъ пушекъ. Если исключишь большую чешыреугольную площадь, то вся внутренность города состоятъ изъ узкихъ, дурныхъ, грязныхъ улицъ, изъ коихъ большая часть лежишь въ развалинахъ, частію оны смѣшнаго обыкновенія разрушашъ дома Турокъ, частію же оны того, что Турки изъ крѣпосицы палили по

городу. Сущесшвующіа еще дома просторны, а нѣкоторыя изъ нихъ даже удобны; во всѣхъ нижній этажъ назначенъ для лошадей, опшпу-да по широкой лѣспницѣ входить въ жилые покои. Лучшій домъ есть дворець послѣд-яго Паши, въ которомъ шеперь живеть Князь Маврокордашо.

Кажешся, что шорговля Наполи ди Ро-маніи прекратилась; съ 1821 года она была мѣстомъ складки для всѣхъ Греческихъ про-изведеній, и вела обширную шорговлю губ-ками, шелкомъ, деревяннымъ масломъ, вос-комъ и виномъ; нынѣ вся шорговля ея состо-ишь въ незначительномъ ввозѣ нужнѣйшихъ предметовъ. Лавки, какъ въ Триполицѣ, на-полнены оружіемъ и одеждою, и всѣ жише-ли ходять въ платьѣ Албанскихъ и Евро-пейскихъ солдатъ. Климашъ нездоровъ, и го-родъ сей часто страдалъ отъ язвы, отъ че-го въ прошедшемъ столѣтїи народонаселеніе съ 8000 уменьшилось до 2000 душъ. Вели-чайшая нечистота на улицахъ, при множе-ствѣ народа, всегда шодпящагося около мѣ-стопробыванія Правительсшва, равно какъ и положеніе города у подошвы крушой горы, препятсшвующей св. бод ому обращенію воз-духа, дѣлаешъ ихъ безпрерывными жертвами повальныхъ лихорадокъ, которыя какъ въ прошедшую, такъ и въ нынѣшнюю зиму

произвели величайшія опустошенія. Воздухъ всегда гущь и гораздо нездоровье, чѣмъ въ Аѳинахъ и во внушренныхъ горахъ Морейскихъ.

До отъѣзда Президентша и Секретаря его, Князя Маврокордашо, дѣла правленія были шакъ устроены, что Правительство находилось въ непрерывныхъ сношеніяхъ, какъ съ войсками, копорыя находились къ сѣверу отъ Коринскаго перешейка, шакъ и съ шѣми, копорыя расположены были предъ Навариномъ. Вице - Президентъ Бошаци, добродушный и честный Спеціошъ, копорый хотя и неодаренъ большимъ разумомъ, однако же пользуется всеобщимъ уваженіемъ за правдивость свою, вступилъ по Исполнительной части на мѣсто Кондуріоши; Кристидесь, дѣлшельный инприганшъ, сдѣланъ былъ Секретаремъ, а прочіе Члены ошались на мѣстахъ своихъ. Между ими находишя Врачъ Колетши, копорый въ семь качествъ находишя прежде въ службѣ Али - Паши, хипрѣйшій и умвѣйшій изъ всѣхъ Членовъ, но ненавидимый народомъ за тяжкіе сборы, учиненные съ его согласія въ Румелии; вѣчныя инприги и непріятная его наружность ввели его, какъ у Морейцевъ, шакъ и у иностранцевъ, въ дурную славу лутавшва, сребролюбія и даже опаснаго че

сполубія. Не смотря на то, признанныя его способности доставили ему такое вліяніе какъ у Президента, такъ и въ Исполнительномъ правленіи, что можно его почитать главною пружиною всѣхъ ихъ предпріятій; прочіе два Члена суть: Спеліотэки, существо въ полномъ смыслѣ ничтожное, и Майношъ Петро - Бей (Мавромихали), добродушный человекъ съ праздничнымъ лицомъ, который оплачивается только своимъ аппетитомъ и Эпикуреизмомъ. Между Членами Законодательнаго Сословія никто особенно не оплачивается, кромѣ Спиридона Трикупи, сына бывшаго Примаеса Миссолонгскаго и Представителя сего города; онъ былъ Секретаремъ Лорда Гильфорда, и провель нѣсколько лѣтъ въ Англіи, и потому очень хорошо знаетъ по-Англійски и имѣеть обширныя познанія. (Онъ всегда старался внушить народу мысль, отдаваться подъ покровительство Англіи, какъ то и случилось на послѣднемъ Эпидаврскомъ Конгрессѣ). Собранія Законодательнаго Сословія обыкновенно бывають весьма мирны, хотя оно и состоитъ изъ 60 Членовъ, или оживляемы бывають преніями въ видѣ обыкновенныхъ разговоровъ; досель одинъ Трикупи говорилъ рѣчи. За нѣсколько времени предъ симъ, сдѣлано было предложеніе напечатать ош-

чепь въ шрудахъ онаго въ Идрійскихъ Вѣдомостяхъ, однако же большинствомъ голосовъ оное было опровергнуто. Изъ числа прочихъ Государственныхъ чиновниковъ самую бѣольшую надежду о себѣ подаетъ Военный Министръ Адамъ Дука, молодой человекъ изъ древнѣйшей и знатнѣйшей Греческой фамиліи (Іоаннъ Дука былъ Императоромъ съ 1222 по 1225 годъ).

Самый страннѣйшій изъ всѣхъ Государственныхъ чиновниковъ есть конечно Министръ Внутреннихъ Дѣлъ Григорій Флесса, прежде бывшій Экономомъ въ одномъ монастырѣ и извѣстный подъ именемъ Григорія Диксоса и Паппа-Флессы. Свѣтскія склонности внушили ему отвращеніе отъ своего званія, и въ началѣ войны онъ вступилъ волонтеромъ подъ отечественныя знамена. Оказавъ во многихъ случаяхъ отличную храбрость, и получивъ за то званіе Капитана, онъ совершенно сложилъ съ себя духовную одежду, и наконецъ, послѣ многихъ, оказанныхъ имъ важныхъ услугъ, сдѣланъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ. Теперь онъ совершенно предался своимъ склонностямъ и отличается только однимъ добрымъ качествомъ, непоколебимою любовію къ отечеству, хотя всѣ презирають его, какъ человека дурной нравственности. О Министрѣ Юстиціи

Теодіаки извѣстно только то, что онъ за какое-то непохвальное дѣло согнанъ съ Іонійскихъ острововъ. О Министрѣ Полиціи я даже и не слыхалъ, а по ужаснѣйшей нечистопѣ на улицахъ сужу, что званіе его должно бытъ родъ инвалиднаго содержанія.

(Продолженіе общаго.)

VII. СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ БИБЛІОГРАФІЯ.

Н О В Ы Я к н и г и :

I 8 2 6.

С т а т и с т и к а .

226. *Указатель жилищъ и зданій въ Москвѣ*, или адресная книга съ планомъ, составленная служащимъ при Московскомъ Военномъ Генераль-Губернаторѣ Чиновникомъ *В. Соколовымъ*. М. въ шип. Августа Семена, при И. Медико-Хирургической Академіи. 1826. IX, 372 и 269 с. въ б. 12.

Д р е в н о с т и .

227. *Описаніе муміи*, найденной въ 1820 г. близъ Мемфиса, *Княземъ Г. П. Аваловымъ* и нынѣ находящейся въ Москвѣ,

съ рисунками. М. въ Унив. шип. 1826.
9 с. въ 4, съ 4 чершежами и крапкими
описаніями, къ онымъ принадлежащими.

Искусства и Художества.

228. *Объ Искусствѣ и Художникахъ, Раз-
мышленіе опшельника, любителя Изыс-
наго. Изд. Л. Тикомъ. Перев. съ Нѣ-
мецкаго. М. въ шип. С. Селивановскаго.
1826. 314 с. въ 8.*

Естественная Исторія.

229. *Всеобщая заводская книга, содер-
жащая родословныя скаковыхъ лошадей и
проч., опъ первыхъ объ нихъ извѣстій,
до 1822 г. М. въ шип. Августа Семена,
при И. Медико-Хир. Академіи. 1826.
595, XXXVI и XXX с. въ 8.*

С м л ь с ь.

230. *Собраніе карточныхъ раскладокъ, из-
вѣстныхъ подъ названіемъ Грандъ-Пасі-
ансовъ, усердно посвящаемое всѣмъ дѣ-
ловымъ людямъ. М. въ шип. С. Селива-
новскаго, 1826. 208 с. въ 8.*
231. *Дѣтскія игры и занятія, или собра-
ніе нравоучительныхъ повѣстей, съ сло-
варемъ. Украшенное 18 карпинками ил-
люминированными. М. въ шип. Августа
Семена при И. Медико-Хир. Академіи.
1826. 359 с. въ м. 12.*

О т ъ И з д а т е л ь и.

Заключая сею книжкою издание Сына Отечества на 1826 годъ, поспавляемъ долгомъ извиниться предъ почтенными нашими читателями въ поздномъ выходѣ послѣднихъ онаго книжекъ. Сіе случилось въ первый разъ въ печеніе 14 слишкомъ лѣтъ, и причинено непредвидѣнными, весьма тягостными обстоятельствомъ, которыхъ, надѣемся, впредъ не будешь. — Въяснѣ съ симъ выходящъ первая книжка Сына Отечества на 1827 годъ. Вшорая печатается; при шретней, поздно при четвертой, надѣемся войти въ прежній порядокъ. На нынѣшній годъ приняты нами мѣры, чшобъ сей порядокъ опнюдь не нарушался: на случай болѣзни котораго либо изъ насъ (бывшей въ истекшемъ году одною изъ главныхъ причинъ замедленія), имѣемъ мы постоянныхъ и усердныхъ соспрудниковъ.

Издатели.

12 Января 1827.

Конецъ сто десятой части.

О Г Л А В Л Е Н И Е

С Т О Д Е С Я Т О Й Ч А С Т И .

	Стран.
I. Изящная Словесность.	
1. Государственный преступникъ, Повѣсть	3
2. Поединокъ	195
3. Нечаянности	230
II. Записки объ Англіи	53
III. Древности.	
Календарь	85
IV. МАТЕМАТИКА.	
О происхожденіи Русской линейной мѣры и вѣса	140
V. Словесность.	
Геній и характеръ	302
VI. ЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ.	
О царствѣ прозябаемыхъ въ Европѣ (оконч.)	312
VII. Антикритика.	
Письмо къ Г. Издашело Московскаго Теле- графа	343
VIII. Стихотворенія.	
1. Ошривокъ изъ Федры	174
2. Торжештво Амура	178
3. Пѣсня	281
4. Одипочество	—
5. Таньредь въ очарованномъ лѣсу	352

IX. **СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ И ПОЛИТИКА.**

1. Колумбійскіе Полководцы 161
2. О сношеніи Греціи въ 1825 году 359

X. **СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ БИБЛИОГРАФІЯ** 182
380XI. **СМѢСЬ.**

1. Рѣчь, произнесенная при испытаніи въ
С. П. б. Высшемъ Училищѣ 186
2. Опъ Издашелей 382

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

1826. № 21 и 22.

3 А Н О Я Б Р Ъ .

О Г Л А В Л Е Н І Е .

I.	Изящная Словесность.	3
	Государственный преступникъ (Повѣсть).	
II.	Записки объ Англии	53
III.	Древности	85
	Календарь.	
IV.	МАТЕМАТИКА	140
	О происхожденіи Русской линейной мѣры и всѣхъ.	
V.	СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ и ПОЛИТИКА	161
	Колумбійскіе Полководцы.	
VI.	СТИХОТВОРЕНІЯ	174
	1. Отрывокъ изъ Федръ.	
	2. Торжество Амура.	
	3. Пѣсня.	
	4. Одиночество.	
VII.	СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ БИБЛИОГРАФІЯ	182
VIII.	СМЕСЬ	186
	Рѣчь, произнесенная при испытаніи въ С. И. Б. Высшемъ Училищѣ.	

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.
 Санктшпетербургъ, Ноября 17 дня 1826 года.
Цензоръ Колл. Ассесс. и Кавалеръ
Константинъ Сербиновичъ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ИМПЕРАТОРСКАГО ВОСПИТАТЕЛЬНАГО ДОМА.

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

1826. № 23 и 24.

3 А Д Е К А В Р Ъ

О Г Л А В Л Е Н И Е.

- I. **ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.** 193
1. Поединокъ.
2. Незачинности, Повѣсть.
- II. **СЛОВЕСНОСТЬ.** 302
Геній и характеръ.
- III. **ЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ** 312
О царствѣ прозябаемыхъ въ Европѣ, (оконч.).
- IV. **АНТИБРИТКА** 343
Письмо къ Г-ну Издашелю Московскаго
Телеграфа.
- V. **СТИХОТВОРЕНІЯ.** 352
Танаредъ въ очарованномъ лѣсу.
- VI. **СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ И ПО-**
ЛИТИКА 359
О состояніи Греціи въ 1825 году.
- VII. **СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ БИБЛЮ-**
ГРАФІЯ 380
- VIII. **СМѢСЬ** 382
Ошъ Издашелей.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.

Санктшпетербургъ, Декабря 17 дня 1826 года.

*Цензоръ Колл. Ассесс. и Кавалеръ
Константинъ Сербиновичъ.*

ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. ГРЕЧА.

